АѲИНСКАЯ ПОЛИТІЯ

АРИСТОТЕЛЯ

И

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ПЛУТАРХА.

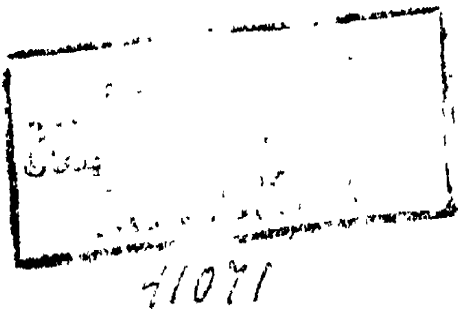
Изслѣдованіе

М. Гершензона.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв.
1895.

3
485
Гер

Изданіе Императорскаго Московскаго Университета.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая работа была представлена мною въ октябрѣ 1893 года Историко-филологическому факультету Московскаго Университета, какъ отвѣтъ на тему, предложенную проф. А. Н. Шварцемъ для соисканія медали. Тема была выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Объ отношеніи цитатъ изъ Аристотелевой Αθηναίων Πολιτεία въ біографіяхъ Плутарха къ показаніямъ изданнаго Британскимъ Музеемъ подъ этимъ заглавіемъ трактата». Какъ убѣдится читатель, я не ограничился прямымъ отвѣтомъ на тему, а расширилъ рамки своей работы, внеся въ нее изслѣдованіе общихъ источниковъ Аристотеля и Плутарха. Несомнѣнно, что только самое тщательное изслѣдованіе источниковъ Политіи дастъ возможность рѣшить тѣ трудные и важные вопросы, которые были подняты учеными тотчасъ послѣ ея открытія,—вопросы о способѣ составленія и о цѣляхъ этого трактата. Поэтому вопросу объ источникахъ я придавалъ въ своей работѣ не меньшее значеніе, чѣмъ основному вопросу темы.

Въ предисловіи къ одной изъ своихъ книгъ Эмиль Дюбуа-Реймондъ говоритъ, что если авторъ перечисленіемъ своихъ ошибокъ указываетъ путь критикѣ, то тѣмъ самымъ онъ и ослабляетъ ее: Selbstkritik stumpft fremden Tadel ab.

Я хорошо знаю, какъ много пробѣловъ и погрѣшностей въ моей книгѣ. Отвлеченный другими неотложными занятіями, которыя до сихъ поръ не давали мнѣ возможности приступить къ ея печатанію, я принужденъ былъ ограничиться только самыми необходимыми поправками въ ней. Изслѣдо-

ваніе источниковъ—одна изъ важнѣйшихъ отраслей историческаго знанія, но, можетъ быть, изъ всѣхъ — наиболѣе трудная и наименѣе дающая удовлетвореніе ученому. Примѣръ прежнихъ изслѣдователей показалъ мнѣ, съ одной стороны, какъ недолговѣчны выводы, основанные на искусственномъ толкованіи текстовъ, съ другой—какая неусыпная осторожность нужна изслѣдователю для того, чтобы не дать предрасположенію увлечь себя къ такимъ натяжкамъ. Если мнѣ не всегда удавалось избѣгнуть подобныхъ ошибокъ, то это объясняется отчасти, вѣроятно, моей неопытностью и увлеченіемъ, отчасти свойствами матеріала, съ которымъ я имѣлъ дѣло.

Всѣмъ, что̀ можетъ оказаться вѣрнаго въ этой книгѣ, я обязанъ двухлѣтнему участію въ семинаріи проф. П. Г. Виноградова по Аѳинской Политіи Аристотеля. Предлагаемая работа не была прямымъ результатомъ этого семинарія, но здѣсь я учился тому, чего нельзя найти въ книгахъ, что можетъ дать только или живое слово учителя, или тяжелый опытъ собственныхъ ошибокъ,—пріемамъ изслѣдованія, научному методу. За это живое слово, за рядъ драгоцѣнныхъ указаній и теплое участіе къ моей работѣ приношу учителю глубокую, сердечную благодарность. Считаю долгомъ также выразить искреннюю признательность проф. А. Н. Шварцу за снисходительную критику моей работы, указавшую мнѣ на многіе недостатки послѣдней, и за любезность, благодаря которой я получилъ возможность напечатать это изслѣдованіе на средства факультета.

Моя работа распадается на двѣ части: на анализъ біографіи Солона съ точки зрѣнія пользованія Политіей, и на такой-же анализъ прочихъ біографій. Выдѣлить жизнеописаніе Солона побудило меня то соображеніе, что оно одно содер-

житъ въ себѣ бо́льшее число важныхъ для насъ извѣстій, чѣмъ всѣ прочія біографіи вмѣстѣ; поэтому мнѣ казалось и удобнымъ, и цѣлесообразнымъ довести его анализъ до конца самостоятельно, внѣ связи съ остальнымъ матеріаломъ. Изъ другихъ біографій пришлось подвергнуть анализу только 5: біографіи Ѳемистокла, Аристида, Кимона, Перикла и Никія; въ біографіяхъ Алкивіада и Лисандра мнѣ не удалось найти ни одного извѣстія, которое стояло-бы въ какой нибудь связи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Политіи. Разборъ жизнеописанія Тесея завершаетъ работу. благодаря отсутствію первыхъ главъ Политіи, результаты, къ которымъ приводитъ анализъ этой біографіи, естественно не могутъ достигать той твердости, какой отличаются выводы изъ прочихъ біографій, и слѣдовательно не могутъ, наравнѣ съ ними, служить основаніями для общаго вывода; напротивъ, они должны опираться на него, и только въ связи съ нимъ могутъ разсчитывать на достовѣрность и признаніе.

Москва, 12 мая 1895 г.

СОЛОНЪ.

Прежде, чѣмъ приступить къ анализу біографіи Солона, укажу на тѣ общія соображенія, которыя руководили мною при этой работѣ. Вопросъ, который насъ занимаетъ, т.-е. вопросъ о томъ, пользовался-ли Плутархъ въ біографіи Солона Политіей Аристотеля, косвенно и въ главныхъ чертахъ былъ рѣшенъ уже задолго до открытія Политіи. Принцъ и Бегеманнъ въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ доказали, что Плутархъ въ этой біографіи слѣдовалъ одному или, самое большее, двумъ источникамъ; сведя къ этимъ источникамъ каждую изъ 32-хъ главъ біографіи, они тѣмъ самымъ косвенно доказали, что если Плутархъ пользовался и другими авторами, то бралъ у нихъ только отдѣльныя, краткія извѣстія, которыми дополнялъ или исправлялъ свѣдѣнія своего постояннаго источника. Какъ ни правдоподобенъ этотъ выводъ самъ по себѣ и какъ ни убѣдительны, съ другой стороны, доказательства изслѣдователей,—я не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ самостоятельнаго изслѣдованія вопроса, и именно по двумъ причинамъ.

Сочиненіе Гермиппа до насъ не дошло; поэтому несомнѣнно доказать пользованіе имъ можно только для немногихъ главъ біографіи Солона: относительно бо́льшей части извѣстій такой взглядъ представляется только болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Естественно, что и вытекающій изъ гипотезы Бегеманна косвенный выводъ о пользованіи Политіей не можетъ претендовать на абсолютную вѣрность. Я считалъ необходимымъ самостоятельно провѣрить его путемъ прямого сопоставленія извѣстій Политіи съ Плутарховой біографіей.

Другое соображеніе состоитъ въ томъ, что гипотеза о Гермиппѣ, какъ основномъ источникѣ Плутарха, еще вовсе не

устраняетъ возможности пользованія Аристотелемъ, какъ и многими другими авторами. Безъ сомнѣнія, Плутархъ значительно пополнилъ разсказъ Гермиппа, введя въ него множество мелкихъ извѣстій, которыя онъ нашелъ у другихъ писателей. Былъ-ли между послѣдними и Аристотель, т.-е. составляла-ли Политія, если не главный, то, по крайней мѣрѣ, второстепенный источникъ Плутарха,—этотъ вопросъ, прежде неразрѣшимый, теперь, благодаря открытію Политіи, можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Руководясь этими двумя соображеніями, я на время отрѣшился отъ выводовъ моихъ предшественниковъ. Моя ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы, сопоставляя сходныя извѣстія Плутарха и Аристотеля, въ отдѣльности относительно каждой пары извѣстій выяснить характеръ связи, которою было обусловлено ихъ сходство. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія будетъ опредѣленъ результатами, къ которымъ приведетъ меня эта первая часть работы.

Въ первой главѣ біографіи Солона Плутархъ говоритъ о происхожденіи и общественномъ положеніи Солона: по происхожденію онъ причисляетъ его къ знатнымъ, по матеріальному положенію—къ среднему классу. Совершенно такъ-же опредѣляетъ положеніе Солона и Аристотель; мало того, оба автора употребляютъ для характеристики почти тѣ-же выраженія: Plut. οὐσίᾳ μὲν καὶ δυνάμει μέσου τῶν πολιτῶν, οἰκίας δὲ πρώτης κατὰ γένος.—Arist. τῇ μὲν φύσει καὶ τῇ δόξῃ τῶν πρώτων, τῇ δ'οὐσίᾳ καὶ τοῖς πράγμασι τῶν μέσων. Но между тѣмъ какъ Аристотель въ этихъ выраженіяхъ характеризуетъ общественное положеніе самого Солона, Плутархъ прилагаетъ ихъ къ его отцу, Эксекестиду; кромѣ того, онъ ближе опредѣляетъ знатное происхожденіе Солона: послѣдній принадлежалъ къ числу Кодридовъ.

Подобно Аристотелю, и Плутархъ не ограничивается указаніемъ на принадлежность Солона къ среднему классу; онъ сообщаетъ также, что симпатіи Солона принадлежали скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ. Но у Аристотеля это замѣчаніе характеризуетъ только отношеніе Солона къ раздору (καὶ ὅλως αἰεὶ τὴν αἰτίαν τῆς στάσεως ἀνάπτει τοῖς πλουσίοις), тогда какъ у Плутарха оно служитъ для общей характеристики личности Солона. Собразно съ этимъ различіемъ, оба автора выбрали для иллюстраціи своихъ словъ и различные отрывки изъ стихотвореній Солона: Аристотель приводитъ отрывокъ изъ стихотворенія, въ которомъ Солонъ явно приписываетъ вину смуты неумѣренности богатыхъ, Плутархъ— отрывокъ, гдѣ Солонъ отдаетъ преимущество добродѣтели передъ богатствомъ. О заимствованіи у Аристотеля или компиляціи двухъ источниковъ, очевидно, не можетъ быть рѣчи. Извѣстіе Плутарха относится къ извѣстію Аристотеля, какъ общая характеристика лица къ разсказу о его поведеніи въ одномъ отдѣльномъ случаѣ; но сходство въ содержаніи показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ двумя частями характеристики, сдѣланной однимъ и тѣмъ же писателемъ. Такое же отношеніе общаго къ частному представляетъ и первая пара цитатъ, которую точно такъ же, на основаніи буквальныхъ совпаденій, приходится отнести къ одному источнику.

Извѣстій обоихъ авторовъ о попыткѣ Килона мы не можемъ сравнить за отсутствіемъ начала Политіи. Эксцерптъ Гераклида показываетъ, что Аристотель разсказывалъ и о самой попыткѣ, и о результатѣ ея, т-е. убійствѣ сподвижниковъ Килона. Но насколько подробенъ былъ этотъ разсказъ и такъ-же ли подробенъ, какъ соотвѣтствующій разсказъ Плутарха, объ этомъ, конечно, судить нельзя. Зато лондонскій папирусъ сохранилъ намъ извѣстіе о судѣ надъ виновниками килоновскаго ἄγος и очищеніи города Эпименидомъ. Параллельный разсказъ даетъ вторая половина 12-й гл. Плутарха. Содержаніе обоихъ извѣстій совершенно тождественно; въ томъ и другомъ встрѣчается рѣдкое слово ἀριστίνδην, но раз-

сказъ Плутарха и полнѣе, и точнѣе. Какъ ни странно расположеніе словъ въ томъ отрывкѣ фразы, которымъ начинается изданный текстъ Политіи, но можно съ увѣренностью сказать, что въ первой половинѣ предложенія не было мѣста для обозначенія дема, къ которому принадлежалъ Миронъ; между тѣмъ Плутархъ знаетъ названіе этого дема. Вмѣсто небрежнаго αὐτοὶ μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν, онъ даетъ документальное τῶν ἀποθανόντων τοὺς νεκροὺς ἀνορύξαντες ἐξέῤῥιψαν ὑπὲρ τοὺς ὅρους [1]); онъ сообщаетъ и обстоятельства, вызвавшія приглашеніе Эпименида, и подробности о пребываніи послѣдняго въ Аѳинахъ, тогда какъ Аристотель ограничивается краткой замѣткой: Ἐπιμενίδης δ' ὁ Κρὴς ἐπὶ τούτοις ἐκάθηρε τὴν πόλιν. Очевидно, что текстъ Плутарха не зависитъ отъ разсказа Политіи, и въ то-же время оба стоятъ въ зависимости отъ какого-то общаго источника, который и обусловилъ ихъ близкое сходство.

Къ извѣстію объ очищеніи города Эпименидомъ у Плутарха, какъ и у Аристотеля, примыкаетъ разсказъ о политической и экономической борьбѣ между различными классами населенія. Плутархъ говоритъ: Αἱ δ' Ἀθῆναι τῆς Κυλωνείου πεπαυμένης ταραχῆς... τὴν παλαιὰν αὖθις στάσιν ὑπὲρ τῆς πολιτείας ἐστασίαζον. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о возобновленіи какой-то старинной вражды; Аристотель констатируетъ лишь фактъ борьбы: μετὰ δὲ ταῦτα, говоритъ онъ, συνέβη στασιάσαι τούς τε γνωρίμους καὶ τὸ πλῆθος πολὺν χρόνον. Это различіе мы однако не имѣемъ права относить на счетъ Плутарха, такъ какъ не знаемъ, не было-ли въ первыхъ главахъ Политіи какихъ-либо свѣдѣній, которыя оправдывали-бы обозначеніе до-солоновской στάσις, какъ древней, исконной (παλαιά).

Причину раздора Плутархъ, какъ и Аристотель, видитъ въ ненормальныхъ условіяхъ экономической жизни народа; самое изображеніе этихъ условій у обоихъ авторовъ отличается большимъ сходствомъ, какъ въ подробностяхъ, такъ и въ отдѣль-

[1]) Ср Thuc. I, 126 § 12 τῶν τεθνεώτων τὰ ὀστᾶ ἀνελόντες ἐξέβαλον.

ныхъ выраженіяхъ. Plut. Ἅπας ὁ δῆμος ἦν ὑπόχρεως τῶν πλουσίων —Arist. ἐδούλευον οἱ πένητες τοῖς πλουσίοις. Plut Ἦ γὰρ ἐγεώργουν ἐκείνοις ἕκτα τῶν γενομένων τελοῦντες, ἑκτημόριοι προσαγορευόμενοι καὶ θῆτες.—Arist. ἐκαλοῦντο πελάται καὶ ἑκτήμοροι. κατὰ ταύτην γὰρ τὴν μίσθωσιν ἠργάζοντο τῶν πλουσίων τοὺς ἀγρούς. Plut. ἢ χρέα λαμβάνοντες ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἀγώγιμοι τοῖς δανείζουσιν ἦσαν... πολλοὶ δὲ καὶ ποῖδας ἰδίους ἠναγκάζοντο πωλεῖν.—Arist. εἰ μὴ τὰς μισθώσεις ἀποδιδοῖεν, ἀγώγιμοι καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ παῖδες ἐγίγνοντο, καὶ οἱ δανεισμοὶ πᾶσιν ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἦσαν. И однако, достаточно бѣгло прочитать оба мѣста, чтобы убѣдиться въ томъ, что разсказъ Плутарха невозможно вывести изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Аристотелемъ. Въ литературѣ не разъ указывали на то, что извѣстіе Аристотеля отличается необыкновенной безпорядочностью и неясностью [1]); извѣстіе Плутарха въ этомъ отношеніи имѣетъ большія преимущества. Оно, прежде всего, гораздо яснѣе, чѣмъ соотвѣтствующее мѣсто Политіи. Плутархъ проводитъ рѣзкую черту между двумя группами, которыя въ разсказѣ Аристотеля страннымъ образомъ сливаются въ одну: между тѣми крестьянами, которые обработывали землю за извѣстную часть жатвы, и тѣми, которые, взявъ деньги подъ залогъ своего тѣла и не будучи въ состояніи вернуть долгъ, дѣлались собственностью своего кредитора. Далѣе, Плутархъ даетъ если не правильное, то отчетливое объясненіе имени ἑκτημόριος, тогда какъ Аристотель въ сущности не даетъ ему никакого объясненія. Помимо этой ясности, извѣстіе Плутарха превосходитъ разсказъ Аристотеля также количествомъ подробностей: онъ сообщаетъ, что многіе были вынуждены продавать своихъ дѣтей, что этого не запрещалъ никакой законъ, и, наконецъ, что многіе должники искали спасенія въ бѣгствѣ. Къ этому излишку принадлежитъ также извѣстіе о рѣшеніи наиболѣе мужественныхъ гражданъ—выбрать надежнаго человѣка, который былъ бы въ состояніи выполнить ихъ планъ:

---

[1]) Напр. Ruhl „Ueber die von Mr. Kenyon veroffentlichte Schrift“ etc, Rhein. Mus N. F Bd. 46, H. 3., p. 449.

освободить должниковъ, раздѣлить землю и совершенно преобразовать государственное устройство.

Но главное различіе между обоими извѣстіями заключается въ томъ, что Аристотель въ нашемъ мѣстѣ совсѣмъ не касается политической стороны раздора, тогда какъ Плутархъ посвящаетъ ей первыя строки своего описанія; именно, онъ здѣсь называетъ и характеризуетъ тѣ три мѣстныя партіи, которыя боролись изъ-за политическаго преобладанія,—тѣ самыя три партіи, которыя въ разсказѣ Аристотеля впервые появляются гораздо позже, при извѣстіи о демагогической политикѣ Писистрата. Принимая во вниманіе, что эти партіи характеризованы у обоихъ авторовъ совершенно одинаковымъ образомъ и почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, можно былобы думать, что извѣстіе о Діакріи, Параліи и Педіей перенесено въ болѣе раннюю эпоху самимъ Плутархомъ. Но этому противорѣчитъ 1) безцѣльность такой перестановки, 2) сравненіе съ Діогеномъ Лаертскимъ (I, 2 § 9), которое показываетъ, что Плутархъ нашелъ извѣстіе о трехъ партіяхъ на этомъ мѣстѣ уже въ своемъ источникѣ; ниже я постараюсь доказать то-же самое и относительно источника Плутарха. Итакъ, извѣстіе объ этихъ партіяхъ, находясь на такомъ мѣстѣ, гдѣ о нихъ еще не упоминаетъ Аристотель, является новымъ излишкомъ сравнительно съ показаніемъ послѣдняго, причемъ, однако, не противорѣчитъ ему, такъ какъ Аристотель ничего не говоритъ о томъ, возникли-ли эти партіи уже послѣ законодательства или до него. Оставляя пока въ сторонѣ послѣднее различіе, укажу на то, что свои свѣдѣнія о причинѣ смуты Плутархъ (или его источникъ) не могъ взять у Аристотеля, потому что сообщаетъ ихъ съ такой полнотой и ясностью. какой не могъ найти въ Политіи. Но, съ другой стороны, эти свѣдѣнія представляютъ такъ много словесныхъ совпаденій съ разсказомъ Политіи, что ихъ связь съ послѣднимъ не можетъ подлежать сомнѣнію, и мы опять должны допустить, что оба автора заимствовали свои извѣстія изъ одного и того-же источника.

Избраніе Солона оба автора мотивируютъ, въ главныхъ чертахъ, одинаково. Оба стараются объяснить, какъ случилось, что враждующія партіи остановили свой выборъ на одномъ и томъ-же лицѣ, и оба находятъ причину въ томъ среднемъ положеніи, которое занималъ Солонъ. До сихъ поръ наши авторы вполнѣ согласны между собою [1]); но самое положеніе Солона оба характеризуютъ, хотя въ одномъ смыслѣ, но различнымъ образомъ. Аристотель, отмѣтивъ съ удареніемъ, что Солонъ былъ избранъ обѣимъ партіями *сообща* (εἵλοντο κοινῇ), объясняетъ это явленіе объективностью взглядовъ, которые высказывалъ Солонъ: они сообща поручили ему власть, говоритъ онъ, какъ человѣку, который въ своей извѣстной элегіи не оправдываетъ ни одной изъ партій, но обѣ обвиняетъ въ крайностяхъ и призываетъ ихъ пойти на встрѣчу другъ другу, чтобы общими силами прекратить возникшій раздоръ. Другими словами, онъ объясняетъ единодушіе при выборѣ Солона тѣмъ, что Солонъ былъ единственный человѣкъ, отъ котораго обѣ партіи могли ожидать безпристрастія. То же самое говоритъ и Плутархъ, но о безпристрастіи Солона онъ заставляетъ Аѳинянъ заключать не по взглядамъ, которые выражалъ Солонъ въ своихъ элегіяхъ, а по его личному положенію: они выбрали его, какъ человѣка μόνον μάλιστα τῶν ἁμαρτημάτων ἐκτὸς ὄντα καὶ μήτε τοῖς πλουσίοις κοινωνοῦντα τῆς ἀδικίας, μήτε ταῖς τῶν πενήτων ἀνάγκαις ἐνεχόμενον. Слѣдовательно, повторяю, основная причина у обоихъ авторовъ одна—обѣ партіи надѣялись найти въ Солонѣ безпристрастнаго судью; но чѣмъ Солонъ внушилъ имъ такую надежду, объ этомъ Плутархъ и Аристотель говорятъ различно, и не трудно видѣть, что Плутархъ не могъ найти своего объясненія у Аристотеля [2]). Но и въ этомъ случаѣ общее сходство

---

[1]) Ср также (словесное совпаденіе): Plut. καταπαῦσαι τὰς διαφοράς.—Arist. καταπαύειν τὴν ἐνεστῶσαν φιλονικίαν.

[2]) Нѣсколько ниже Плутархъ приводитъ афоризмъ Солона (τὸ ἴσον πόλεμον οὐ ποιεῖ), сказанный имъ еще до избранія и пришедшійся по

извѣстій и совпаденіе въ словахъ свидѣтельствуютъ о родствѣ обоихъ извѣстій, и это родство опять-таки невозможно объяснить иначе, какъ посредствомъ предположенія о пользованіи общимъ источникомъ. Между показаніями Аристотеля и Плутарха, очевидно, нѣтъ никакого противорѣчія: Аристотель только самостоятельно переработалъ мысль, которую далъ ему источникъ.

Объ оффиціальномъ званіи и компетенціи Солона Аристотель говоритъ лишь однажды, притомъ въ немногихъ словахъ: εἵλοντο κοινῇ διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα Σόλωνα, καὶ τὴν πολιτείαν ἐπέτρεψαν αὐτῷ. По словамъ Плутарха, Солонъ первоначально получилъ лишь власть архонта съ спеціальнымъ порученіемъ прекратить распрю и съ правомъ издать необходимыя для этого постановленія (ᾑρέθη ἄρχων ὁμοῦ καὶ διαλλακτὴς καὶ νομοθέτης). Съ установленіемъ сисахтіи это званіе пало; тогда Аѳиняне снова выбрали Солона, на этотъ разъ уже съ болѣе широкими полномочіями, какъ неограниченнаго διορθωτὴν τῆς πολιτείας καὶ νομοθέτην, и въ этомъ званіи онъ издалъ свои законы. Такимъ образомъ, между извѣстіями Аристотеля и Плутарха оказывается, повидимому, крупная разница; она еще увеличивается тѣмъ, что Плутархъ гораздо полнѣе, чѣмъ Аристотель, опредѣляетъ законодательную компетенцію Солона и, кромѣ того, сообщаетъ имя архонта, котораго смѣнилъ Солонъ. Но въ то-же время несомнѣнно, что между извѣстіями нашихъ авторовъ существуетъ какая-то связь, потому что выраженіе Аристотеля διαλλακτὴς καὶ ἄρχων повторяется у Плутарха. Что Плутархъ стоитъ въ прямой или косвенной зависимости отъ Аристотеля, — этого, послѣ указанныхъ различій, никто не будетъ утверждать; не можетъ быть рѣчи и о контаминаціи источниковъ, такъ какъ трудно предположить, что авторъ отъ своего источника обратился къ Аристотелю един-

---

душѣ какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ — вслѣдствіе чего, говоритъ Плутархъ, и тѣ, и другіе возлагали на Солона большія надежды. Но Аристотель не упоминаетъ объ этомъ афоризмѣ.

ственно затѣмъ, чтобы заимствовать у него слова διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα. Итакъ, не остается другого исхода, какъ признать, что оба автора пользовались въ данномъ случаѣ однимъ и тѣмъ-же источникомъ, причемъ Плутархъ, очевидно, близко держался подлиннаго текста, тогда какъ Аристотель значительно сократилъ его. Дѣйствительно, если, какъ только-что было сказано, разсказъ Плутарха невозможно вывести изъ краткаго извѣстія Аристотеля, то послѣднее, наоборотъ, совершенно имѣетъ видъ сокращеннаго пересказа Плутарховыхъ свѣдѣній. Перечитывая немногія строки Аристотеля съ Плутархомъ въ рукахъ, мы безъ труда замѣтимъ и у Аристотеля слѣдъ извѣстія о двойной компетенціи Солона. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ имѣли бы иначе послѣ словъ εἵλοντο διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα слова: καὶ τὴν πολιτείαν ἐπέτρεψαν αὐτῷ? И развѣ эти послѣднія слова не суть сокращенный пересказъ того, что̀ говоритъ Плутархъ о второй компетенціи Солона:... τῆς πολιτείας διορθωτὴν καὶ νομοθέτην ἀπέδειξαν οὐ τὰ μὲν, τὰ δ'οὐχὶ, πάντα δ'ὁμαλῶς ἐπιτρέψαντες, ἀρχὰς, ἐκκλησίας, δικαστήρια, βουλὰς, καὶ τίμημα τούτων ἑκάστου καὶ ἀριθμὸν καὶ καιρὸν ὁρίσαι λύοντα καὶ φυλάττοντα τῶν ὑπαρχόντων καὶ καθεστώτων ὅ τι δοκοίη? Наконецъ, и общее выраженіе въ началѣ 7-ой главы: πολιτείαν δὲ κατέστησε показываетъ, что здѣсь Аристотель приступаетъ къ разсказу о второмъ періодѣ дѣятельности Солона. Но еще важнѣе, чѣмъ эти словесныя указанія, то обстоятельство, что Аристотель говоритъ объ укрѣпленіи законовъ Солона въ 7-ой главѣ, т.-е. послѣ разсказа о сисахтіи Онъ, очевидно, хочетъ сразу покончить здѣсь съ внѣшней исторіей законодательства, чтобы болѣе къ ней не возвращаться.

Съ удивительной настойчивостью Аристотель дважды, почти въ одинаковыхъ словахъ, повторяетъ замѣчаніе, что Солонъ, хотя имѣлъ возможность съ помощью одной изъ враждующихъ партій сдѣлаться тиранномъ, предпочелъ навлечь на себя ненависть обѣихъ, поставивъ благо государства выше собственной выгоды. Къ извѣстію о сопротивленіи,

которое встрѣтили мѣры Солона, мы ниже вернемся; что же касается извѣстія о томъ, что Солонъ имѣлъ возможность установить тираннію, то мы находимъ его и у Плутарха, притомъ въ болѣе детальной формѣ. Онъ говоритъ: οἱ προιστάμενοι προσέκειντο τῷ Σόλωνι τυραννίδα προξενοῦντες καὶ ἀναπείθοντες εὐτολμότερον ἅψασθαι τῆς πόλεως ἐγκρατῆ γενόμενον; что οἱ προιστάμενοι обозначаетъ представителей обѣихъ борющихся партій, показываютъ слѣдующія затѣмъ слова, относящіяся, несомнѣнно, къ тѣмъ гражданамъ, которые не принадлежали ни къ той, ни къ другой партіи πολλοὶ δὲ καὶ τῶν διὰ μέσου πόλεως... οὐκ ἔφυγον ἕνα... ἐπιστῆσαι τοῖς πράγμασιν. Такимъ образомъ, извѣстія обоихъ писателей по содержанію вполнѣ тождественны: Солону стоило только стать на сторону одной партіи, и онъ былъ бы тираннномъ. Они согласны и въ дальнѣйшемъ, именно что Солонъ отказался отъ тираннiи, поставивъ благо отечества выше корысти: Arist. περὶ πλείονος ποίησασθαι τὸ καλὸν καὶ τὴν τῆς πόλεως σωτηρίαν ἢ τὴν ἑαυτοῦ πλεονεξίαν—Plut. (Solon.) εἰ δὲ γῆς ἐφεισάμην πατρίδος, τυραννίδος δὲ... οὐ καθηψάμην... [1]) О зависимости Плутарха отъ Аристотеля въ настоящемъ случаѣ, конечно, не можетъ быть рѣчи: онъ не могъ найти въ Политіи ни прямого извѣстія о томъ, что вожди партій предлагали Солону тираннію, ни извѣстій о настроеніи умѣренной партіи, объ оракулѣ, который получилъ Солонъ, о настоятіяхъ его друзей, ни его афоризма о тираннiи, ни стихотворной цитаты. Напротивъ, если, несмотря на отсутствіе словесныхъ совпаденій, въ этомъ случаѣ все-таки необходимо признать существованіе тѣсной связи между извѣстіями Плутарха и Аристотеля, то это есть, несомнѣнно, связь между двумя извѣстіями, почерпнутыми изъ одного общаго источника; въ этомъ нетрудно убѣдиться, сравнивъ

---

[1]) Ср. Сол. καὶ Попл. σύγκρισις, c. II. σεμνυνομένου δὲ τοῦ Σόλωνος ὀρθῶς καὶ δικαίως, ὅτι καὶ τῶν πραγμάτων αὐτῷ διδόντων τυραννεῖν καὶ τῶν πολιτῶν οὐχ ἀκουσίως δεχομένων ἀπεῖπεν...

краткій разсказъ Аристотеля съ болѣе подробнымъ у Плутарха: первый можно принять за краткое изложеніе второго.

Перехожу къ первой законодательной мѣрѣ Солона — къ сисахтіи. Содержаніе закона наши авторы передаютъ совершенно одинаково. Arist. κωλύσας δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασιν— Plut. πρὸς τὸ λοιπὸν ἐπὶ τοῖς σώμασιν μηδένα δανείζειν. Arist. καὶ χρεῶν ἀποκοπὰς... ἐποίησε — Plut. τὰ μὲν ὑπάρχοντα τῶν χρεῶν ἀνεῖσθαι. Arist. χρεῶν ἀποκοπὰς ... ὃς σεισάχθειαν καλοῦσιν—Plut. τὴν τῶν χρεῶν ἀποκοπὴν σεισάχθειαν ὀνομάσαντος. Если Аристотель вмѣсто простого χρεῶν ἀποκοπή, какъ у Плутарха, даетъ болѣе точное χρεῶν ἀποκοπὰς καὶ τῶν ἰδίων καὶ τῶν δημοσίων, то эта разница, конечно, не имѣетъ большого значенія, такъ какъ Плутархъ легко могъ опустить эту подробность, если она и была въ его источникѣ. Гораздо важнѣе другое различіе между только-что приведенными извѣстіями—различіе въ порядкѣ, котораго придерживается тотъ и другой авторъ при перечисленіи двухъ основныхъ статей закона. Въ то время, какъ Аристотель помѣщаетъ впереди запрещеніе отдавать деньги подъ залогъ тѣла, Плутархъ начинаетъ съ уничтоженія существующихъ долговъ. Между тѣмъ, какъ замѣтилъ уже Кейль [1]), несомнѣнно, что единственно-возможный порядокъ есть тотъ, который мы находимъ у Плутарха; поэтому несомнѣнно также, что и Аристотель въ своемъ источникѣ нашелъ извѣстія въ этомъ самомъ порядкѣ; но, говоря словами Кейля, Аристотель нарушилъ естественный порядокъ и поставилъ впереди то, что собственно и рѣшало соціальный вопросъ, такъ что сисахтія явилась у него лишь естественнымъ послѣдствіемъ запрещенія, какимъ она въ сущности представляется и намъ.

Такимъ образомъ, извѣстія обоихъ авторовъ о сисахтіи, при близкомъ словесномъ сходствѣ, которое свидѣтельствуетъ о существованіи между ними тѣсной связи, представляютъ

---

[1]) B. Keil-Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens. Berlin. 1882. p. 45.

также извѣстное различіе. Это различіе, безъ сомнѣнія, слишкомъ незначительно, чтобы можно было изъ него вывести какое-либо заключеніе о характерѣ замѣченной связи; но оно любопытно въ томъ отношеніи, что представляетъ полную аналогію съ цѣлымъ рядомъ уже отмѣченныхъ различій въ показаніяхъ Плутарха и Аристотеля: свидѣтельство Плутарха и въ этомъ, какъ во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ, оказывается болѣе точнымъ, чѣмъ соотвѣтственное извѣстіе Аристотеля; отношеніе между ними есть отношеніе первональнаго показанія къ производному, или оригинала къ его свободной передачѣ.

Изложивъ сущность закона о сисахтіи, Плутархъ, какъ извѣстно, приводитъ мнѣніе объ этомъ предметѣ нѣкоторыхъ писателей, въ числѣ которыхъ, по его словамъ, былъ и Андротіонъ; послѣдніе видѣли сущность сисахтіи не въ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ, а въ уменьшеніи роста и въ произведенной одновременно съ нимъ реформѣ денежной системы и мѣръ. Противъ послѣдняго утвержденія, которое помѣщаетъ измѣненіе денежныхъ знаковъ въ первый періодъ дѣятельности Солона, Аристотель полемизируетъ въ 10-ой главѣ—какъ это уже не разъ было указано въ литературѣ [1]).

---

[1]) Напр. B Keil l. c. p. 56. Авторъ находитъ въ Ἀ. π. полемику и противъ первой половины извѣстія Андротіона (p. 46): Unmittelbar nach den Worten χρεῶν ἀποκοπὰς ἐποίησε. καὶ τῶν ἰδίων καὶ τῶν δημοσίων fugt er, damit ein anderer Gedanke überhaupt nicht erst aufkommt, die Worte an ἃς σεισάχθειαν καλοῦσι—„und das nennt man Schuldenaufhebung“.—Если здѣсь дѣйствительно есть „скрытая“ полемика, то надо признаться, она скрыта такъ тщательно, что ее не легко и найти. Аристотель сказалъ-бы въ этомъ случаѣ, вѣроятно: καὶ σεισάχθειαν τοῦτο καλοῦσι, какъ въ 18-ой гл. онъ говоритъ: καὶ τοὺς περὶ Ἀνακρέοντα... οὗτος ἦν ὁ μεταπεμπόμενος, и въ 23-ей διὸ καὶ τοὺς φόρους οὗτος ἦν ὁ τάξας τοὺς πρώτους. Я думаю, что слова ἃς σεισάχθειαν καλοῦσι суть необходимое терминологическое опредѣленіе, взглядъ-же Андротіона на *сущность* сисахтіи Аристотель опровергаетъ отчасти самымъ изложеніемъ закона, отчасти перенесеніемъ реформы денегъ и мѣръ въ послѣдній періодъ дѣятельности Солона: этимъ перенесеніемъ онъ хронологически доказываетъ несостоятельность мнѣнія Андротіона о сисахтіи.

Не приводя оспариваемаго мнѣнія, онъ, съ своей стороны, пріурочиваетъ монетную реформу къ опредѣленному времени, именно къ заключительному періоду дѣятельности Солона: πρὸ τῆς νομοθεσίας ποιήσας τὴν τῶν χρεῶν ἀποκοπήν, καὶ μετὰ ταῦτα τήν τε τῶν μέτρων καὶ σταθμῶν καὶ τὴν τοῦ νομίσματος αὔξησιν. Но самую реформу, насколько можно сравнить его подробное изложеніе съ краткимъ извѣстіемъ Плутарха, онъ передаетъ совершенно такъ-же, какъ, по словамъ Плутарха, ее изображалъ Андротіонъ: ἡ μνᾶ πρότερον ἄγουσα τὰς γ′ καὶ ἑβδομήκοντα δραχμάς, ἀνεπληρώθη ταῖς ἑκατόν—у Плутарха: ἑκατὸν γὰρ ἐποίησε δραχμῶν τὴν μνᾶν πρότερον ἑβδομήκοντα καὶ τριῶν οὖσαν. Итакъ, несомнѣнно, что Аристотель имѣлъ передъ глазами то-же самое извѣстіе, которое цитируетъ Плутархъ; разница лишь въ томъ, что Аристотель подробно говоритъ объ измѣненіи мѣръ и монеты, тогда какъ Плутархъ касается его лишь мимоходомъ, чтобы отмѣтить ложный взглядъ на сисахтію.

Такъ какъ изъ Аристотеля не видно, что авторъ, съ которымъ онъ полемизируетъ въ 10-ой главѣ, приводилъ увеличеніе монетныхъ знаковъ въ такую тѣсную связь съ сисахтіей, о какой говоритъ Плутархъ, и такъ какъ, во-вторыхъ, Аристотель не называетъ имени этого автора, тогда какъ Плутархъ его знаетъ, то очевидно, что все мѣсто, гдѣ изложено мнѣніе Андротіона, Плутархъ заимствовалъ не у Аристотеля [1]).

Къ извѣстію о сисахтіи у Плутарха, какъ и у Аристотеля, примыкаетъ разсказъ о продѣлкѣ друзей Солона, бросившей тѣнь на доброе имя самого законодателя. Разсказъ у обоихъ авторовъ начинается общимъ замѣчаніемъ: Arist. ἐν οἷς πειρῶνταί τινες διαβάλλειν αὐτόν.—Plut. πρᾶγμα δ'αὐτῷ συμπεσεῖν λέγεται πάντων ἀνιαρότατον ἀπό τῆς πράξεως ἐκείνης.

---

[1]) Вѣроятно онъ нашелъ цитату у Гермиппа. Въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Плутарха это — единственная именная цитата изъ Андротіона.

Этимъ сходство извѣстій не ограничивается — они совпадаютъ и въ подробностяхъ, и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Arist. συνέβη γὰρ τῷ Σόλωνι μέλλοντι ποιεῖν τὴν σεισάχθειαν προειπεῖν τισι τῶν γνωρίμων — Plut ὡς γὰρ ὥρμησεν ἀνιέναι τὰ χρέα... ἐκοινώσατο τῶν φίλων οἷς μάλιστα πιστεύων καὶ χρώμενος ἐτύγχανε. Arist. δανεισάμενοι... οὗτοι συνεπρίαντο πολλὴν χώραν—Plut. οἱ δὲ... ἐδανείσαντο συχνὸν ἀργύριον.. καὶ μεγάλας συνεωνήσαντο χώρας. Arist. μετὰ δ' οὐ πολὺ τῆς τῶν χρεῶν ἀποκοπῆς γιγνομένης ἐπλούτουν — Plut. εἶτα τοῦ δόγματος ἐξενεχθέντος τὰ μὲν κτήματα καρπούμενοι, τὰ δὲ χρήματα τοῖς δανείσασιν οὐκ ἀποδιδόντες... Такимъ образомъ, аналогичность обоихъ извѣстій не подлежитъ сомнѣнію. Но съ другой стороны, разсказъ Плутарха содержитъ нѣсколько подробностей, которыхъ мы не находимъ у Аристотеля. Зачѣмъ Солонъ сообщилъ свое намѣреніе друзьямъ, объ этомъ Аристотель не говоритъ; Плутархъ удовлетворяетъ наше любопытство: Солонъ, говоритъ онъ, затруднялся въ выборѣ подходящихъ выраженій (желая, повидимому, облечь насильственное мѣропріятіе въ мягкую форму)—λόγους ἁρμόττοντας ἐζήτει καὶ πρέπουσαν ἀρχήν. Плутархъ сообщаетъ намъ имена друзей Солона, которыхъ Аристотель не называетъ. У него мы находимъ и позорную кличку, которую носили потомки этихъ людей — χρεωκοπίδαι, тогда какъ Аристотель, очевидно избѣгая этого слова, говоритъ: отъ нихъ, по преданію, и произошли тѣ, которыхъ потомъ *считали* издревле богатыми. Надо замѣтить, что παλαιόπλουτος не есть позорное имя, равносильное χρεωκοπίδης. а просто названіе человѣка, въ семьѣ котораго богатство съ незапамятныхъ временъ переходило изъ рода въ родъ; въ этомъ смыслѣ и Лисій употребляетъ слово ἀρχαιόπλουτοι, Or. 19, § 49. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь не противорѣчіе между Аристотелемъ и Плутархомъ, а излишекъ у Плутарха. Наконецъ, Плутархъ въ оправданіе Солона приводитъ фактъ потери законодателемъ нѣсколькихъ талантовъ, тогда какъ Аристотель, очевидно, пренебрегаетъ такимъ способомъ защиты и опро-

вергаетъ обвиненіе указаніемъ на безкорыстный характеръ всей дѣятельности Солона. Итакъ, извѣстіе Аристотеля не покрываетъ всѣхъ подробностей, сообщаемыхъ Плутархомъ, и оно не могло служить источникомъ для послѣдняго; указанное выше сходство между извѣстіями нашихъ авторовъ мы опять, значитъ, принуждены отнести насчетъ ихъ общаго источника. У Аристотеля былъ подъ руками и другой разсказъ о томъ-же событіи, который сообщалъ версію, враждебную Солону. Плутархъ, какъ и Аристотель, считаетъ Солона не обманщикомъ, а обманутымъ (συναδικούμενος—παρεστρατηγήθη). Слѣдовательно общій источникъ давалъ ту версію, которую Аристотель называетъ демократической; ниже я воспользуюсь этимъ результатомъ.

Аристотель въ 7-й, Плутархъ въ 17-й главѣ почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ приступаютъ къ разсказу о второмъ, собственно законодательномъ періодѣ дѣятельности Солона. Послѣ приведенныхъ выше словъ — πολιτείαν δὲ κατέστησε, Аристотель продолжаетъ: καὶ νόμους ἔθηκεν ἄλλους, τοῖς δὲ Δράκοντος θεσμοῖς ἐπαύσαντο χρώμενοι πλὴν τῶν φονικῶν. То-же самое говоритъ и Плутархъ: Πρῶτον μὲν οὖν τοὺς Δράκοντος νόμους ἀνεῖλε πλὴν τῶν φονικῶν ἅπαντας. Этого совпаденія конечно никто не назоветъ случайнымъ. Но вслѣдъ затѣмъ, въ той-же главѣ, Плутархъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о содержаніи и характерѣ Драконовскаго кодекса, которыхъ онъ не могъ найти у Аристотеля. Послѣдній, какъ извѣстно, въ 4-й главѣ своего трактата излагаетъ сущность такъ называемой Драконовской конституціи; кромѣ того, въ 41-й главѣ есть нѣсколько словъ, въ которыхъ можно видѣть указаніе на уголовные законы Дракона. Но о содержаніи и характерѣ этихъ законовъ Аристотель ничего не сообщаетъ, слѣдовательно свои свѣдѣнія объ этомъ предметѣ Плутархъ долженъ былъ почерпнуть въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ извѣстіе Плутарха отличается такой цѣльностью, что контаминаціи невозможно допустить: πρῶτον μὲν οὖν говоритъ онъ, τοὺς Δράκοντος νόμους ἀνεῖλε πλὴν τῶν φο-

νικῶν ὅπαντας διὰ τὴν χαλεπότητα καὶ τὸ μέγεθος τῶν ἐπιτιμίων. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что извѣстіе о жестокости этихъ законовъ, какъ причинѣ ихъ отмѣны Солономъ, Плутархъ нашелъ тамъ-же, гдѣ и самое извѣстіе объ ихъ отмѣнѣ; невозможно предположить, что, найдя гдѣ-нибудь разсказъ о строгости законовъ Дракона, онъ (или его источникъ) рѣшился, такъ сказать, на собственный рискъ, выставить ее причиною ихъ отмѣны.

Приходится, значитъ, и въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ гипотезѣ объ общемъ источникѣ; остается признать, что Плутархъ болѣе близко держался подлинника, тогда какъ Аристотель, не сказавъ до сихъ поръ ни слова объ уголовныхъ законахъ Дракона, опустилъ и встрѣченное имъ здѣсь извѣстіе объ ихъ строгости. Въ обоихъ случаяхъ имъ могла руководить одна и та-же мысль: строгость этихъ законовъ онъ могъ считать столь-же общеизвѣстной, какъ и самый фактъ ихъ изданія Дракономъ.

Любопытно отмѣтить при этомъ случаѣ, что общій источникъ нашихъ авторовъ приписывалъ Дракону, повидимому, только изданіе уголовныхъ законовъ, но не видѣлъ въ немъ, какъ Аристотель, творца досолоновской конституціи. Это съ значительной вѣроятностью слѣдуетъ изъ того, что у Плутарха нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-либо политическое законодательство Дракона, и ниже мы найдемъ подтвержденіе этой мысли.

Второй мѣрой Солона, послѣ отмѣны законовъ Дракона, было, по словамъ Плутарха, дѣленіе гражданъ на 4 класса по имущественному цензу и распредѣленіе между ними политическихъ правъ. Если сравнить свѣдѣнія, которыя сообщаетъ объ этомъ предметѣ Плутархъ, съ показаніями Аѳинской Политіи, то между ними обнаружится поразительное сходство. Прежде всего, совершенно одинаково опредѣлены у обоихъ авторовъ размѣры доходовъ и названія четырехъ солоновскихъ классовъ.

Arist. ἔδει δὲ τελεῖν πεντακοσιομέδιμνον μέν, ὃς ἂν ἐκ τῆς

οἰκείας ποιῇ πεντακόσια μέτρα τὰ συνάμφω ξηρὰ καὶ ὑγρά — Plut... τοὺς μὲν ἐν ξηροῖς ὁμοῦ καὶ ὑγροῖς μέτρα πεντακόσια ποιοῦντας... πεντακοσιομεδίμνους.

Arist. ἱππάδα δὲ τοὺς τριακόσια ποιοῦντας, ὡς δ' ἔνιοί φασι τοὺς ἱπποτροφεῖν δυναμένους — Plut. δευτέρους δὲ τοὺς ἵππον τρέφειν δυναμένους ἢ μέτρα ποιεῖν τριακόσια· καὶ τούτους ἱππάδα τελοῦντας ἐκάλουν.

Arist. ζευγίσιον δὲ τελεῖν τοὺς διακόσια τὰ συνάμφω ποιοῦντας — Plut. ζευγῖται δ' οἱ τοῦ τρίτου τιμήματος ὠνομάσθησαν, οις μέτρον ἦν συναμφοτέρων διακοσίων.

Arist. τοὺς δ' ἄλλους θητικόν, οὐδεμιᾶς μετέχοντας ἀρχῆς — Plut. Οἱ δὲ λοιποὶ πάντες ἐκαλοῦντο Θῆτες, οἷς οὐδεμίαν ἀρχὴν ἔδωκεν ἄρχειν.

Буквально совпадаютъ и опредѣленія политическихъ правъ послѣдняго класса. Arist. τοῖς τὸ θητικὸν τελοῦσιν ἐκκλησίας καὶ δικαστηρίων μετέδωκε μόνον — Plut. Θῆτες... τῷ συνεκκλησιάζειν καὶ δικάζειν μόνον μετεῖχον τῆς πολιτείας. Извѣстіе о томъ, что Солонъ задался цѣлью τὰς μὲν ἀρχὰς ἁπάσας, ὥσπερ ἦσαν, τοῖς εὐπόροις ἀπολιπεῖν, Плутархъ могъ вывести изъ словъ Аристотеля τὰς ἀρχάς ἀπένειμεν ἄρχειν ἐκ πεντακοσιομεδίμνων καὶ ἱππέων καὶ ζευγιτῶν, а вторую половину фразы — τὴν δ' ἄλλην μῖξαι πολιτείαν, ἧς ὁ δῆμος οὐ μετεῖχεν, изъ вышеприведенныхъ словъ Аристотеля о правахъ тетовъ: ἐκκλησίας καὶ δικαστηρίων μετέδωκε.

Такимъ образомъ, до сихъ поръ извѣстія обоихъ писателей оказываются совершенно сходными, а словесныя совпаденія свидѣтельствуютъ о самой тѣсной связи. И дѣйствительно, судя по первому впечатлѣнію, трудно повѣрить, что источникомъ Плутарха былъ не Аристотель. Впечатлѣніе полнаго сходства еще увеличивается тѣмъ, что оба автора почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ говорятъ о значеніи правъ, предоставленныхъ Солономъ классу тетовъ. Привожу оба свидѣтельства, чтобы показать, что въ болѣе систематическомъ разсказѣ Плутарха нѣтъ ни одного извѣстія, ни одного соображенія, котораго онъ не могъ-бы найти въ Политіи.

Arist. τρίτον δ'ᾧ μάλιστά φασιν ἰσχυκέναι τὸ πλῆθος, ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις· κύριος γὰρ ὢν ὁ δῆμος τῆς ψήφου, κύριος γίγνεται τῆς πολιτείας. ἔτι δὲ καὶ διὰ τὸ μὴ γεγράφθαι τοὺς νόμους ἁπλῶς μηδὲ σαφῶς... ἀνάγκη πολλὰς ἀμφισβητήσεις γίγνεσθαι, καὶ πάντα βραβεύειν καὶ τὰ κοινὰ καὶ τὰ ἴδια τὸ δικαστήριον. οἴονται μὲν οὖν τινες ἐπιτηδες ἀσαφεῖς αὐτὸν ποιῆσαι τοὺς νόμους, ὅπως ᾖ τῆς κρίσεως ὁ δῆμος κύριος.

Plut. Ὁ (sc τὸ δικάζειν) κατ' ἀρχὰς μὲν οὐδὲν, ὕστερον δὲ παμμέγεθες ἐφάνη· τὰ γὰρ πλεῖστα τῶν διαφόρων ἐνέπιπτεν εἰς τοὺς δικαστάς. Καὶ γὰρ ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε κρίνειν, ὁμοίως καὶ περὶ ἐκείνων εἰς τὸ δικαστήριον ἐφέσεις ἐδωκε τοῖς βουλομένοις. Λέγεται δὲ καὶ τοὺς νόμους ἀσαφέστερον γράψας καὶ πολλὰς ἀντιλήψεις ἔχοντας αὐξῆσαι τὴν τῶν δικαστηρίων ἰσχύν· μὴ δυναμένους γὰρ ὑπὸ τῶν νόμων διαλυθῆναι περὶ ὧν διεφέροντο συνέβαινεν ἀεὶ δεῖσθαι δικαστῶν καὶ πᾶν ἄγειν ἀμφισβήτημα προς ἐκείνους τρόπον τινὰ τῶν νόμων κυριεύοντας.

Въ виду этихъ совпаденій повидимому не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь иной связи между обоими извѣстіями, кромѣ связи прямого заимствованія; и тѣмъ не менѣе, легко доказать, что и въ этомъ случаѣ Аристотель не могъ быть источникомъ Плутарха, но оба черпали изъ одного общаго источника.

Въ самомъ дѣлѣ, могъ-ли человѣкъ, знавшій Политію, приписывать Солону учрежденіе имущественныхъ классовъ? Даже не справляясь съ первыми главами ея, а имѣя передъ глазами одну лишь 7-ю главу, которая должна была служить ему источникомъ, онъ зналъ-бы, что эти классы существовали до Солона, потому что здѣсь сказано: τὸ τιμήματα διεῖλεν εἰς τέτταρα τέλη, καθάπερ διῄρητο καὶ πρότερον, εἰς πεντακοσιομέδιμνον, к. т. λ. Между тѣмъ у Плутарха читаемъ: τοὺς μὲν... μέτρα πεντακόσια ποιοῦντας πρώτους ἔταξε (sc. Solon) καὶ πεντακοσιομεδίμνους προσηγόρευσε. Здѣсь дѣло не въ томъ, что Плутархъ умалчиваетъ о существованіи имущественныхъ классовъ до Солона, а въ томъ, что онъ приписываетъ ихъ учрежденіе Солону. Мнѣ кажется, что

одного этого различія достаточно для того, чтобы устранить мысль о пользованіи Аристотелемъ.

Не трудно объяснить и происхожденіе сейчасъ указаннаго различія. Слова καθάπερ διήρητο καὶ πρότερον безъ сомнѣнія составляютъ у Аристотеля реминисценцію изъ 4-й главы, гдѣ была рѣчь о пентакосіомедимнахъ, всадникахъ и зевгитахъ. Выше я высказалъ предположеніе, что въ общемъ источникѣ, изъ котораго Аристотель и Плутархъ (или его источникъ) черпали свои свѣдѣнія о законодательной дѣятельности Солона, Драконовская конституція вовсе не была упомянута. Слѣдовательно, извѣстіе о существованіи ценза уже до Солона, какъ и весь разсказъ о Драконовской конституціи Аристотель взялъ у какого-то другого автора, и ничто не мѣшаетъ думать, что общій источникъ Плутарха и Аристотеля приписывалъ учрежденіе ценза Солону.

Если различіе во взглядахъ на цензъ доказываетъ, что Плутархъ взялъ свои извѣстія не у Аристотеля, то другое, болѣе важное противорѣчіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что они оба черпали изъ одного источника. Это противорѣчіе касается вопроса о неясности законовъ Солона. Аристотель, какъ и Плутархъ, признаетъ, что законы Солона были написаны οὐχ ἁπλῶς οὐδὲ σαφῶς (Plut. ἀσαφέστερον καὶ πολλὰς ἀντιλήψεις ἔχοντες); но онъ отрицаетъ высказываемую нѣкоторыми мысль, будто Солонъ съ цѣлью написалъ ихъ неясно, чтобы увеличить значеніе демоса: οἴονται μὲν οὖν τινες, говоритъ онъ, ἐπίτηδες ἀσαφεῖς αὐτὸν ποιῆσαι τοὺς νόμους ὅπως ᾖ τῆς κρίσεως ὁ δῆμος κύριος. οὐ μὴν εἰκός, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ δύνασθαι καθόλου περιλαβεῖν τὸ βέλτιστον. οὐ γὰρ δίκαιον ἐκ τῶν νῦν γιγνομένων, ἀλλ' ἐκ τῆς ἄλλης πολιτείας θεωρεῖν τὴν ἐκείνου βούλησιν (Ἀ. π. IX, 2).

Взглядъ этихъ нѣкоторыхъ мы и находимъ цѣликомъ у Плутарха. Онъ говоритъ: λέγεται δὲ καὶ τοὺς νόμους ἀσαφέστερον γράψας καὶ πολλὰς ἀντιλήψεις ἔχοντας αὐξῆσαι τὴν τῶν δικαστηρίων ἰσχύν, и далѣе: Ἐπισημαίνεται δ' αὐτὸς αὑτῷ τὴν ἐξίσωσιν οὕτως· Δήμῳ μὲν γὰρ ἔδωκα, и т. д. Очевидно, что въ не-

ясности законовъ Солона онъ видитъ одно изъ средствъ, которыми законодатель стремился водворить τὴν ἐξίσωσιν, и когда онъ продолжаетъ: ἔτι μᾶλλον οἰόμενος δεῖν ἐπαρκεῖν τῇ τῶν πολλῶν ἀσθενείᾳ, παντὶ λοιδεῖν δίκην ὑπὲρ τοῦ κακῶς πεπονθότος ἔδωκε, то эти слова имѣютъ тотъ смыслъ, что Солонъ уже и неясностью своихъ законовъ нѣсколько оградилъ беззащитный народъ, но стремясь еще болѣе (ἔτι μᾶλλον) пособить его слабости, онъ позволилъ каждому, и т. д. Ясно, что Плутархъ считаетъ неясность Солоновскихъ законовъ преднамѣренной, т. е. утверждаетъ то самое, противъ чего энергически протестуетъ Аристотель. Это противорѣчіе показываетъ, какъ мнѣ кажется, 1) что Плутархъ (и его источникъ) не зналъ 9-й главы Политіи, 2) что Аристотель и Плутархъ (или его источникъ) имѣли передъ глазами одинъ и тотъ-же источникъ, показаніе котораго Аристотель опровергнулъ, а Плутархъ безъ измѣненій перенесъ въ свое повѣствованіе.

Несомнѣнно изъ одного источника взяты обоими писателями и свѣдѣнія ихъ о Солоновскомъ законѣ, который позволялъ каждому гражданину возбуждать дѣло объ обидѣ, нанесенной хотя бы другому лицу. Оба разсматриваютъ этотъ законъ, какъ демократическую мѣру: Аристотель называетъ его вторымъ между τὰ δημοτικότατα въ законодательствѣ Солона, Плутархъ объясняетъ его желаніемъ Солона ἔτι μᾶλλον ἐπαρκεῖν τῇ τῶν πολλῶν ἀσθενείᾳ. Суть закона передана обоими въ однихъ и тѣхъ-же словахъ: Arist. ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων—Plut. ἐξὴν τῷ δυναμένῳ καὶ βουλομένῳ γράφεσθαι τὸν ἀδικοῦντα καὶ διώκειν— но Плутархъ точно опредѣляетъ формы обиды: πληγέντος ἑτέρου καὶ βλαβέντος καὶ βιασθέντος, чего Аристотель не дѣлаетъ.

Обратимся теперь къ важнымъ извѣстіямъ объ учрежденіи Солономъ второго совѣта. Сопоставивъ показанія Аристотеля и Плутарха, мы найдемъ между ними много сходнаго.

Arist. βουλὴν δ'ἐποίησε τετρακοσίους, ἑκατὸν ἐξ ἑκάστης φυλῆς, τὴν δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν ἐταξεν ἐπὶ τὸ νομοφυλακεῖν,

ὥσπερ ὑπῆρχεν καὶ πρότερον ἐπίσκοπος οὖσα τῆς πολιτείας— Plut.... δευτέραν προσκατενειμε βουλὴν ἀπὸ φυλῆς ἑκάστης, τεττάρων οὐσῶν, ἑκατὸν ἄνδρας ἐπιλεξάμενος.... Τὴν δ'ἄνω βουλὴν ἐπίσκοπον πάντων καὶ φύλακα τῶν νόμων ἐκάθισεν.

Содержаніе, порядокъ и форма извѣстій въ обоихъ случаяхъ одинаковы; на первый взглядъ кажется несомнѣннымъ, что Плутархъ цитируетъ 8-ую главу Политіи. Но болѣе точный анализъ обнаруживаетъ въ его извѣстіяхъ такія черты, которыя отчасти чужды, отчасти прямо противорѣчатъ разсказу Аристотеля. Прежде всего, Плутархъ приписываетъ учрежденіе второго совѣта Солону, тогда какъ Аристотель говоритъ о βουλή уже при описаніи Драконовской конституціи, въ 4-ой главѣ. Сообразно съ этимъ различіемъ Плутархъ сообщаетъ мотивы, которые побудили Солона учредить βουλή (ὁρῶν τὸν δῆμον οἰδοῦντα καὶ θρασυνόμενον τῇ τῶν χρεῶν ἀφέσει)—Аристотель этого не дѣлаетъ. Наконецъ, Аристотель ни однимъ словомъ не касается компетенціи новаго совѣта, между тѣмъ какъ Плутархъ опредѣляетъ ее ясно и точно: οὓς προβουλεύειν ἔταξε τοῦ δήμου καὶ μηδὲν ἐᾷν ἀπροβούλευτον εἰς ἐκκλησίαν εἰσφέρεσθαι. Въ виду этихъ различій сходство между извѣстіями Аристотеля и Плутарха свидѣтельствуетъ о пользованіи однимъ общимъ источникомъ, потому что, взявъ у какого-то другого автора разсказъ о Драконовской конституціи, Аристотель естественно не могъ приписывать учрежденіе βουλή Солону, а слѣдовательно не могъ воспользоваться и соображеніями общаго источника о мотивахъ, руководившихъ при этомъ законодателемъ.

На двухъ остальныхъ законахъ Солона, отмѣченныхъ какъ Аристотелемъ, такъ и Плутархомъ (законъ о гражданскихъ смутахъ 'А. п. 8 § 5. Plut. Sol. 20, ср. de sera num. vind. c. 4 и законъ о наслѣдствѣ 'А. п. 35 § 2. Plut. Sol. 21), мы не будемъ долго останавливаться. Въ первомъ случаѣ Аристотель даетъ болѣе, чѣмъ Плутархъ, во второмъ—Плутархъ болѣе, чѣмъ Аристотель. Ихъ извѣстія не представляютъ такого явнаго сходства, которое свидѣтельствовало-бы о тѣсной связи.

Они могли заимствовать свои свѣдѣнія изъ различныхъ источниковъ (законъ о наслѣдствѣ), могли заимствовать ихъ и изъ одного источника (законъ о смутахъ), причемъ Плутархъ, или его источникъ, опустилъ нѣкоторыя второстепенныя подробности (напр. καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν, Ἀ. π. 8 § 5). Во всякомъ случаѣ, они не противорѣчатъ другъ другу, и этого достаточно, чтобы не поколебать гипотезы объ общемъ источникѣ.

Перехожу къ извѣстіямъ о закрѣпленіи законодательства Солона. Прежде всего, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о степени сходства между показаніями нашихъ авторовъ. Сходство оказывается весьма значительнымъ. Въ противоположность Геродоту (I, 29), по словамъ котораго исполненіе Солоновскихъ законовъ было обезпечено на десять лѣтъ, Аристотель и Плутархъ единогласно говорятъ о ста годахъ (Arist. κατεκύρωσεν δὲ τοὺς νόμους εἰς ἑκατὸν ἔτη—Plut. ἰσχὺν δὲ τοῖς νόμοις πᾶσιν ἑκατὸν ἐνιαυτοὺς ἔδωκε). Оба сообщаютъ о клятвенномъ обязательствѣ Аѳинянъ соблюдать законы, и оба говорятъ о двухъ стадіяхъ клятвы. Между обоими извѣстіями можно указать и нѣсколько словесныхъ совпаденій.

Arist. πρὸς τῷ λίθῳ κατεφάτιζον—Plut. πρὸς τῷ λίθῳ καταφατίζων.

Arist. ἐάν τινα παραβῶσιν τῶν νόμων—Plut. εἴ τι παραβαίη τῶν θεσμῶν.

Arist. ἀναθήσειν ἀνδριάντα χρυσοῦν — Plut. ἀνδριάντα χρυσοῦν.... ἀναθήσειν.

Такимъ образомъ, близкое родство показаній Аристотеля и Плутарха не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Но было-бы опрометчиво на основаніи небольшого числа совпаденій рѣшать вопросъ о характерѣ этого родства. Внимательно вчитываясь въ разсказы Аристотеля и Плутарха, можно подмѣтить между ними цѣлый рядъ мелкихъ, но любопытныхъ различій, которыя всѣ носятъ одинъ и тотъ-же характеръ и даютъ возможность опредѣлить отношеніе обоихъ извѣстій между собою. Когда Аристотель пишетъ: ὤμοσαν χρήσεσθαι πάντες, а Плутархъ: κοινὸν ὤμνυεν ὅρκον ἡ βουλή, то

очевидно, что эти два извѣстія совпадаютъ,—но извѣстіе Аристотеля становится намъ понятнымъ только черезъ слова Плутарха. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ πάντες? Можно-ли себѣ представить, что все населеніе поголовно принесло присягу? Плутархъ разрѣшаетъ это затрудненіе: мы узнаемъ, что совѣтъ принесъ *общую* клятву, т. е. отъ имени всѣхъ Аѳинянъ. Точно также, безъ Плутарховой прибавки ἐν ἀγορᾷ, мы не поняли-бы словъ Аристотеля: πρὸς τῷ λίθῳ κατεφάτιζον. Точнѣе, чѣмъ Аристотель, Плутархъ описываетъ и вторую клятву—клятву архонтовъ: они клялись, говоритъ онъ, поочередно, одинъ за другимъ. Аристотель этого не сообщаетъ; но легко замѣтить, что и онъ представлялъ себѣ клятву архонтовъ такъ-же, какъ Плутархъ: praesens въ ὀμνύντες и imperfectum въ κατεφάτιζον указываютъ на многократность дѣйствія (вслѣдствіе множественности лицъ). Плутархъ передаетъ эту клятву и полнѣе, чѣмъ Аристотель: вмѣсто ἀναθήσειν ἀνδριάντα χρυσοῦν, онъ говоритъ: ἀνδριάντα χρυσοῦν ἰσομέτρητον ἀναθήσειν ἐν Δελφοῖς.

Теперь намъ ясно, въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ оба извѣстія. Текстъ Плутарха нельзя вывести изъ 7-ой главы Политіи: онъ даетъ отчасти болѣе, чѣмъ Аристотель, отчасти то-же, но полнѣе. Его разсказъ сохранилъ цѣлый рядъ документальныхъ выраженій, которыхъ нѣтъ у Аристотеля: ἐμπεδώσειν [1]), θεσμοί, θεσμοθέται [2]), ἰσομέτρητον—ἐν Δελφοῖς [3]). Ясно, что оба автора имѣли передъ глазами одинъ и тотъ-же разсказъ, притомъ усѣянный множествомъ старинныхъ или документальныхъ выраженій; но одинъ (Плутархъ, или вѣрнѣе его источникъ) очень близко держался подлинника, тогда какъ другой (Аристотель) далъ лишь пересказъ его, ничего не исказивъ, но въ общихъ чертахъ и безъ архаическихъ подробностей.

Имя κύρβεις Аристотель могъ привести отъ себя; общій источникъ давалъ, вѣроятно, какъ Плутархъ, ξύλινοι ἄξονες.

---

[1]) Ср. C. I. A. IV p. 1, ταῦτα δὲ ἐμπεδώσω Χαλκιδεῦσιν (B. Keil).

[2])=ἄρχοντες. Busolt, Gr. Gesch. I, S. 531, Anm. 5.

[3]) Ср. Plat. Phaedr 235 D.

Чтобы закончить анализъ извѣстій о законодательной дѣятельности Солона, намъ остается разсмотрѣть то, что говорятъ наши авторы о причинахъ его отъѣзда изъ Аѳинъ. Они излагаютъ эти причины совершенно одинаково, отчасти даже въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ показываетъ сравненіе текстовъ.

'A. π. 11.	Plut. Sol. 25.
1. διατάξας δὲ τὴν πολιτείαν ὅνπερ εἴρηται τρόπον, ἐπειδὴ προσιόντες αὐτῷ....	ἐπεὶ δὲ τῶν νόμων εἰσενεχθέντων ἔνιοι τῷ Σόλωνι καθ'ἑκάστην προσῄεσαν ἡμέραν....
2. περὶ τῶν νόμων ἐνώχλουν, τὰ μὲν ἐπιτιμῶντες....	ἐπαινοῦντες ἢ ψέγοντες....
3. τὰ δὲ ἀνακρίνοντες....	πλεῖστοι δ'ἦσαν οἱ πυνθανόμενοι καὶ ἀνακρίνοντες....
4. βουλόμενος μήτε ταῦτα κινεῖν....	ἢ συμβουλεύοντες ἐμβάλλειν τοὶς γεγραμμένοις ὅ τι τύχοιεν ἢ ἀφαιρεῖν....
5. (βουλόμενος) μήτε ἀπεχθάνεσθαι παρών....	καὶ τὸ μὴ πράττειν ἐπίφθονον, ὅλως δὲ ταῖς ἀπορίοις ὑπεκστῆναι βουλόμενος καὶ διαφυγεῖν τὸ δυσάρεστον καὶ φιλαίτιον τῶν πολιτῶν....
6. οὐ γὰρ οἴεσθαι δίκαιον εἶναι τοὺς νόμους ἐξηγεῖσθαι παρών....	κελεύοντες αὐτὸν ὅπως ἕκαστον ἔχει καὶ πρὸς ἣν κεῖται διάνοιαν ἐπεκδιδάσκειν καὶ σαφηνίζειν. ὁρῶν ὅτι ταῦτα καὶ τὸ πράττειν ἄτοπον....
7. ἀποδημίαν ἐποιήσατο κατ'ἐμπορίαν....	πρόσχημα τῆς πλάνης τὴν ναυκληρίαν ποιησάμενον....
8. ἅμα καὶ θεωρίαν....	(Plut. Sol. cc. 26—27).
9. εἰς Αἴγυπτον....	(Plut. Sol. 26: πρῶτον... εις Αἴγυπτον ἀφίκετο).
10. εἰπὼν ὡς οὐχ ἥξει δέκα ἐτῶν....	δεκαετῆ παρὰ τῶν Ἀθηναίων ἀποδημίαν αἰτησάμενος.

Итакъ, въ извѣстіяхъ обоихъ писателей приходится констатировать цѣлый рядъ фактическихъ и словесныхъ совпаденій; но вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что разсказъ Аристотеля не покрываетъ всѣхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Плутархомъ. Послѣдній даетъ нѣсколько подробностей чисто-фактическаго характера, которыхъ нѣтъ въ Политіи и которыя трудно было вывести изъ ея краткихъ извѣстій; но каждый разъ, когда мы, замѣтивъ у Плутарха такую лишнюю подробность, вернемся къ Политіи, мы найдемъ и въ ней болѣе или менѣе ясный намекъ на эту подробность (напр. въ 4 и 6 №№). Разсказъ Плутарха представляется, такимъ образомъ, не только болѣе многословнымъ, какъ это могло-бы показаться на первый взглядъ, но и болѣе сложнымъ, состоящимъ изъ бо́льшаго числа отдѣльныхъ звеньевъ, чѣмъ соотвѣтствующій ему разсказъ Аристотеля.

Если уже это обстоятельство наводитъ на мысль объ общемъ источникѣ, то другое наблюденіе, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, даетъ возможность окончательно рѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи нашихъ извѣстій.

Выше уже было отмѣчено, что Аристотель не счелъ нужнымъ отдѣлить первую стадію дѣятельности Солона отъ второй какимъ-нибудь опредѣленнымъ сообщеніемъ, отдѣльной фразой; естественно, что умолчавъ о вторичномъ избраніи Солона, онъ долженъ былъ опустить также извѣстіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это избраніе. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что о впечатлѣніи, которое произвела на гражданъ отмѣна кабалы и долговыхъ обязательствъ, Аристотель говоритъ лишь въ томъ мѣстѣ, гдѣ подводитъ итогъ всей дѣятельности Солона. Разсказъ о броженіи, вызванномъ законами Солона и побудившемъ самого законодателя покинуть Аѳины, даетъ Аристотелю поводъ отмѣтить недовольство, которое возбудилъ законъ о сисахтіи какъ въ средѣ богатыхъ, такъ и между бѣдными, чтобы тѣмъ доказать справедливость своихъ словъ о томъ, что хотя Солонъ имѣлъ возможность, соединившись съ одною изъ партій, сдѣ-

латься тиранномъ, онъ предпочелъ возстановить противъ себя обѣ партіи, давъ отечеству наилучшіе законы. Между тѣмъ Плутархъ, который, какъ мы видѣли, говоритъ и о второмъ избраніи Солона, поступаетъ совершенно послѣдовательно, когда, вслѣдъ за разсказомъ о сисахтіи, описываетъ пріемъ, который встрѣтила эта мѣра, вызванное ею волненіе, затѣмъ постепенное успокоеніе умовъ и, наконецъ, какъ результатъ его, вторичное избраніе Солона. Такимъ образомъ, въ то время, какъ у Аристотеля извѣстіе объ отношеніи Аѳинянъ къ сисахтіи стоитъ рядомъ съ извѣстіемъ объ ихъ отношеніи ко всѣмъ прочимъ законамъ Солона,—у Плутарха эти два извѣстія отдѣлены одно отъ другого обширнымъ разсказомъ о законодательствѣ Солона, какъ это и требовалось хронологическимъ разстояніемъ обоихъ фактовъ,—т. е. *естественный* порядокъ мы находимъ у Плутарха.

Посмотримъ, что дастъ намъ сравненіе текстовъ.

'A. π. 11.	Plut. Sol. 16.
ἅμα δὲ καὶ συνέβαινεν αὐτῷ τῶν τε γνωρίμων διαφόρους γεγενῆσθαι πολλούς, διὰ τὰς τῶν χρεῶν ἀποκοπάς, καὶ τὰς στάσεις ἀμφοτέρας μεταθέσθαι, διὰ τὸ παρὰ δόξαν αὐτοῖς γενέσθαι τὴν κατάστασιν. ὁ μὲν γὰρ δῆμος ᾤετο πάντ' ἀνάδαστα ποιήσειν αὐτόν, οἱ δὲ γνώριμοι πάλιν τὴν αὐτὴν τάξιν ἀποδώσειν.	ἤρεσε δ'οὐδετέροις, ἀλλ'ἐλύπησε καὶ τοὺς πλουσίους ἀνελὼν τὰ συμβόλαια καὶ μᾶλλον ἔτι τοὺς πένητας, ὅτι γῆς ἀναδασμὸν οὐκ ἐποίησεν ἐλπίσασιν αὐτοῖς οὐδὲ παντάπασιν.... ὁμαλοὺς τοῖς βίοις καὶ ἴσους κατέστησεν.

Ясно, что передъ нами два извѣстія, стоящія въ самомъ близкомъ родствѣ; въ этомъ насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ словесныхъ совпаденій. Но подъ внѣшнимъ сходствомъ легко замѣтить глубокое внутреннее различіе.

Дѣйствительно, текстъ Плутарха содержитъ простое, безпримѣсное извѣстіе о недовольствѣ обѣихъ партій сисахтіей

Если онъ говоритъ здѣсь о надеждѣ бѣдняковъ, что Солонъ сдѣлаетъ ихъ παντάπασιν ὁμαλοὺς τοῖς βίοις καὶ ἴσους, то въ этихъ словахъ нѣтъ, конечно, и намека на политическое равенство, а говорится о равенствѣ имущественномъ (ὁμαλοὺς τοῖς βίοις), — т. е. авторъ не выходитъ изъ рамокъ повѣствованія объ экономическомъ законодательствѣ Солона — о сисахтіи.

Совсѣмъ иной смыслъ имѣетъ извѣстіе Политіи. Въ немъ прямо относятся къ сисахтіи только слова: συνέβαινεν αὐτῷ τῶν γνωρίμων διαφόρους γεγενῆσθαι πολλούς, διὰ τὰς τῶν χρεῶν ἀποκοπάς, —весь остальной текстъ касается уже не сисахтіи, а изображаетъ отношеніе обѣихъ партій ко всему Солоновскому строю. Это доказывается выраженіями: διὰ τὸ παρὰ δόξαν αὐτοῖς γενέσθαι τὴν κατάστασιν и οἱ γνώριμοι (ᾠοντο) πάλιν τὴν αὐτὴν τάξιν ἀποδώσειν (σὐτόν); это доказывается, наконецъ, и вышеприведенной фразой συνέβαινεν αὐτῷ τῶν γνωρίμων διαφόρους γεγενῆσθαι πολλοὺς διὰ τὰς τῶν χρεῶν ἀποκοπάς, присутствіе которой, въ виду дальнѣйшаго οἱ δὲ γνώριμοι..., составляетъ такую трудную задачу для Кейля (l. c. p. 174).

Итакъ, текстъ Политіи, при замѣчательномъ внѣшнемъ сходствѣ, по содержанію совсѣмъ не совпадаетъ съ мѣстомъ Плутарха. Источникъ этого различія намъ теперь не трудно найти. Мы видѣли, что Плутархъ сообщаетъ объ отношеніи гражданъ къ закону о сисахтіи тотчасъ вслѣдъ за изложеніемъ самого закона и обстоятельствъ, при которыхъ онъ былъ изданъ; понятно, что извѣстіе явилось у него въ чистомъ видѣ, т. е. касается исключительно сисахтіи. Аристотель-же былъ принужденъ оторвать это извѣстіе отъ разсказа о сисахтіи и помѣстить его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно неизбѣжно должно было подвергнуться вліянію обстановки; мы можемъ даже прослѣдить ходъ мыслей автора, обусловившій настоящую редакцію мѣста. Слова: ὅμα δὲ καὶ συνέβαινεν αὐτῷ... показываютъ, что онъ, по поводу разсказа о волненіяхъ и недовольствѣ противъ Солона, вспомнилъ, что до сихъ поръ

еще не сказалъ о недовольствѣ, которое вызвала сисахтія, и вотъ онъ приступаетъ къ разсказу объ этомъ: ἅμα δὲ καὶ συνέβαινεν αὐτῷ τῶν τε γνωρίμων διαφόρους γεγενῆσθαι πολλοὺς διὰ τὸς τῶν χρεῶν ὀποκοπάς — мы ждемъ второй половины фразы, чего-нибудь въ родѣ: καὶ τὸν δῆμον, ὅτι γῆς ἀναδασμὸν οὐκ ἐποίησεν, но авторъ прерываетъ фразу на серединѣ и, обобщая частное извѣстіе, спѣшитъ указать на недовольство обѣихъ партій всѣмъ законодательствомъ вообще, чтобы подтвердить слова, сказанныя имъ раньше: ἐξὸν αὐτῷ μεθ' ὁποτέρων ἠβούλετο συστάντι τυραννεῖν, и т. д.

Не знаю, удалось-ли мнѣ выразить мою мысль съ достаточной ясностью. Я хотѣлъ показать, что извѣстіе о недовольствѣ сисахтіей неразрывно связано съ остальнымъ содержаніемъ 11-й главы Политіи и что его невозможно было выдѣлить въ чистомъ видѣ. Поэтому извѣстіе Плутарха въ 16-й главѣ не восходитъ къ Аристотелю: онъ не могъ получить его здѣсь въ столь чистомъ видѣ; а такъ какъ невозможно допустить и компиляцію, то сходство обоихъ извѣстій приходится отнести на счетъ общаго источника.

Если мы теперь вернемся къ извѣстіямъ нашихъ авторовъ о причинахъ отъѣзда Солона, то увидимъ, что Политія и здѣсь не могла быть источникомъ Плутарха; невозможно допустить, чтобы Плутархъ (или его источникъ) сумѣлъ въ такомъ чистомъ видѣ выдѣлить изъ 11-й главы извѣстіе о причинахъ отъѣзда Солона и не сохранилъ ни одного слѣда прочаго содержанія этой главы; невѣроятно, кромѣ того, чтобы извѣстія объ отношеніи гражданъ къ сисахтіи и къ законамъ онъ почерпнулъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, а первое, какъ только-что было доказано, несомнѣнно взято не у Аристотеля; наконецъ, мы уже видѣли, что разсказъ Плутарха полнѣе, чѣмъ извѣстіе Аристотеля. Эти соображенія, при цѣломъ рядѣ совпаденій между обоими извѣстіями, заставляютъ насъ предполагать въ ихъ основѣ общій источникъ. Что Плутархъ держался этого источника ближе, чѣмъ Аристотель, это видно уже изъ полноты его разсказа о при-

чинахъ отъѣзда Солона, но еще лучше — изъ правильнаго размѣщенія въ его разсказѣ извѣстій объ отношеніи гражданъ къ сисахтіи и къ законодательству Солона. Аристотель въ своемъ источникѣ нашелъ эти извѣстія на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ мы ихъ теперь находимъ у Плутарха, но болѣе добиваясь логической, чѣмъ хронологической послѣдовательности, онъ слилъ ихъ въ одно, чтобы не возвращаться дважды къ однороднымъ извѣстіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обработалъ ихъ такъ, какъ это ему нужно было для его полемической цѣли.

Перехожу къ сравненію тѣхъ извѣстій Аристотеля и Плутарха, которыя содержатъ исторію установленія тиранніи Писистратомъ. О событіяхъ, которыя описаны въ первой половинѣ 13-й главы Политіи, Плутархъ ничего не говоритъ — или потому, что они не имѣютъ прямого отношенія къ Солону, и онъ не считалъ нужнымъ ихъ сообщать, или-же потому, что не нашелъ ихъ въ своихъ источникахъ. Послѣдняя возможность кажется мнѣ болѣе вѣроятной; по крайней мѣрѣ, въ разсказѣ Плутарха нѣтъ ни одного слова, которое показывало-бы, что онъ зналъ объ этихъ событіяхъ. И въ этомъ, какъ мнѣ кажется, нѣтъ ничего страннаго. Тотъ общій источникъ, съ которымъ мы все время имѣемъ дѣло, несомнѣнно носилъ характеръ широкаго, плавнаго, подробнаго повѣствованія; между тѣмъ извѣстіе Аристотеля о Дамасіи и вообще первые два параграфа 13-й главы даже среди сжатаго разсказа Политіи выдѣляются краткостью и отрывочностью свѣдѣній. Они явно носятъ слѣды лѣтописнаго изложенія и взяты, вѣроятно, изъ какой-нибудь Аттиды.

Описавъ борьбу изъ-за архонтской власти, Аристотель даетъ общую характеристику политическаго положенія: ὅλως δὲ διετέλουν νοσοῦντες τὰ πρὸς ἑαυτούς, οἱ μὲν ἀρχὴν καὶ πρόφασιν ἔχοντες τὴν τῶν χρεῶν ἀποκοπήν (συνεβεβήκει γὰρ αὐτοῖς γεγονέναι πένησιν), οἱ δὲ τῇ πολιτείᾳ δυσχεραίνοντες, διὰ τὸ μεγαλην γεγονέναι μεταβολήν, ἔνιοι δὲ διὸ τὴν πρὸς ἀλλήλους φιλονικίαν. Любопытно уже то, что такую общую

характеристику даетъ и Плутархъ: οἱ δὲ ἐν ἄστει πάντες ἐστασίαζον ἀποδημοῦντος τοῦ Σόλωνος... ὥστε χρῆσθαι μὲν ἔτι τοῖς νόμοις τὴν πόλιν, ἤδη δὲ πράγματα νεώτερα προσδοκᾶν καὶ ποθεῖν ἅπαντας ἑτέραν κατάστασιν, οὐκ ἴσον ἐλπίζοντας, ἀλλὰ πλέον ἕξειν ἐν τῇ μεταβολῇ καὶ κρατήσειν παντάπασιν τῶν διαφερομένων. Обѣ характеристики очевидно независимы другъ отъ друга, и все-таки въ общемъ онѣ совпадаютъ: слова Плутарха: ἤδη δὲ πράγματα... μεταβολῇ обнимаютъ первые два разряда недовольныхъ по Аристотелю, слова· κρατήσειν παντάπασιν τῶν διαφερομένων соотвѣтствуютъ третьему разряду (διὰ τὴν πρὸς ἀλλήλους φιλονικίαν).

Затѣмъ слѣдуетъ у Аристотеля разсказъ о трехъ мѣстныхъ партіяхъ, Педіеѣ, Параліи и Діакріи, боровшихся за политическое преобладаніе. Соотвѣтствующія извѣстія у Плутарха находятся въ двухъ мѣстахъ: въ 13-й главѣ дана характеристика партій, въ 29-й имена ихъ вождей. Всѣ эти свѣдѣнія почти дословно совпадаютъ съ тѣмъ, что сообщаетъ Политія.

Ἀ. π. 13 — Plut. Sol. 13.

А. ἡ τῶν παραλίων (στάσις), οἵπερ ἐδόκουν μάλιστα διώκειν τὴν μέσην πολιτείαν—Р. οἱ πάραλοι μέσον τινὰ καὶ μεμιγμένον αἱρούμενοι πολιτείας τρόπον.

А. (ἡ) τῶν πεδιακῶν (στάσις), οἳ τὴν ὀλιγαρχίαν ἐζήτουν— Р. ὀλιγαρχικώτατον δὲ τῶν πεδιέων.

А. ἡ τῶν διακρίων (στάσις), ἐφ' ᾗ τεταγμένος ἦν Πεισίστρατος, δημοτικώτατος εἶναι δοκῶν — Р. τὸ τῶν διακρίων γένος δημοκρατικώτατον.

А. εἶχον δ' ἕκαστοι τὰς ἐπωνυμίας ἀπὸ τῶν τόπων, ἐν οἷς ἐγεώργουν — Р. ὅσας ἡ χώρα διαφορὰς εἶχεν, τοσαῦτα μέρη τῆς πόλεως διαστάσης.

Ἀ. π. ibid. — Plut. Sol. 29.

А. τῶν παραλίων... προειστήκει Μεγακλῆς ὁ Ἀλκμέωνος — Р. προειστήκει... τῶν παραλίων... Μεγακλῆς ὁ Ἀλκμαίωνος.

А. τῶν πεδιακῶν... ἡγεῖτο Λυκοῦργος—Р. προεστήκει.. τῶν πεδιέων Λυκοῦργος.

А. τῶν διακρίων... Πεισίστρατος — Р. Πεισίστρατος δὲ τῶν Διακρίων.

А. (οἱ διάκριοι—) προσεκεκόσμηντο δὲ τούτοις οἵ τε ἀφῃρημένοι τὰ χρέα... καὶ οἱ τῷ γένει μὴ καθαροί — Р. οἱ διάκριοι.. ἐν οις ην ὁ θητικὸς ὄχλος καὶ μάλιστα τοῖς πλουσίοις ἀχθόμενος.

Я уже имѣлъ случай указать на нѣкоторыя соображенія, которыя заставляютъ отвергнуть мысль какъ о прямомъ заимствованіи у Аристотеля, такъ и о компиляціи со стороны Плутарха. Сравненіе съ Діогеномъ Лаертскимъ показываетъ, что Плутархъ нашелъ извѣстіе о Педіеѣ, Параліи и Діакріи уже въ своемъ источникѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ его помѣщаетъ, т. е. въ связи съ извѣстіями о причинахъ досолоновской смуты. Но и источникъ его не могъ заимствовать этого извѣстія у Аристотеля: какая надобность была ему искажать показанія Аристотеля, перенося извѣстіе о трехъ партіяхъ за много лѣтъ назадъ? Далѣе, можно-ли предположить, что онъ разбилъ извѣстіе Аристотеля на двѣ части и, выдѣливъ общую характеристику партій, помѣстилъ ее передъ разсказомъ о законодательствѣ Солона, а имена вождей и извѣстіе объ усиленіи партіи діакріевъ оставилъ на томъ-же мѣстѣ, что и Аристотель? Несомнѣнно, что дѣло было не такъ. Въ основаніи извѣстій Аристотеля и Плутарха лежитъ общій источникъ, показанія котораго одинъ цѣликомъ переносилъ въ свой разсказъ, другой обработывалъ для своихъ потребностей. Аристотель, какъ и Плутархъ, нашелъ первое извѣстіе о Педіеѣ, Параліи и Діакріи уже въ разсказѣ о досолоновскихъ смутахъ, но въ этомъ мѣстѣ онъ умолчалъ объ нихъ, и съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Во второй главѣ онъ излагаетъ причины тѣхъ раздоровъ, которые привели къ законодательству Солона. Въ этой главѣ онъ дважды настойчиво указываетъ на то, что главное зло заключалось не въ политическомъ безправіи демоса (онъ не отрицаетъ и этой стороны дѣла), а въ его экономическомъ упадкѣ: ἦν γὰρ τότε

ἡ πολιτεία τοῖς τε ἄλλοις ὀλιγαρχικὴ πᾶσι, καὶ δὴ καὶ ἐδούλευον οἱ πένητες τοῖς πλουσίοις — и въ концѣ: χαλεπώτατον μὲν οὖν καὶ πικρότατον ἦν τοῖς πολλοῖς τῶν κατὰ τὴν πολιτείαν τὸ δουλεύειν. Согласно съ этимъ, онъ видитъ главную заслугу Солона не въ предоставленіи демосу нѣкоторыхъ политическихъ правъ, которыхъ тотъ раньше не имѣлъ, а въ освобожденіи народа отъ экономическаго гнета, отъ кабалы: καὶ οἱ δανεισμοὶ πᾶσιν ἐπὶ τοῖς σώμασιν ἦσαν μέχρι Σόλωνος. οὗτος δὲ πρῶτος ἐγένετο τοῦ δήμου προστάτης — и въ 9-ой главѣ: δοκεῖ δὲ τῆς Σόλωνος πολιτείας τρία ταῦτ' εἶναι τὰ δημοτικώτατα· πρῶτον μὲν καὶ μέγιστον τὸ μὴ δανείζειν ἐπὶ τοῖς σώμασιν. Можно-ли послѣ этого удивляться, что Аристотель опустилъ извѣстіе о трехъ политическихъ партіяхъ, значеніе которыхъ въ это время представлялось ему совершенно ничтожнымъ? Но въ 13-й главѣ, при описаніи чисто-политической борьбы, приведшей къ тиранніи Писистрата, онъ уже не могъ обойти и характеристики борющихся партій. Что̀ давалъ въ этомъ мѣстѣ его источникъ,—мы видимъ изъ Плутарха; то были, во-первыхъ, имена вождей, во-вторыхъ, извѣстіе о перемѣнѣ, происшедшей въ составѣ партіи діакріевъ: къ послѣднимъ пристала какая-то сборная, разношерстная толпа, которую Плутархъ характеризуетъ словами: ὁ θητικὸς ὄχλος καὶ μάλιστα τοῖς πλουσίοις ἀχθόμενος, а Аристотель, какъ настоящій политическій мыслитель, точнымъ описаніемъ: οἵ τε ἀφῃρημένοι τὰ χρέα διὰ τὴν ἀπορίαν, καὶ οἱ τῷ γένει μὴ καθαροὶ διὰ τὸν φόβον. Къ этимъ свѣдѣніямъ Аристотель присоединилъ то, что его источникъ раньше сказалъ о политической программѣ каждой партіи, и вотъ явился разсказъ о трехъ мѣстныхъ партіяхъ, какъ мы его читаемъ въ 13-й гл. Политіи.

Намъ остается разсмотрѣть извѣстія Аристотеля и Плутарха объ отношеніи Солона къ демагогической дѣятельности Писистрата. Было бы излишне разбирать каждую пару извѣстій въ отдѣльности. Сопоставимъ сразу то, что есть сходнаго въ разсказахъ нашихъ писателей, отмѣтимъ разногласія,

какія окажутся между ними, и попытаемся подвести общій итогъ полученнымъ результатамъ.

'A. π. 14.

(ὁ Πεισίστρατος) κατατραυματίσας ἑαυτὸν συνέπεισεν τὸν δῆμον, ὡς ὑπὸ τῶν ἀντιστασιωτῶν ταῦτα πεπονθώς, φυλακὴν ἑαυτῷ δοῦναι τοῦ σώματος, 'Αριστίωνος γράψαντος τὴν γνώμην. λαβὼν δὲ τοὺς κορυνηφόρους καλουμένους, ἐπαναστὰς μετὰ τούτων τῷ δήμῳ κατέσχε τὴν ἀκρόπολιν... ἐπὶ Κωμέου ἄρχοντος.

λέγεται δὲ Σόλων Πεισιστράτου τὴν φυλακὴν αἰτοῦντος, ἀντιλέξαι καὶ εἰπεῖν, ὅτι τῶν μὲν εἴη σοφώτερος, τῶν δ' ἀνδρειότερος· ὅσοι μὲν γὰρ ἀγνοοῦσι Πεισίστρατον ἐπιτεθέμενον τυραννίδι, σοφώτερος εἶναι τούτων, ὅσοι δ' εἰδότες κατασιωπῶσιν ἀνδρειότερος.

ἐπεὶ δὲ λέγων οὐκ ἔπειθεν, ἐξαράμενος τὰ ὅπλα πρὸ τῶν θυρῶν, αὐτὸς μὲν ἔφη βεβοηθηκέναι τῇ πατρίδι, καθ' ὅσον ἦν δυνατός (ἤδη γὰρ σφόδρα πρεσβύτης ἦν), ἀξιοῦν δὲ καὶ τοὺς ἄλλους ταὐτὸ τοῦτο ποιεῖν.

Plut. Sol. 30.

'Επεὶ δὲ κατατρώσας αὐτὸς ἑαυτὸν ὁ Πεισίστρατος ἦκεν εἰς ἀγορὰν ἐπὶ ζεύγους κομιζόμενος καὶ παρώξυνε τὸν δῆμον ὡς διὰ τὴν πολιτείαν ὑπὸ τῶν ἐχθρῶν ἐπιβεβουλευμένος... 'Αρίστωνος δὲ γράψαντος, ὅπως δοθῶσι ...κορυνηφόροι τῷ Πεισιστράτῳ φυλακὴ τοῦ σώματος... ὁ δῆμος... περιεώρα μέχρι τὴν ἀκρόπολιν κατέσχε... cap. 32. ἐπὶ Κωμίου.

'Αρίστωνος δὲ γράψαντος, ὅπως δοθῶσι ...κορυνηφόροι τῷ Πεισιστράτῳ... ἀντεῖπεν ὁ Σόλων . .ἀπῆλθεν εἰπών, ὅτι τῶν μέν ἐστι σοφώτερος, τῶν δ' ἀνδρειότερος· σοφώτερος μὲν τῶν μὴ συνιέντων τὸ πραττόμενον, ἀνδρειότερος δὲ τῶν συνιέντων μέν, ἐναντιοῦσθαι δὲ τῇ τυραννίδι φοβουμένων.

ὁ δὲ Σόλων ἤδη μὲν ἦν σφόδρα γέρων . ἀπῆλθεν εἰς τὴν οἰκίαν τὴν ἑαυτοῦ καὶ λαβὼν τὰ ὅπλα καὶ πρὸ τῶν θυρῶν θέμενος εἰς τὸν στενωπὸν „'Εμοὶ μὲν" εἶπεν „ὡς δυνατὸν ἦν βεβοήθηται τῇ πατρίδι καὶ τοῖς νόμοις".

Ясно, что между обоими извѣстіями существуетъ самая тѣсная связь. Если мы теперь отъ совпаденій перейдемъ къ различіямъ въ показаніяхъ Аристотеля и Плутарха, то замѣтимъ, что весь излишекъ приходится на долю Плутарха, т. е. всѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ Аристотель, находятся и въ разсказѣ Плутарха, но покрыть его они не могутъ. Несходство оказывается двоякаго рода. Прежде всего, Плутархъ въ каждомъ изъ трехъ разсмотрѣнныхъ случаевъ даетъ цѣлый рядъ подробностей помимо тѣхъ, которыя у него общи съ Аристотелемъ. Въ извѣстіи о хитрости Писистрата сходныя извѣстія до такой степени тѣсно сплетены съ новыми, неизвѣстными изъ Аристотеля подробностями, что о пользованіи Политіей или контаминаціи источниковъ не можетъ быть рѣчи. Въ то время, какъ по Аристотелю народъ просто принимаетъ предложеніе Аристіона о назначеніи стражи Писистрату, Плутархъ разсказываетъ, что Аристонъ сначала предложилъ дать Писистрату стражу въ 50 человѣкъ, но народъ, принявъ предложеніе, уже не спорилъ съ Писистратомъ относительно числа тѣлохранителей, а спокойно смотрѣлъ, какъ онъ увеличивалъ ихъ число по собственному усмотрѣнію, пока не занялъ Акрополя. Точно также и свѣдѣнія объ оппозиціи Солона оказываются у Плутарха болѣе полными; тѣ слова Солона, которыя приводитъ Аристотель, являются у Плутарха каждый разъ въ опредѣленной фактической рамкѣ и въ связи съ другими, однородными афоризмами законодателя. Первое изреченіе Солона Аристотель фиксируетъ словами: Πεισιστράτου τὴν φυλακὴν αἰτοῦντος, тогда какъ Плутархъ, различающій два момента въ извѣстіи о назначеніи стражи Писистрату, помѣщаетъ это изреченіе въ середину перваго момента, т. е. послѣ внесенія Аристономъ предложенія; кромѣ того, прежде чѣмъ сказать, ὅτι τῶν μέν ἐστι σοφώτερος, и т. д., Солонъ, по словамъ Плутарха, πολλὰ διεξῆλθεν, и только послѣ того, какъ увидѣлъ ослѣпленіе однихъ и трусость другихъ, ушелъ, произнося эти слова. Къ какому времени Аристотель пріурочиваетъ вто-

рое изреченіе Солона, трудно понять. Слова: Σόλων μὲν οὐδὲν ἤνυσεν τότε παρακαλῶν могутъ относиться и къ первому, и ко второму изреченію, и къ обоимъ вмѣстѣ. Плутархъ и здѣсь точно опредѣляетъ время и даетъ лишнее:.... μέχρι τὴν ἀκρόπολιν κατέσχε. Γενομένου δὲ τούτου καὶ τῆς πόλεως συνταραχθείσης ὁ μὲν Μεγακλῆς εὐθὺς ἔφυγε μετὰ τῶν ἄλλων Ἀλκμαιωνιδῶν, ὁ δὲ Σόλων, к. т. λ.

Второе различіе тѣсно связано съ первымъ. Мы сейчасъ видѣли, что Плутархъ приводитъ изреченія Солона, направленныя противъ Писистрата, не сразу, а въ промежуткахъ между извѣстіями о послѣдовательныхъ моментахъ агитаціи Писистрата, т. е. въ естественномъ порядкѣ. Аристотель сообщаетъ оба изреченія сразу, одно за другимъ, едва отмѣчая, и то въ самыхъ общихъ словахъ, время произнесенія того или другого. Дѣйствительно, ихъ хронологическій порядокъ не имѣлъ для него никакого значенія. Ему было важно отмѣтить только самый фактъ противодѣйствія Солона, чтобы опровергнуть мнѣніе какого-то другого автора, который, какъ мы ниже увидимъ, объяснялъ легкость, съ какою Писистратъ захватилъ власть, его дружественной или любовной связью съ Солономъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ вырвалъ два однородныхъ и нужныхъ ему извѣстія изъ связнаго разсказа своего источника и соединилъ ихъ, чтобы, не возвращаясь дважды къ одному и тому-же предмету, сразу опровергнуть своего противника.

Мы увидимъ ниже, что полемическая цѣль Аристотеля была совершенно чужда Плутарху. Послѣдній приводитъ извѣстія объ оппозиціи Солона, такъ какъ не могъ обойти ихъ въ біографіи Солона, и приводитъ ихъ въ естественномъ порядкѣ именно потому, что этотъ порядокъ естественный и что нарушать его онъ не имѣлъ никакой надобности. Итакъ, чтобы допустить прямую связь между Плутархомъ (или его источникомъ) и Аристотелемъ, надо предположить, что Плутархъ (или его источникъ) 1) разбилъ извѣстіе Аристотеля о противодѣйствіи Солона на двѣ части, 2) пересыпалъ ихъ но-

выми подробностями, 3) пріурочилъ ихъ къ опредѣленнымъ событіямъ, руководясь совершенно общими намеками Аристотеля, и наконецъ, 4) не замѣтилъ полемическаго характера, который носитъ мѣсто въ Политіи. Конечно, такое предположеніе невѣроятно: сходство, которое мы замѣтили въ извѣстіяхъ Аристотеля и Плутарха объ установленіи Писистратомъ тиранніи, могло произойти только вслѣдствіе того, что оба автора черпали изъ одного и того-же источника.

Послѣднее извѣстіе Аристотеля, которое имѣетъ параллель въ жизнеописаніи Солона, касается характеристики Писистрата.

'Α. π. 16.

ἔν τε γὰρ τοῖς ἄλλοις φιλάνθρωπος ἦν καὶ πρᾶος, καὶ τοῖς ἁμαρτάνουσιν συγγνωμονικός, καὶ δὴ καὶ τοῖς ἀπόροις προεδάνειζε χρήματα πρὸς τὰς ἐργασίας.

Ibid.

οὐδὲν δὲ τὸ πλῆθος οὐδ' ἐν τοῖς ἄλλοις παρηνώχλει κατὰ τὴν ἀρχήν, ἀλλ' αἰεὶ παρεσκεύαζεν εἰρήνην καὶ ἐτήρει τὴν ἡσυχίαν.

Ibid.

ἔν τε γὰρ τοῖς ἄλλοις προῃρεῖτο πάντα διοικεῖν κατὰ τοὺς νόμους, οὐδεμίαν ἑαυτῷ πλεονεξίαν διδούς, καί ποτε προσκληθεὶς φόνου δίκην εἰς Ἄρειον πάγον αὐτὸς μὲν ἀπήντησεν ὡς ἀπολογησόμενος, ὁ δὲ προσκαλεσάμενος φοβηθεὶς ἔλιπεν. Ср. Pol. 1315 в.

Plut. Sol. 29.

καὶ γὰρ αἰμύλον τι καὶ προσφιλὲς εἶχεν (ὁ Πεισίστρατος) ἐν τῷ διαλέγεσθαι καὶ βοηθητικὸς ἦν τοῖς πένησι καὶ πρὸς τὰς ἔχθρας ἐπιεικὴς καὶ μέτριος.

Ibid.

εὐλαβὴς καὶ κόσμιος ἀνὴρ καὶ μάλιστα δὴ τὸ ἴσον ἀγαπῶν καὶ δυσχεραίνων, εἴ τις τὰ παρόντα κινοῖ ἢ νεωτέρων ὀρέγοιτο.

c. 31.

καὶ γὰρ ἐφύλαττε τοὺς πλείστους νόμους τοῦ Σόλωνος ἐμμένων πρῶτος αὐτὸς καὶ τοὺς φίλους ἀναγκάζων· ὅς γε καὶ φόνου προσκληθεὶς εἰς Ἄρειον πάγον ἤδη τυραννῶν ἀπήντησε κοσμίως ἀπολογησόμενος, ὁ δὲ κατήγορος οὐχ ὑπήκουσε.

Послѣдняя пара извѣстій совпадаетъ почти дословно; надо замѣтить, что она касается одного опредѣленнаго событія изъ жизни Писистрата. Первыя двѣ пары далеко не представляютъ такого близкаго сходства; касаясь вообще характера или образа дѣйствій Писистрата, они сходны какъ разъ настолько, насколько должны быть сходны двѣ характеристики какого-нибудь историческаго лица въ два смежныхъ періода его жизни, сдѣланныя однимъ и тѣмъ-же писателемъ. Это замѣтно особенно во второй парѣ: человѣкъ, который старался пріобрѣсти расположеніе народа тѣмъ, что выставлялъ себя отъявленнымъ врагомъ всякихъ реформъ и переворотовъ, долженъ былъ, достигнувъ власти, поступать именно такъ, какъ изображаетъ Аристотель: παρασκευάζειν εἰρήνην καὶ τηρεῖν τὴν ἡσυχίαν. Точно также, если, добиваясь власти, онъ помогалъ деньгами *бѣднымъ* (πένησι) и былъ умѣренъ *въ личной враждѣ* (πρὸς τὰς ἔχθρας), то естественно, что, какъ тираннъ, онъ ссужалъ деньгами *недостаточныхъ гражданъ* (τοῖς ἀπόροις πρὸς τὰς ἐργασίας) и былъ снисходителенъ *къ провинившимся противъ законовъ* (τοῖς ἁμαρτάνουσιν). Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ двумя частями одного и того-же повѣствованія: Плутарховыхъ свѣдѣній невозможно вывести изъ разсказа Аристотеля, но оба извѣстія такъ хорошо гармонируютъ другъ съ другомъ, что даже безъ словесныхъ совпаденій мы должны были-бы признать ихъ за части одной характеристики. Поэтому я едва-ли встрѣчу возраженіе, приписавъ сходныя черты въ извѣстіяхъ Аристотеля и Плутарха общему ихъ источнику.

Первая часть моей работы окончена. Мнѣ остается подвести итогъ тѣмъ частнымъ результатамъ, къ которымъ привело меня сопоставленіе отдѣльныхъ извѣстій Аристотеля и Плутарха. На основаніи изложеннаго я считаю возможнымъ выставить слѣдующія положенія:

1) Близкое сходство, которое обнаруживается между извѣстіями Плутарховой біографіи и параллельными мѣстами Политіи, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи опредѣленной и тѣсной связи между обоими произведеніями.

2) Эта связь не есть связь прямого заимствованія. Между всѣми извѣстіями Плутарха, которыя имѣютъ параллель въ Политіи, нѣтъ ни одного, которое не отличалось-бы бо̀льшею полнотой, или бо̀льшею точностью, или какими-нибудь другими особенностями сравнительно съ показаніями Аристотеля. Тѣ два вопроса, которые были поставлены въ началѣ изслѣдованія, приходится рѣшать въ отрицательномъ смыслѣ: Аристотель не былъ ни главнымъ, ни даже второстепеннымъ источникомъ Плутарха. Мало того: несомнѣнно, что Плутархъ, по крайней мѣрѣ во время работы, не имѣлъ въ рукахъ Политіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ разногласій и противорѣчій, которыя пришлось отмѣтить при анализѣ отдѣльныхъ извѣстій; прибавлю здѣсь еще два подобныхъ наблюденія. Я выше указалъ на то, какъ относится Аристотель къ вопросу о дружественной или любовной связи, которая, по словамъ нѣкоторыхъ писателей, существовала между Солономъ и Писистратомъ; я сказалъ, что Аристотель разсказываетъ объ оппозиціи Солона (въ 14-ой главѣ) именно для того, чтобы опровергнуть это мнѣніе. Полемика его не ограничивается, однако, однимъ этимъ мѣстомъ и еще яснѣе выступаетъ во 2-мъ § 17-ой главы, гдѣ онъ прямо говоритъ: φανερῶς ληροῦσι οἱ φάσκοντες, ἐρώμενον εἶναι Πεισίστρατον Σόλωνος, καὶ στρατηγεῖν ἐν τῷ πρὸς Μεγαρέας πολέμῳ περὶ Σαλαμῖνος. Оба эти извѣстія мы находимъ и у Плутарха, но безъ всякаго указанія на то, что какой-нибудь писатель считаетъ ихъ ложными. Въ первой главѣ, разсказывая о родствѣ Писистрата съ Солономъ, Плутархъ говоритъ: καὶ φιλία τὸ πρῶτον ἦν αὐτοῖς πολλὴ μὲν διὰ τὴν συγγένειαν, πολλὴ δὲ διὰ τὴν εὐφυίαν καὶ ὥραν, ὡς ἔνιοί φασιν, ἐρωτικῶς τὸν Πεισίστρατον ἀσπαζομένου τοῦ Σόλωνος, и въ подтвержденіе того, ὅτι πρὸς τοὺς καλοὺς οὐκ ἦν ἐχυρὸς ὁ Σόλων, ссылается на его стихотворенія и на его законъ о сожительствѣ съ рабами. Точно также онъ спокойно передаетъ и второе изъ опровергаемыхъ Аристотелемъ извѣстій—извѣстіе объ участіи Писистрата въ Саламинской экспедиціи Солона. Разсказавъ

извѣстную исторію о появленіи Солона на площади въ видѣ глашатая,—причемъ и Писистратъ играетъ не послѣднюю роль (μάλιστα δὲ τοῦ Πεισιστράτου τοῖς πολίταις ἐγκελευομένου καὶ παρορμῶντος πεισθῆναι τῷ λέγοντι), онъ продолжаетъ: Τὰ μὲν οὖν δημώδη τῶν λεγομένων τοιαῦτ' ἐστὶν, ὅτι πλεύσας ἐπὶ Κωλιάδα μετὰ τοῦ Πεισιστράτου, к. т. λ. Одно изъ отличительныхъ свойствъ Плутарха, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что онъ никогда не упускаетъ случая отмѣтить противорѣчіе во взглядахъ писателей, служащихъ ему источниками, на описываемыя имъ событія. Онъ навѣрное отмѣтилъ-бы и полемику Аристотеля въ указанныхъ двухъ случаяхъ—если-бы она была ему извѣстна. Въ разсказѣ объ учрежденіи Солономъ Ареопага онъ снова обнаруживаетъ свое незнакомство съ Политіей. Взвѣшивая доводы за и противъ до-солоновскаго происхожденія Ареопага, онъ въ концѣ концовъ оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не преминулъ-бы привести мнѣніе такого авторитетнаго писателя, какъ Аристотель, если-бы только зналъ его.

Единственная именная цитата изъ Политіи, которую приводитъ Плутархъ въ біографіи Солона (c. 25: καὶ προσηγορεύθησαν, ὡς Ἀριστοτέλης φησὶ, κύρβεις), не доказываетъ, что онъ пользовался ею. Безъ сомнѣнія онъ нашелъ цитату у Гермиппа, который, какъ показываютъ его фрагменты, имѣлъ похвальную привычку называть свои источники [1]).

3) Сходство въ извѣстіяхъ нашихъ авторовъ не обусловлено и косвеннымъ пользованіемъ, т. е. пользованіемъ черезъ вторыя руки. Тѣ-же самыя соображенія, которыя говорятъ противъ знакомства самого Плутарха съ Политіей, доказываютъ, что ея не знали, или, по крайней мѣрѣ, ею не пользовались и главные источники Плутарха.

4) Въ основѣ сходныхъ извѣстій Аристотеля и Плутарха

---

[1]) Hermippi frgm. 10 = Plut. Sol. 6. frgm. 11 = Plut. Sol. 11. Ср. Plut. Lyc. 23. Sol. 2. Demosth. 5. ibid. 30. Diog. L. V, 2 § 12. ibid. VIII, 7 § 4

лежитъ общій источникъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, самое сходство извѣстій, съ другой—характеръ наблюдаемыхъ въ нихъ различій. Я старался показать, что разсказъ Плутарха относится къ разсказу Аристотеля, какъ простое изложеніе извѣстій источника къ систематической обработкѣ ихъ ученымъ изслѣдователемъ. Различіе цѣлей обусловило и различіе въ пріемахъ обоихъ писателей. Одинъ извлекаетъ изъ своего источника лишь тѣ подробности, которыя наиболѣе важны для цѣлей его на-половину ученаго, на-половину полемическаго экскурса, группируетъ эти подробности сообразно съ планомъ своего экскурса, ни мало не заботясь о полнотѣ, точности и, часто даже, хронологической послѣдовательности своихъ извѣстій, наконецъ нерѣдко вступаетъ въ полемику съ источникомъ; другой приводитъ тѣ-же извѣстія, но съ бо̀льшимъ количествомъ подробностей и съ бо̀льшей отчетливостью, причемъ новыя подробности такъ естественно расположены между тѣми, которыя сообщаетъ первый, и такъ тѣсно сплетены съ ними, а бо̀льшая точность извѣстій выражается въ такихъ тонкихъ, почти неуловимыхъ чертахъ, что мысль о компиляціи извѣстій перваго автора съ извѣстіями, взятыми изъ другого источника, представляется совершенно невѣроятной; извѣстія и отдѣльныя детали ихъ расположены у него въ естественномъ порядкѣ; наконецъ—и это одинъ изъ важнѣйшихъ доводовъ въ пользу предположенія объ общемъ источникѣ—тѣ самыя извѣстія, которыя первый авторъ опровергаетъ, цѣликомъ и безъ всякой полемики содержатся въ разсказѣ второго [1]).

---

[1]) Съ формальной точки зрѣнія меня могутъ упрекнуть въ томъ, что я не подвергъ *специальному* разбору двухъ существенныхъ вопросовъ: о посредственномъ пользованіи Политіей, и о контаминаціи двухъ или нѣсколькихъ источниковъ. Отъ этого разбора удержалъ меня страхъ повтореній. При анализѣ каждой пары извѣстій Плутарха и Аристотеля я считался и съ той, и съ другой возможностью, но въ большинствѣ случаевъ отвергалъ ихъ молча, безъ особенной аргументаціи, увѣрен-

Мнѣ остается опредѣлить общій источникъ нашихъ авторовъ. Это былъ, по моему мнѣнію, Эфоръ. Высказывая такой взглядъ, я въ сущности не говорю ничего новаго. Бегеманнъ [1]) доказалъ, что Эфоръ былъ главнымъ источникомъ Германна, у котораго, въ свою очередь, заимствовалъ бо́льшую часть своихъ извѣстій Плутархъ. Если мнѣ удалось доказать, что сходство между извѣстіями Аристотеля и Плутарха вытекаетъ изъ пользованія однимъ и тѣмъ-же источникомъ, то аргументація Бегеманна сохраняетъ свою силу и по отношенію къ Аристотелю. Я ограничусь тѣмъ, чтобы подкрѣпить ее нѣкоторыми новыми доводами, которые отчасти ускользнули отъ вниманія Бегеманна, отчасти не были ему доступны вслѣдствіе незнакомства съ Политіей Аристотеля.

Напомню, что и Діогенъ Лаертскій черпалъ (косвенно) изъ того-же источника, что̀ Плутархъ,—изъ Германна [2]). Источникомъ Діодора въ 9-ой книгѣ, какъ доказалъ Klüber [3]), былъ Эфоръ.

1. Diod. IX, frgm. 1.

ὅτι ὁ αὐτὸς Σόλων... διὰ τὴν τρυφὴν καὶ τὴν ῥαστώνην ἐκτεθηλυμμένων τῶν ἀνθρώπων, μετέθηκε τῇ συνηθείᾳ πρὸς ἀρετὴν καὶ ζῆλον τῶν ἀῤῥενωπῶν πράξεων. διὸ τῇ τούτου νομοθεσίᾳ καθοπλισθέντες τὰς ψυχὰς Ἁρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων καταλύειν ἐπεχείρησαν τὴν τῶν Πεισιστρατιδῶν ἀρχήν.

Тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и у Діогена, I. 2 § 8. Συνέστειλε δὲ (sc. Solon) καὶ τὰς τιμὰς τῶν ἐν ἀγῶσιν ἀθλητῶν... ἀπειρόκαλον γὰρ τὸ ἐξαίρειν τὰς τούτων τιμάς, ἀλλὰ μόνων ἐκείνων τῶν ἐν πολέμοις τελευτησάντων, ὧν καὶ τοὺς υἱοὺς

ный въ томъ, что ихъ устраняютъ уже тѣ соображенія, которыми я каждый разъ доказывалъ отсутствіе *непосредственной* связи между Аристотелемъ и Плутархомъ. Достаточно открыть любую страницу предыдущаго изслѣдованія, чтобы убѣдиться въ этомъ.

[1]) Quaestiones Soloneae, Spec. I, 1875, pp. 27—30.

[2]) Begemann, p. 4. Prinz. De Solonis Plutarch. fontibus. Bonn 1867, p. 36. Изслѣдованія Niese (въ Hist. Untersuchungen zum 25 Jubilaum A. Schaffer's) я не могъ достать—этого сборника болѣе нѣтъ въ продажѣ.

[3]) Begemann, p 27.

δημοσία τρέφεσθαι καὶ παιδεύεσθαι. ὅθεν καὶ ἐζήλουν πολλοὶ καλοὶ κἀγαθοὶ γίνεσθαι κατὰ πόλεμον. ὡς Πολύζηλος, ὡς Κυνέγειρος... ἔτι δὲ Ἁρμόδιος καὶ Ἀριστογείτων...

Cp. Justin II, 9 (объ Аристогитонѣ): Hujus virtute cum admonita civitas libertatis esset... Ср. А. п 8 и ниже № 13.

2. Diod. IX, frgm. 2.

Ὅτι Κροῖσος ὁ Λυδῶν βασιλεὺς... μετεπέμπετο τῶν Ἑλλήνων τοὺς σοφωτάτους... ποτὲ δὲ τούτων Σόλωνα μεταπεμψάμενος... Ср Diod. IX, frgm. 26.

Plut. Sol. 27.

τὸν Σόλωνα φασὶν εἰς Σάρδεις δεηθέντι τῷ Κροίσῳ παραγενόμενον.

Между тѣмъ Геродотъ не говоритъ о приглашеніи (I, 30): ἐκδημήσας ὁ Σόλων... εἰς Αἴγυπτον ἀπίκετο παρὰ Ἄμασιν καὶ δὴ καὶ ἐς Σάρδις παρὰ Κροῖσον.

Cp. Diog. L. I. 1 § 14. Ἀρχέτιμος... ὁμιλίαν αὐτῶν (τῶν ἑπτὰ σοφῶν) ἀναγέγραφε παρὰ Κυψέλῳ... Ἔφορος δὲ παρὰ Κροίσῳ πλὴν Θαλοῦ.

3. Diod. I, 77. προσετέτακτο δὲ καὶ πᾶσι τοῖς Αἰγυπτίοις ἀπογράφεσθαι πρὸς τοὺς ἄρχοντας ἀπό τίνων ἕκαστος πορίζεται τὸν βίον, καὶ τὸν ἐν τούτοις ψευσάμενον ἢ πόρον ἄδικον ἐπιτελοῦντα θανάτῳ περιπίπτειν ἦν ἀναγκαῖον. λέγεται δὲ τοῦτον τὸν νόμον ὑπὸ Σόλωνος παραβαλόντος εἰς Αἴγυπτον εἰς τὰς Ἀθήνας μετενεχθῆναι.

Plut. Sol. 22.

Σόλων... τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλὴν ἔταξεν ἐπισκοπεῖν, ὅθεν ἕκαστος ἔχει τὰ ἐπιτήδεια, καὶ τοὺς ἀργοὺς κολάζειν.

4. Diod. XIII, 95.

(Πεισίστρατόν) φασιν ἑαυτὸν κατατραυματίσαντα προελθεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν ὡς ἐπιβεβουλευμένον καὶ διὰ τοῦτο φυλακὴν λαβεῖν, κ. τ. λ.

Plut. Sol. 30.

κατατρώσας αὐτὸς ἑαυτὸν ὁ Πεισίστρατος ἦκεν εἰς ἀγορὰν... καὶ παρώξυνε τὸν δῆμον ὡς... ὑπὸ τῶν ἐχθρῶν ἐπιβεβουλευμένος.

Любопытная подробность: Геродотъ сообщаетъ, что Писистратъ поранилъ не только себя, но *и своихъ муловъ*; Эфоръ очевидно опустилъ эту подробность: ея нѣтъ ни у одного изъ авторовъ, которые пользовались Эфоромъ, — ни у Діодора (l. c.), ни у Діогена (I. 2 § 11), ни у Юстина (II, 8), ни у Полиэна (I. 21 § 3),—*ея нѣтъ и у Аристотеля и Плутарха.*

5. Diod. IX, frgm. 21.

καὶ μετὰ ταῦτα τυραννοῦντος ἔφη·

εἰ δὲ πεπόνθατε λυγρὰ δι'ὑμετερὴν κακότητα, κ. τ. λ.

Plut. Sol. 30.

καὶ τὸ λοιπὸν ἡσυχίαν ἦγε καὶ τῶν φίλων φεύγειν παραινούντων οὐ προσεῖχεν, ἀλλὰ ποιήματα γράφων ὠνείδιζε τοῖς Ἀθηναίοις.

εἰ δὲ πεπόνθατε λυγρὰ, κ. τ. λ.

6. Diod. ibid.

(ὁ Πεισίστρατος) ἠρώτησεν αὐτὸν τίνι πεποιθὼς ἀντιπράττει ταῖς ἐπιβολαῖς αὐτοῦ. τὸν δέ φασιν εἰπεῖν τῷ γήρᾳ. id. frgm. 4.

Plut. Sol. 31.

Ἐπὶ τούτοις δὲ πολλῶν νουθετούντων αὐτὸν ὡς ἀποθανούμενον ὑπὸ τοῦ τυράννου καὶ πυνθανομένων, τίνι πιστεύων οὕτως ἀπονοεῖται; „Τῷ γήρᾳ“ εἰπεῖν.

7. Diod. I, 79.

δοκεῖ δὲ καὶ τοῦτον τὸν νόμον ὁ Σόλων εἰς τὰς Ἀθήνας μετενεγκεῖν ὃν ὠνόμασε σεισάχθειαν, ἀπολύσας τοὺς πολίτας ἅπαντας τῶν ἐπὶ τοῖς σώμασι πεπιστευμένων δανείων (Ἀ. π. 6. Plut. Sol. 15.) μέμφονται δέ τινες οὐκ ἀλόγως τοῖς πλείστοις τῶν παρὰ τοῖς Ἕλλησι νομοθετῶν, οἵτινες ὅπλα μὲν κοὶ ἄροτρον καὶ ἄλλα τῶν ἀναγκαιοτάτων ἐκώλυσαν ἐνέχυρα λαμβάνεσθαι πρὸς δάνειον, τοὺς δὲ τούτοις χρησομένους συνεχώρησαν ἀγωγίμους (Ἀ. π. 2. Plut. Sol. 13) εἶναι. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ тинѣс Діодоръ разумѣетъ Эфора: послѣдній какъ разъ и любилъ сравнивать законы одного законодателя съ законами другихъ, предшествовавшихъ ему.

Такъ, въ 12-ой книгѣ Діодора, гдѣ по Эфору [1]) излагаются законы Харонда и Залевка, мы читаемъ: c. 12. ἔγραψε νόμον... τοῖς ἄλλοις νομοθέταις παρεωραμένον, ibid. ἔγραψε καὶ ἕτερον νόμον... τοῖς παλαιοτέροις αὐτοῦ νομοθέταις ἠμελεμένον; c. 13. καὶ τοσοῦτον ὑπερεβάλετο τοὺς πρότερον νομοθετήσαντας...; c. 15. τῶν γὰρ ἄλλων νομοθετῶν...—ὁ δὲ νόμος οὗτος ἅμα μὲν φιλανθρωπότερός ἐστι τῶν παρὰ τοῖς ἄλλοις, ἅμα δὲ, κ. τ. λ.—Подчеркнутыя слова (τῶν ἐπὶ τοῖς σώμασι πεπιστευμένων δανείων, ἀγωγίμους) не даютъ-ли права предполагать, что изъ Эфора-же взяты извѣстія Аристотеля и Плутарха объ экономическомъ положеніи народа передъ реформой Солона?

8. Diod. IX, frgm. 4. παντελῶς ἤδη γεγηρακῶς.
'A. π. 14. ἤδη γὰρ σφόδρα πρεσβύτης ἦν.
Plut. Sol 30. ἤδη μὲν ἦν σφόδρα γέρων.

9. Diod. IX, frg. 21.	'A. π. 14.	Plut. Sol. 30.
οὐδενὸς δὲ αὐτῷ προσέχοντος... ἔφησε καὶ λόγῳ καὶ ἔργῳ τῇ πατρίδι κινδυνευούσῃ βεβοηθηκέναι τὸ κατ'αὐτὸν μέρος.	ἐπεὶ δὲ λέγων οὐκ ἔπειθεν ...αὐτὸς μὲν ἔφη βεβοηθηκέναι τῇ πατρίδι, καθ' ὅσον ἦν δυνατός, κ. τ.λ.	Οὐδενὸς δέ προσέχοντος αὐτῷ ....„ἐμοὶ μὲν" εἶπεν „ὡς δυνατὸν ἦν βεβοήθηται τῇ πατρίδι καὶ τοῖς νόμοις".

10 [2]). Diod. IX, frgm. 37 § 2. 'A. π. 16 § 6.

Ὅτι ὁ αὐτὸς (sc. Pisistratus) διαπορευόμενός ποτε διὰ τῆς χώρας κατενόησεν ἄνθρωπον κατοιαύτης γάρ τινος ἐξόδου τῷ Πεισιστράτῳ γιγνομένης, συμβῆναί φασι τὰ περὶ τὸν ἐν τῷ

[1]) Volquardsen, Untersuchungen uber die Quellen der griech. und sicil. Geschichte bei Diodor, Buch XI bis XVI. Kiel. 1868, – p. 102. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 279, Anm. 4.

[2]) Я надѣюсь въ другомъ мѣстѣ подробно доказать, что бо́льшую часть своихъ извѣстій о Писистратѣ и его сыновьяхъ Аристотель заимствовалъ у Эфора. Здѣсь ограничусь лишь немногими, наиболѣе яркими примѣрами.

τὰ τὸν Ὑμηττον ἐργαζόμενον ἐν χωρίοις λεπτοῖς καθ' ὑπερβολὴν καὶ τραχέσι. θαυμάσας δὲ τὴν φιλεργίαν ἔπεμψε τοὺς ἐρωτήσοντας τί λαμβάνοι τοιαύτην χώραν ἐργαζόμενος. ὧν ποιησάντων τὸ προσταχθέν, ὁ ἐργάτης ἔφησε λαμβάνειν ἐκ τοῦ χωρίου κακὰς ὀδύνας, ἀλλ' οὐδὲν αὐτῷ μέλειν. τούτων γὰρ τὸ μέρος Πεισιστράτῳ διδόναι. ὁ δὲ δυνάστης ἀκούσας τὸν λόγον καὶ γελάσας ἐποίησε τὸ χωρίον ἀτελές.

Ὑμηττῷ γεωργοῦντα τὸ κληθὲν ὕστερον χωρίον ἀτελές. ἰδὼν γάρ τινα παντελῶς πέτρας σκάπτοντα καὶ ἐργαζόμενον, διὰ τὸ θαυμάσαι τὸν παῖδα ἐκέλευσεν ἐρέσθαι, τί γίγνεται ἐκ τοῦ χωρίου. ὁ δ' „ὅσα κακὰ καὶ ὀδύναι" ἔφη, „καὶ τούτων τῶν κακῶν καὶ τῶν ὀδυνῶν Πεισίστρατον δεῖ λαβεῖν τὴν δεκάτην". ὁ μὲν οὖν ἄνθρωπος ἀπεκρίνατο ἀγνοῶν, ὁ δὲ Πεισίστρατος ἡσθεὶς διὰ τὴν παῤῥησίαν καὶ τὴν φιλεργίαν ἀτελῆ πάντων ἐποίησεν αὐτόν.

11. Polyaen. V, 14 [1]).

τοῦτο ποιήσας (sc. Pisistratus) εὔνοιαν καὶ φιλίαν ἐκτήσατο παρ' αὐτῶν ὡς οὐκέτι τύραννος, ἀλλὰ χρηστὸς πατὴρ καὶ δημοτικὸς πολίτης.

Ἀ. π. 14, § 3.

Πεισίστρατος.... διῴκει τὰ κοινὰ πολιτικῶς μᾶλλον ἢ τυραννικῶς.

Изъ Эфора взялъ Аристотель и разсказъ объ обезоруженіи народа Писистратомъ.

12. Polyaen. I, 21 § 2 [2]).

Πεισίστρατος Ἀθηναίων τὰ ὅπλα βουλόμενος παρελέσθαι παρήγγειλεν ἥκειν ἅπαντας εἰς

Ἀ. π. 15, § 4.

παρείλετο δὲ τοῦ δήμου τὰ ὅπλα τόνδε τὸν τρόπον. ἐξοπλασίαν ἐν τῷ Θησείῳ ποιη-

[1]) Изъ Эфора, ср. Diod. IX, frgm. 37, § 1.

[2]) = Ephor., см. Melber. Ueber die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyans. N. Jahrb. f. Phil Supplbd. 14 (1886), p. 430.

τὸ Ἀνάκειον μετὰ τῶν ὅπλων. οἱ μὲν ἦκον. ὁ δὲ προῆλθε βουλόμενος δημηγορῆσαι καὶ σμικρᾷ τῇ φωνῇ λέγειν ἤρχετο. οἱ δὲ ἐξακούειν μὴ δυνάμενοι προελθεῖν αὐτὸν ἠξίωσαν εἰς τὸ προπύλαιον, ἵνα πάντες ἐξακούσειαν. ἐπεὶ δὲ ὁ μὲν ἡσυχῇ διελέγετο, οἱ ἐπίκουροι προελθόντες ἁράμενοι τὰ ὅπλα κατήνεγκαν εἰς τὸ ἱερὸν τῆς Ἀγραύλου. Ἀθηναῖοι δὲ γυμνοὶ καταλειφθέντες τότε ἤσθοντο τῆς Πεισιστράτου βραχυφωνίας, ὅτι ἄρα ἦν τέχνασμα κατὰ τῶν ὅπλων. σάμενος ἐκκλησιάζειν ἐπεχείρει, [τῆς δὲ φωνῆς ἐχάλ]ασεν μικρόν. οὐ φασκόντων δὲ κατακούειν, ἐκέλευσε αὐτοὺς προσαναβῆναι πρὸς τὸ πρόπυλον τῆς ἀκροπόλεως, ἵνα γεγωνῇ μᾶλλον. ἐν ᾧ δ' ἐκεῖνος διέτριβε δημηγορῶν, ἀνελόντες οἱ ἐπὶ τούτῳ τεταγμένοι τὰ ὅπλα, καὶ κατακλήσαντες εἰς τὰ πλησίον οἰκήματα τοῦ Θησείου, διεσήμηναν ἐλθόντες πρὸς τὸν Πεισίστρατον. ὁ δὲ ἐπεὶ τὸν ἄλλον λόγον ἐπετέλεσεν, εἶπε καὶ περὶ τῶν ὅπλων, κ. τ. λ. [1]).

Любопытно отмѣтить въ разсказѣ Аристотеля слѣдъ Эфоровой работы. Слова, съ которыми Писистратъ обращается къ народу послѣ скрытія оружія, взяты у Геродота, какъ указалъ уже М. М. Покровскій [2]): ἔφη ...οὐκ ἀθυμεῖν, ἀλλ, ἀπελθόντας ἐπὶ τῶν ἰδίων εἶναι — Herod. I, 63. θαρσέειν τε κελεύοντες καὶ ἀπιέναι ἕκαστον ἐπὶ τὰ ἑωυτοῦ. Это — не «случайность» и не контаминація источниковъ, какъ думаетъ М. М. Покровскій, — такъ работалъ Эфоръ, и у Bauer'a [3]) можно найти не одинъ десятокъ подобныхъ случаевъ. Вообще надо замѣтить, что гипотеза объ Эфорѣ, какъ главномъ источникѣ исторической части Политіи, заставитъ снова пересмотрѣть тотъ вопросъ, которымъ задавался авторъ названной

[1]) Оба разсказа настолько сходны, что разницѣ въ именахъ нельзя придавать большого значенія. Въ дошедшей до насъ рукописи Политіи имя Θησεῖον написано такъ неразборчиво, что нѣкоторые издатели (Herw.-Leeuw., Wilam. - Kaib. и Кеп. въ первыхъ изданіяхъ) читали Ανακείῳ, и только новѣйшія изданія (Кеп.[3], Blass и Sandys) даютъ Θησείῳ.

[2]) Къ вопросу объ авторѣ новооткрытаго трактата Ἀ. π. (Въ Ж. М. Н. Пр. 1892).

[3]) Die Benützung Herodots durch Ephoros bei Diodor. N. Iahrb. f. Phil. Spbd. 10.

статьи. Аристотель несомнѣнно пользовался Геродотомъ, но немало геродотовскихъ извѣстій дошло до него и чрезъ Эфора: важно будетъ выдѣлить послѣднія и прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ они подвергались подъ перомъ Эфора

13. Изъ Эфора, наконецъ, взятъ и разсказъ о смерти Аристогитона, 'А. п. 18, §§ 4—6, какъ показываютъ слова Діодора X, frgm 16 [1]): ἡ δὲ ἐν ταῖς βασάνοις παράστασις τῆς ψυχῆς καὶ τὸ καρτερικὸν τῆς τῶν δεινῶν ὑπομονῆς περὶ μόνον ἐγενήθη τὸν Ἀριστογείτονα, ὃς ἐν τοῖς φοβερωτάτοις καιροῖς δύο μέγιστα διετήρησε, τήν τε πρὸς φίλους πίστιν καὶ τὴν πρὸς τοὺς ἐχθροὺς τιμωρίαν, и слѣдующій затѣмъ разсказъ о смерти Зенона, совершенно аналогичный съ тѣмъ, который передаетъ Аристотель объ Аристогитонѣ. Еще яснѣе говоритъ Поліэнъ (I, 22 по Эфору, см. Melber, p. 431): Ἀριστογείτων ὑπὸ τῶν δορυφόρων στρεβλούμενος περὶ τῶν συνειδότων, τῶν μὲν συνειδότων ὡμολόγησεν οὐδένα, πάντας δὲ τοὺς Ἱππίου φίλους κοινωνῆσαι τῆς ἐπιθέσεως. ὁπότε δὲ τούτους Ἱππίας ἀπέκτεινε, τότε ὁ Ἀριστογείτων ὠνείδισεν (А п. 18, § 6 ὀνειδίσας) αὐτῷ τὸ στρατήγημα τῶν φίλων [2]). Сдѣланное сейчасъ сопоставленіе неожиданно проливаетъ свѣтъ на одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ Аѳинской Политіи. Въ 18-й главѣ Аристотель приводитъ два противоположныхъ извѣстія о поведеніи Аристогитона во время пытки: κατηγόρει δὲ τῶν τυράννου φίλων, ὡς μὲν οἱ δημοτικοί φασιν ἐπίτηδες, ἵνα ἀσεβήσαιεν ἅμα καὶ γένοιντο ἀσθενεῖς, ἀνελόντες τοὺς ἀναιτίους καὶ φίλους ἑαυτῶν. ὡς δ'ἔνιοι λέγουσιν οὐχὶ πλαττόμενος, ἀλλὰ τοὺς συνειδότας ἐμήνυεν. Извѣстіе Эфора, какъ мы его читаемъ у Поліэна и Діодора, вполнѣ соотвѣтствуетъ первой, демократической версіи; повидимому, Эфоръ и есть тотъ авторъ, котораго Аристотель цитируетъ подъ именемъ οἱ δημοτικοί. Поэтому я считаю вѣроятнымъ,

---

[1]) Что Діод. и въ 10-й книгѣ пользовался Эфоромъ—см. Holzapfel, Untersuchungen uber die Darstellung der griechischen Geschichte von 489 bis 413 vor Chr., Leipzig 1879,—p. 45, p. 48 Anm 2.

[2]) Ср. также Justin. II, 9.

что и въ другомъ случаѣ, гдѣ Аристотель приводитъ мнѣніе демократическаго писателя (въ разсказѣ о сисахтіи, 6 § 2: ὡς μὲν οἱ δημοτικοὶ λεγουσιν), онъ имѣетъ въ виду Эфора.

Закончивъ анализъ жизнеописанія Солона, перехожу къ остальнымъ біографіямъ. Я уже сказалъ, что изъ нихъ представляютъ интересъ только біографіи Ѳемистокла, Аристида, Кимона, Перикла и Никія. Каждая изъ нихъ содержитъ нѣсколько извѣстій, которыя обнаруживаютъ болѣе или менѣе значительное сходство съ параллельными мѣстами Политіи, и которыя поэтому могутъ быть выставлены, какъ слѣды пользованія ею; почти въ каждой встрѣчаются именныя цитаты изъ Аристотеля. При рѣшеніи вопроса объ отношеніи этихъ біографій къ Политіи можно было идти двоякимъ путемъ: можно было рѣшать этотъ вопросъ относительно каждой біографіи отдѣльно, или сразу относительно всѣхъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, малочисленность извѣстій, которыя представляетъ намъ каждая отдѣльная біографія, и съ другой стороны однородность выводовъ, къ которымъ приводитъ анализъ извѣстій, заключающихся въ различныхъ біографіяхъ, я избралъ второй путь, который, такимъ образомъ, даетъ мнѣ возможность вывести общее заключеніе на основаніи бо́льшаго числа наблюденій. Тѣ-же причины побудили меня отдѣлить анализъ именныхъ цитатъ отъ анализа извѣстій, сходныхъ съ аристотелевскими. Наблюденіе надъ цитатами, заключающимися въ одной біографіи, не могло привести къ твердому выводу—настолько онѣ малочислены и кратки, между тѣмъ совокупность ихъ давала возможность вывести совершенно-опредѣленное заключеніе относительно ихъ характера и происхожденія. Руководясь этими соображеніями, я сначала подвергаю анализу тѣ извѣстія въ каждой біографіи, которыя обнаруживаютъ сходство съ параллельными мѣстами Политіи; закончивъ этотъ анализъ, я изъ частныхъ результатовъ, къ которымъ онъ приведетъ меня, выведу общее заключеніе, и наконецъ провѣрю послѣднее на анализѣ именныхъ цитатъ.

ΘЕМИСТОКЛЪ.

Первое извѣстіе въ біографіи Θемистокла, которое имѣетъ параллель у Аристотеля, касается созданія новаго аѳинскаго флота. Сходство обоихъ извѣстій яснѣе всего обнаруживается при сравненіи ихъ съ разсказомъ Геродота въ 144-й главѣ 7-й книги. Геродотъ не даетъ точнаго опредѣленія времени, въ которое совершилось это событіе. Единственное его хронологическое указаніе заключается въ томъ, что онъ приводитъ предложеніе Θемистокла въ связь съ Эгинской войной; но послѣдняя тянулась такъ долго и до, и послѣ Мараѳонской битвы, что изъ его разсказа невозможно извлечь даже приблизительной даты для закона Θемистокла [1]). Аристотель совершенно точно фиксируетъ послѣдній словами: ἔτει τρίτῳ μετὰ ταῦτα (изгнаніе Ксантиппа), Νικομήδους ἄρχοντος, т.-е. онъ относитъ это событіе приблизительно къ 483 году —во всякомъ случаѣ, ко времени, слѣдовавшему за Мараѳонской битвой. Къ этому-же времени относитъ его и Плутархъ, хотя онъ и не даетъ такого точнаго хронологическаго опредѣленія: онъ говоритъ о предложеніи Θемистокла, какъ о первой мѣрѣ, которою Θемистоклъ хотѣлъ приготовить Аѳины къ предстоящей борьбѣ съ персами, „потому что онъ одинъ предвидѣлъ ее, тогда какъ остальные Аѳиняне считали *Мараѳонскую битву* завершеніемъ борьбы“.– Вторая черта, обнаруживающая родство между извѣстіями нашихъ писателей и отличающая ихъ отъ извѣстія Геродота, касается количества кораблей, которые были построены по предложенію Θемистокла: по Геродоту ихъ было 200, тогда какъ Аристотель и Плутархъ согласно говорятъ только о ста корабляхъ.

---

[1]) Такъ-же неопредѣленно въ хронологическомъ смыслѣ говоритъ о предложеніи Θемистокла и Θукидидъ I, 14. См. Bauer, Themistocles, Studien und Beitrage, etc. Merseburg 1881, p. 162. Современные ученые, какъ извѣстно, сильно расходятся во взглядахъ на хронологію Эгинской войны. См. Busolt, Gr. G. II, S. 62, Anm. 1.

Этихъ двухъ совпаденій достаточно, чтобы установить связь между извѣстіями Аристотеля и Плутарха; остается опредѣлить характеръ этой связи. Проще всего было-бы предположить, что Плутархъ прямо или косвенно заимствовалъ у Аристотеля хронологическую дату и цифру кораблей, и ввелъ эти свѣдѣнія въ разсказъ, взятый изъ другого источника. Но сравненіе съ извѣстіями другихъ писателей покажетъ, что онъ могъ найти эти двѣ подробности тамъ-же, гдѣ нашелъ всѣ прочія свои свѣдѣнія, касающіяся предложенія Θемистокла. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важно для насъ извѣстіе Поліэна (I. 30, 6).

Въ 22-й главѣ Политіи Аристотель разсказываетъ объ уловкѣ, которую употребилъ Θемистоклъ при постройкѣ кораблей; Плутархъ этой уловки не знаетъ, но передаетъ другую хитрость, которой, въ свою очередь, не сообщаетъ Аристотель. Оба эти анекдота мы находимъ вмѣстѣ у Поліэна.

Первымъ шагомъ Θемистокла, говоритъ Плутархъ, въ его стремленіи приготовить Аѳины къ предстоящей борьбѣ съ Персами, было созданіе аѳинскаго флота. Чтобы побудить гражданъ увеличить флотъ, онъ употребилъ такого рода хитрость. Аѳиняне въ это время вели войну съ Эгиною; понимая, что страхъ предполагаемаго персидскаго нашествія недостаточенъ, чтобы побудить Аѳинянъ къ крупнымъ затратамъ, онъ сталъ дѣйствовать на нихъ изображеніемъ болѣе близкой опасности, именно—со стороны Эгинянъ. Планъ его удался, и Аѳиняне изъ денегъ, полученныхъ съ рудниковъ, построили 100 кораблей.

Вотъ та рамка, въ которой является предложеніе Θемистокла у Плутарха. Не трудно замѣтить, что слѣды той-же самой обстановки сохранились и у Поліэна; въ началѣ онъ говоритъ: Θεμιστοκλῆς ἐν τῷ πρὸς Αἰγινήτας πολέμῳ, и въ концѣ: καὶ οὐ μόνον κατὰ Αἰγινητῶν ταῖς τριήρεσι ταύταις, ἀλλὰ καὶ κατὰ Περσῶν ἐχρήσαντο. Онъ не привелъ всего разсказа, потому что послѣдній не имѣлъ прямого отношенія къ сообщаемому

имъ анекдоту. И въ этой обстановкѣ онъ разсказываетъ о второй уловкѣ Ѳемистокла почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ какъ и Аристотель [1]).

Такимъ образомъ, мы нашли промежуточное звено, которое связываетъ разсказъ Плутарха съ разсказомъ Аристотеля; мы получили увѣренность, что за тѣми свѣдѣніями, которыя у него общи съ Аристотелемъ, Плутархъ не имѣлъ надобности обращаться къ послѣднему, а могъ ихъ найти въ томъ источникѣ, откуда почерпнулъ остальное содержаніе 4-й главы. Слѣдовательно, совпаденія, которыя я выше отмѣтилъ, указываютъ не на заимствованіе Плутархомъ у Аристотеля, а на пользованіе общимъ источникомъ: Плутархъ и Аристотель заимствовали свои свѣдѣнія о предложеніи Ѳемистокла у того-же автора, которымъ пользовался Поліэнъ [2]).

Чтобы провѣрить правильность этой гипотезы, необходимо сравнить остальныя подробности извѣстій Аристотеля и Плутарха. Между ними на первый взглядъ обнаруживаются два противорѣчія, которыя, однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи исчезаютъ. Первой мнимой разницей является несходство извѣстій о мѣстоположеніи рудниковъ: Плутархъ говоритъ о рудникахъ Лауреонскихъ, Аристотель о Маронейскихъ. Но изъ Гарпократіона (s. v. Μαρώνεια) видно, что, кромѣ ѳракійской Маронеи, было мѣсто такого-же имени и въ Аттикѣ.

---

[1]) Послѣ этого было-бы излишне доказывать, что источникомъ Поліэна былъ не Аристотель. См. Melber, l. c., p. 434, гдѣ приведены и слова Bergk'a о разбираемомъ извѣстіи Поліэна: „Polyan hat naturlich nicht die πολιτεία Ἀθηναίων benutzt, sondern wahrscheinlich den Ephorus“.

[2]) Обѣ уловки Ѳемистокла въ источникѣ могли быть связаны такимъ образомъ: изображеніемъ опасности со стороны Эгинянъ Ѳемистоклъ достигъ того, что деньги не были розданы гражданамъ, а были вручены ему для обще-государственныхъ мѣропріятій (οὐ λέγων ὅ τι χρήσεται, Ἀ. π.), т. е. для усиленія оборонительной способности Аѳинъ, вторую хитрость онъ употребилъ для того, чтобы осуществить свой планъ объ увеличеніи аѳинскаго флота.

Кеніонъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что аттическая Маронея находилась вѣроятно близъ Лауреона—проще сказать, въ Лауреонскомъ горномъ округѣ. Нѣтъ ничего страннаго, что Аристотель (и его источникъ) назвалъ рудникъ его точнымъ именемъ: онъ писалъ въ Аѳинахъ, для Аѳинянъ и въ такое время, когда Маронейскіе рудники еще, можетъ быть, разработывались и были всѣмъ извѣстны. Во времена Плутарха это имя едва-ли было кому извѣстно, и Плутархъ опустилъ его; вѣроятно по той-же причинѣ, Поліэнъ совсѣмъ устранилъ изъ своего разсказа имя рудниковъ и назвалъ ихъ просто τὰ ἀργύρια.

Этимъ соображеніемъ устраняется и второе мнимое противорѣчіе. Аристотель сообщаетъ, что въ это время *были открыты* рудники въ Маронеѣ и *нѣкоторые совѣтовали* раздѣлить полученный съ этихъ рудниковъ доходъ между гражданами; Плутархъ-же говоритъ: τὴν Λαυριωτικὴν πρόσοδον ἀπὸ τῶν ἀργυρείων μετάλλων ἔθος ἐχόντων Ἀθηναίων διανέμεσθαι, μόνος εἰπεῖν ἐτόλμησε, к. т. λ. Получается, повидимому, коренная разница—но только на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что этихъ двухъ извѣстій невозможно сравнивать—они несоизмѣримы. Допустивъ, что Плутархъ и Аристотель имѣли передъ глазами одинъ и тотъ-же источникъ, мы безъ всякой натяжки можемъ предположить, что въ этомъ источникѣ оба извѣстія стояли рядомъ, именно въ такомъ видѣ: 1) Аѳиняне имѣли обыкновеніе доходы съ Лауреонскихъ рудниковъ дѣлить между гражданами; 2) когда были открыты новыя залежи—въ Маронеѣ—и нѣкоторые совѣтовали поступить съ новымъ доходомъ какъ съ прежними, то Ѳемистоклъ, и т. д. Такъ какъ рѣчь идетъ все-таки о Лауреонскихъ рудникахъ, и Плутархъ, по вышеуказанной причинѣ, хотѣлъ опустить имя Маронеи, то онъ опустилъ всю вторую часть извѣстія, какъ неимѣющую притомъ большого значенія. Напротивъ, Аристотель опустилъ первую часть—потому-ли, что считалъ ея содержаніе достаточно извѣстнымъ, или потому, что хотѣлъ передать только фактъ

(предложеніе Θемистокла); точно такъ-же поступилъ и Поліэнъ, котораго интересовалъ только анекдотъ.

Противъ нашей гипотезы могутъ быть однако выставлены еще два возраженія. Во первыхъ. Плутархъ не обозначаетъ суммы, истраченной Аѳинянами на постройку кораблей, тогда какъ Аристотель и Поліэнъ опредѣляютъ ее въ 100 талантовъ. Но достаточно прочитать первую фразу Плутархова разсказа, чтобы убѣдиться, что въ ней не было мѣста для этой подробности: Καὶ πρῶτον μὲν, говоритъ Плутархъ, τὴν Λαυριωτικὴν πρόσοδον ἀπὸ τῶν ἀργυρείων μετάλλων ἔθος ἐχόντων Ἀθηναίων διανέμεσθαι, μόνος εἰπεῖν ἐτόλμησε παρελθὼν εἰς τὸν δῆμον, ὡς χρὴ τὴν διανομὴν ἐάσαντας ἐκ τῶν χρημάτων τούτων, κ. т. λ. Опустивъ извѣстіе о Маронеѣ, онъ легко могъ обойтись и безъ цифры новаго дохода, и его молчаніе вовсе не доказываетъ, что онъ ея не зналъ. Гораздо важнѣе второе возраженіе. Плутархъ, очевидно, не знаетъ уловки, которую употребилъ Θемистоклъ при постройкѣ кораблей и о которой разсказываютъ Аристотель и Поліэнъ; трудно предположить, что онъ упустилъ-бы случай украсить свой разсказъ столь забавнымъ анекдотомъ, если-бы послѣдній былъ ему извѣстенъ. Но въ пользу общаго источника говоритъ такъ много соображеній, что этотъ доводъ e silentio не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Вѣроятнѣе всего, что Плутархъ пользовался общимъ источникомъ не непосредственно, а въ чьей-нибудь переработкѣ (Фанія? Mohr, E. Schmidt) гдѣ анекдотъ, приведенный Аристотелемъ и Поліэномъ, былъ опущенъ.

Итакъ, сходство между Плутархомъ и Поліэномъ съ одной стороны, Поліэномъ и Аристотелемъ съ другой, совпаденія (относительно времени и числа кораблей) между Плутархомъ и Аристотелемъ и отсутствіе противорѣчій между ними даютъ основаніе думать, что Аристотель и Плутархъ черпали свои свѣдѣнія объ увеличеніи аѳинскаго флота Θемистокломъ изъ одного и того-же источника. Этотъ взглядъ подверждается, наконецъ, и нѣкоторыми словесными совпаденіями между тремя писателями.

Plut.	Polyaen	'A π.
τὴν Λαυριωτικὴν πρόσοδον ἀπὸ τῶν ἀργυρείων μετάλλων ἐθος ἐχόντων 'Αθηναίων διανέμεσθαι.	μελλόντων 'Αθηναίων τὴν ἐκ τῶν ἀργυρίων πρόσοδον... διανέμεσθαι.	.... διανείμασθαι τὸ ἀργύριον.

Привожу соотвѣтствующее мѣсто Геродота (VII, 144), чтобы показать, что у него нѣтъ ни одного изъ подчеркнутыхъ здѣсь выраженій: ....ὅτε 'Αθηναίοισι γενομένων χρημάτων μεγάλων ἐν τῷ κοινῷ, τὰ ἐκ τῶν μετάλλων σφι προσῆλθε τῶν ἀπὸ Λαυρείου, ἐμελλον λάξεσθαι ὀρχηδὸν ἕκαστος δέκα δραχμάς.

Plut.	Polyaen.	'A. π.
ἑκατὸν... ἐποιήθησαν τριήρεις, αἳ καὶ πρὸς Ξέρξην ἐναυμάχησαν.	καὶ οὐ μόνον κατὰ Αἰγινητῶν ταῖς τριήρεσι ταύταις, ἀλλὰ καὶ κατὰ Περσῶν τοὺς βαρβάρους. ἐχρήσαντο.	τριήρεις ἑκατὸν ...αἷς ἐναυμάχησαν ἐν Σαλαμῖνι πρὸς τοὺς βαρβάρους.

Намъ остается опредѣлить, кто былъ общимъ источникомъ Аристотеля, Плутарха и Полiэна.

Haebler [1]) Holzapfel [2]) и Enmann [3]) доказали, что извѣстiе Юстина о предложенiи Θемистокла (II, 12, 12) заимствовано изъ Эфора; между тѣмъ это краткое извѣстiе совершенно совпадаетъ съ концомъ 3-ей главы Плутарховой бiографiи Θемистокла.

Plut. Them. 3. οἱ μὲν ἄλλοι πέρας ᾠοντο τοῦ πολέμου τὴν ἐν Μαραθῶνι τῶν βαρβάρων ἧτταν εἶναι, Θεμιστοκλῆς δὲ ἀρχὴν μειζόνων ἀγώνων.

---

[1]) Quaestiones Plutarcheae duae, Lips. 1873, p. 44.

[2]) l. c., p. 48.

[3]) Untersuchungen uber die Quellen des Pompejus Trogus, Dorpat 1880, p. 4.

Just. II, 12, 12. namque Athenienses post pugnam Marathoniam praemonente Themistocle victoriam illam de Persis non finem, sed causam maioris belli fore [1])...

На основаніи этого совпаленія приходится весь разсказъ Плутарха отнести къ Эфору, который и является, такимъ образомъ, общимъ источникомъ Аристотеля, Плутарха и Поліэна.

Любопытно видѣть, какъ характеръ работы выдаетъ Эфора. Въ цитированной статьѣ Бауера можно на каждой страницѣ найти примѣры подробныхъ и занимательныхъ, но совершенно фантастическихъ разсказовъ, созданныхъ Эфоромъ на основаніи одной-двухъ фразъ Геродота или Ѳукидида. Такимъ вымысломъ является и разсказъ о хитрости Ѳемистокла, который подробно передаетъ Плутархъ и на который намекаетъ Поліэнъ. Весь анекдотъ произошелъ изъ слѣдующихъ словъ Геродота [2]) (VII, 144): Θεμιστοκλέης ἀνέγνωσε Ἀθηναίους... νέας τούτων τῶν χρημάτων ποιήσασθαι (διηκοσίας) ἐς τὸν πόλεμον, τὸν πρὸς Αἰγινήτας λέγων. οὗτος γὰρ ὁ πόλεμος συστὰς ἔσωσε τότε τὴν Ἑλλάδα, ἀναγκάσας θαλασσίους γενέσθαι Ἀθηναίους [3]).—Другимъ характернымъ признакомъ является обиліе отдѣльныхъ словъ и выраженій, заимствованныхъ у Геродота и Ѳукидида, при ничтожномъ сходствѣ по содержанію. Plut. ..τὴν διανομὴν ἐάσαντας ἐκ τῶν χρημάτων τούτων κατασκευάσασθαι τριήρεις ἐπὶ τὸν πρὸς Αἰγινήτας πόλεμον—Herod. .. τῆς διαιρέσιος ταύτης παυσαμένους νέας τούτων τῶν χρημάτων ποιήσασθαι ἐς τὸν πόλεμον, τὸν πρὸς Αἰγινήτας λέγων. Polyaen. μελλόντων. . διανέμεσθαι—

---

[1]) Вопросъ о количествѣ кораблей у Юстина превосходно разъяснилъ Enmann, l. c., p. 4. См. также Bauer, Themistocles, p. 164

[2]) Точно такъ-же Эфоръ сдѣлалъ изъ одной уловки Ѳемистокла двѣ при описаніи Саламинской битвы, притомъ тоже на основаніи нѣсколькихъ словъ Геродота. См. Bauer, Them. p. 100.

[3]) Ср Thuc. I, 14. ὀψέ τε ἀφ'οὗ Ἀθηναίους Θεμιστοκλῆς ἔπεισεν Αἰγινήταις πολεμοῦντας καὶ ἅμα τοῦ βαρβάρου προσδοκίμου ὄντος τὰς ναῦς ποιήσασθαι, αἴσπερ καὶ ἐναυμάχησαν.

Herod ἔμελλον λάξεσθαι ὀρχηδόν. Arist. περιεγένετό τῇ πόλει (τάλαντα ἑκατόν) — Herod. γενομένων ἐν τῷ κοινῷ (χρημάτων μεγάλων). Plut. μόνος εἰπεῖν ἐτόλμησε... ὡς χρὴ... ἐκ τῶν χρημάτων τούτων κατασκευάσασθαι τριήρεις— Thuc. I, 93. τῆς γὰρ δὴ θαλάσσης πρῶτος ἐτόλμησε εἰπεῖν, ὡς ἀνθεκτέα ἐστί. Plut. αἳ καὶ πρὸς Ξέρξην ἐναυμάχησαν, то-же у Аристотеля и Поліэна — Thuc I, 14. αἵσπερ καὶ ἐναυμάχησαν.

АРИСТИДЪ.

7-ая и 8-ая главы біографіи Аристида содержатъ цѣлый рядъ извѣстій, которыя въ той-же или въ иной формѣ находятся и у Аристотеля. Начну съ того извѣстія, которое представляетъ болѣе всего опорныхъ пунктовъ для сужденія о связи, существующей между показаніями обоихъ писателей, именно — съ извѣстія о возвращеніи Аристида изъ изгнанія. Показанія Аристотеля и Плутарха объ этомъ предметѣ обнаруживаютъ большое сходство. Прежде всего, оба автора согласны между собою относительно числа лѣтъ, проведенныхъ Аристидомъ въ изгнаніи: оба опредѣляютъ его въ три года. Такое-же согласіе обнаруживаютъ они и въ объясненіи причинъ, которыми было вызвано возвращеніе изгнанныхъ остракизмомъ. Τρίτῳ δ'ἔτει, говоритъ Плутархъ, Ξέρξου διὰ Θετταλίας καὶ Βοιωτίας ἐλαύνοντος ἐπὶ τὴν Ἀττικὴν, λύσαντες τὸν νόμον ἐψηφίσαντο τοῖς μεθεστῶσι κάθοδον, μάλιστα φοβούμενοι τὸν Ἀριστείδην, μὴ προσθέμενος τοῖς πολεμίοις διαφθείρῃ καὶ μεταστήσῃ πολλοὺς τῶν πολιτῶν πρὸς τὸν βάρβαρον. У Аристотеля законъ о возвращеніи изгнанниковъ мотивируется совершенно такъ-же, т. е. опасеніемъ измѣны съ ихъ стороны; это видно не только изъ словъ κατεδέξαντο πάντας τοὺς ὠστρακισμένους... διὰ τὴν Ξέρξου στρατείαν (22 § 8), но еще болѣе изъ слѣдующаго затѣмъ извѣ-

стія, котораго Плутархъ не приводитъ [1]): καὶ τὸ λοιπὸν ὥρισαν τοῖς ὀστρακιζομένοις ἐκτὸς Γεραιστοῦ καὶ Σκυλλαίου κατοικεῖν, ἢ ἀτίμους εἶναι καθάπαξ, потому что цѣль этого закона, очевидно,—держать изгнанныхъ въ извѣстномъ разстояніи отъ Аѳинъ и тѣмъ лишить ихъ возможности вступать въ какія-бы то ни было сношенія съ гражданами [2]) Такимъ образомъ, несомнѣнно, что мотивацію закона о возвращеніи изгнанниковъ Плутархъ нашелъ уже въ своемъ источникѣ. Аристотель не могъ быть этимъ источникомъ, во первыхъ потому, что причина возвращенія изгнанныхъ, ясно выраженная у Плутарха, является у Аристотеля только въ видѣ намека, который мы и можемъ понять только съ помощью извѣстія Плутарха, во-вторыхъ потому, что содержаніе закона Плутархъ въ одномъ отношеніи сообщаетъ полнѣе, нежели Аристотель. Именно, въ 11-й главѣ біографіи Ѳемистокла онъ передаетъ это содержаніе въ такихъ словахъ: τοῖς ἐπὶ χρόνῳ μεθεστῶσιν ἐξεῖναι κατελθοῦσι πράττειν καὶ λέγειν τὰ βέλτιστα τῇ Ἑλλάδι μετὰ τῶν ἄλλων πολιτῶν; что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ документальнымъ выраженіемъ, доказываетъ клятва булевтовъ у Лисія (31, § 1): ὀμόσας εἰσῆλθον εἰς τὸ βουλευτήριον τὰ βέλτιστα συμβουλεύσειν τῇ πόλει [3]). Между тѣмъ сравненіе 11-й гл. Themist. съ 8-ю Arist. показываетъ, что въ обоихъ случаяхъ Плутархъ черпалъ изъ одного и того-же источника [4]); слѣдовательно, этотъ источникъ, сообщавшій больше, чѣмъ

---

[1]) Вѣроятно по той-же причинѣ, по которой онъ Them. 4 опустилъ имя Маронеи.

[2]) или съ Переіей, если читать ἐντός вм. ἐκτός. См. Busolt. Gr. Alterth. 2 Ausg. S. 164, Anm. 4. Ср. примѣчаніе Sandys'a къ этому мѣсту, p. 91.

[3]) Ср. Andoc. de myst. 107: ἔγνωσαν τούς τε φεύγοντας καταδέξασθαι καὶ τοὺς ἀτίμους ἐπιτίμους ποιῆσαι καὶ κοινὴν τήν τε σωτηρίαν καὶ τοὺς κινδύνους ποιήσασθαι. Ср. Fulst. Ueber die Quellen Plutarch's fur das Leben des Aristides (Beilage zum Oster-Programm des konigl. Progymn. zu Duderstadt 1885), p. 8.

[4]) E. Schmidt, Eine Hauptquelle in Plutarchs Themistocles (Programmabhandlung. des konigl. Gymnas. zu Marienburg 1883), pp. 6, 11. Haebler, p. 31.

даетъ Политія, не совпадаетъ съ послѣднею. Но съ другой стороны, указанное выше сходство между извѣстіями Плутарха и Аристотеля настолько значительно, что отрицать связь между ними невозможно. Итакъ, приходится приписать это сходство пользованію общимъ источникомъ, который намъ и предстоитъ теперь опредѣлить.

Ключъ къ рѣшенію этой задачи даетъ одно замѣчательное совпаденіе между Поліэномъ и Плутархомъ. Какъ извѣстно, для исторіи Персидскихъ войнъ Поліэнъ пользовался исключительно Эфоромъ; между извѣстіями, относящимися къ этой эпохѣ, есть одно (I, 31), повторяющееся, въ нѣсколько иной формѣ, также въ Apothegm. reg. Arist. 3 и у Свиды, s. v. Ἀριστείδης, именно извѣстіе о томъ, что въ началѣ Персидской войны Аристидъ и Ѳемистоклъ заключили клятвенный уговоръ не враждовать между собою до тѣхъ поръ, пока Персы не будутъ окончательно побѣждены; и дѣйствительно, продолжаетъ Поліэнъ, διετέλεσαν παρὰ πάντα τὸν πόλεμον ὁμονοοῦντες. ἡ δὴ τῶν στρατηγῶν ὁμόνοια μάλιστα δὴ τοὺς βαρβάρους ἐνίκησεν. Послѣднія слова принадлежатъ, конечно, не Поліэну, а все еще его источнику, т. е. Эфору.

Ясные слѣды того самого взгляда, который выраженъ въ подчеркнутыхъ словахъ, мы находимъ въ 8-й главѣ Плутарховой біографіи Аристида. Здѣсь Плутархъ, осуждая Аѳинянъ за страхъ измѣны со стороны Аристида, въ доказательство благородства послѣдняго приводитъ то обстоятельство, что — Ѳεμιστοκλέους στρατηγοῦντος αὐτοκράτορος, πάντα συνέπραττε καὶ συνεβούλευεν, ἐνδοξότατον ἐπὶ σωτηρίᾳ κοινῇ ποιῶν τὸν ἔχθιστον, и затѣмъ разсказываетъ о прибытіи Аристида въ греческій лагерь подъ Саламиномъ и о встрѣчѣ его съ Ѳемистокломъ. Уже самый характеръ рѣчей, которыми обмѣниваются при этомъ случаѣ Аристидъ и Ѳемистоклъ, и сравненіе ихъ съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ Геродота (VIII, 79—80) даютъ право приписать ихъ Эфору [1]): именно подъ рукою

[1]) Cp. Albracht, De Themistoclis Plutarchei fontibus. Gotting. 1873. p. 36.

послѣдняго краткія, дѣльныя и прекрасныя по своей простотѣ рѣчи Геродота превращались въ такія цвѣтистыя, многословныя разсужденія, какія мы читаемъ въ 8-й главѣ Arist.; но еще важнѣе то, что въ этихъ рѣчахъ выражается тотъ самый взглядъ, на который я только-что обратилъ вниманіе: „Ἡμεῖς“ εἶπεν (Ἀριστείδης) „ὦ Θεμιστόκλεις, εἰ σωφρονοῦμεν, ἤδη τὴν κενὴν καὶ μειρακιώδη στάσιν ἀφέντες ἀρξώμεθα σωτηρίου καὶ καλῆς φιλονεικίας πρὸς ἀλλήλους ἁμιλλώμενοι σῶσαι τὴν Ἑλλάδα, σὺ μὲν ἄρχων καὶ στρατηγῶν, ἐγὼ δ'ὑπουργῶν καὶ συμβουλεύων (ср. выше: συνέπραττε καὶ συνεβούλευεν), к. т. λ. Πρὸς ταῦτα ὁ Θεμιστοκλῆς εἶπεν· „Οὐκ ἂν ἐβουλόμην, ὦ Ἀριστείδη, σὲ κατὰ τοῦτό μου κρείττονα γενέσθαι, πειράσομαι δὲ πρὸς καλὴν ἀρχὴν ἁμιλλώμενος ὑπερβάλλεσθαι τοῖς ἔργοις“. Въ этихъ словахъ совершенно ясно выражена мысль объ ὁμόνοια вождей, которую проводилъ Эфоръ. Такимъ образомъ, разсказъ о встрѣчѣ Аристида съ Ѳемистокломъ подъ Саламиномъ несомнѣнно взятъ у Эфора[1]); а такъ какъ это событіе неразрывно связано съ возвращеніемъ Аристида изъ изгнанія, и, съ другой стороны, извѣстія объ этихъ двухъ событіяхъ неразрывно связаны въ изложеніи 8-й главы Arist., то съ полнымъ правомъ можно приписать Эфору и первое изъ этихъ двухъ извѣстій, именно извѣстіе о возвращеніи всѣхъ, подвергшихся остракизму[2]), т. е. искомый общій источникъ Плутарха и Аристотеля есть Эфоръ.

Тому-же общему источнику надо приписать и другое совпаденіе между Аристотелемъ и Плутархомъ. Аристотель говоритъ объ Аристидѣ и Ѳемистоклѣ: ἐχρῶντο τῷ μὲν στρατηγῷ, τῷ δὲ συμβούλῳ; у Плутарха, въ только-что приве-

---

[1]) Къ тому-же результату другими путями пришли Albracht, l. c., p. 36 и Rose, De Aristidis Plutarchei fontibus. Gotting. 1871, p 36.

[2]) Къ тому-же выводу пришелъ и Rose, l. c., pp. 12—13, между тѣмъ какъ Albracht'a ложно понятое слово ἐξοστρακισμένος (Plut. Them. 12) привело къ другому результату (l. c., pp. 35 sqq.). Его доводы опровергнуты Rose, l. c, pp. 11—12.

денномъ отрывкѣ, Аристидъ призываетъ Ѳемистокла спасать Элладу—σὺ μὲν ἄρχων καὶ στρατηγῶν, ἐγὼ δ'ὑπουργῶν καὶ συμβουλεύων. Въ рѣчи, которую приводитъ Геродотъ, этихъ словъ нѣтъ. Какъ и вся рѣчь Аристида, эти слова взяты Плутархомъ изъ Эфора, откуда, слѣдовательно, ихъ почерпнулъ и Аристотель.

Отъ извѣстія о возвращеніи Аристида мы должны вернуться къ извѣстію, которое ему предшествуетъ и неразрывно связано съ нимъ,—къ извѣстію объ изгнаніи Аристида. Аристотель ограничивается простымъ констатированіемъ этого факта: ὠστρακίσθη δ'ἐν τούτοις τοῖς καιροῖς Ἀριστείδης ὁ Λυσιμάχου; Плутархъ, напротивъ, сообщаетъ и причины, которыми было вызвано изгнаніе Аристида (обвиненіе его Ѳемистокломъ въ стремленіи къ тиранніи, настроеніе демоса). Такимъ образомъ, показаніе Аристотеля не покрываетъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Плутархомъ, и слѣдовательно не могло служить послѣднему источникомъ.

Извѣстіе, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщается у Аристотеля между двумя извѣстіями, которыя, какъ я старался доказать, заимствованы имъ у Эфора: между извѣстіемъ о созданіи новаго флота и извѣстіемъ о возвращеніи изгнанныхъ остракизмомъ. Уже это обстоятельство наводитъ на мысль, что и объ изгнаніи Аристида Аристотель узналъ изъ сочиненія Эфора. Съ другой стороны, анализъ 7-й главы біографіи Аристида покажетъ, что изъ этого-же источника несомнѣнно заимствовалъ свое извѣстіе и Плутархъ.

Вотъ что говоритъ Плутархъ объ изгнаніи Аристида: συνελθόντες πανταχόθεν ἐξοστρακίζουσι τὸν Ἀριστείδην, ὄνομα τῷ φθόνῳ τῆς δόξης φόβον τυραννίδος θέμενοι; затѣмъ слѣдуетъ характеристика остракизма и нѣсколько ниже—описаніе способа, которымъ производилось изгнаніе. Сравненіе съ Діодоромъ показываетъ, что эта часть 7-й главы цѣликомъ взята у Эфора.

Plut. Arist. 7.

Μοχθηρίας γὰρ οὐκ ἦν κόλασις ὁ ἐξοστρακισμὸς, ἀλλ'ἐκαλεῖτο μὲν δι'εὐπρέπειαν ὄγκου καὶ δυνάμεως βαρυτέρας ταπείνωσις.

Diod. XI, 87.

καθόλου γὰρ οὐ πονηρίας κόλασιν ἐλάμβανον παρὰ τῶν παρανομούντων, ἀλλὰ δυνάμεως καὶ αὐξήσεως τῶν ἀνδρῶν ἐποίουν ταπείνωσιν. Ср. XI, 55 ...οὐχ ἵνα τὴν κακίαν κολάζωσιν, ἀλλ'ἵνα τὰ φρονήματα τῶν ὑπερεχόντων ταπεινότερα γένηται διὰ τὴν φυγήν.

Ibid.

Ἦν δὲ τοιοῦτον, ὡς τύπῳ φράσαι, τὸ γινόμενον. Ὄστρακον λαβὼν ἕκαστος καὶ γράψας ὃν ἐβούλετο μεταστῆσαι τῶν πολιτῶν, ἔφερεν εἰς ἕνα τόπον... ἔπειτα τῶν ὀνομάτων ἕκαστον ἰδίᾳ θέντες τὸν ὑπὸ τῶν πλείστων γεγραμμένον ἐξεκήρυττον εἰς ἔτη δέκα, καρπούμενον τὰ αὑτοῦ.

XI, 55.

ὁ δὲ νόμος ἐγένετο τοιοῦτος. ἕκαστος τῶν πολιτῶν εἰς ὄστρακον ἔγραφε τοὔνομα τοῦ δοκοῦντος μάγιστα δύνασθαι καταλῦσαι τὴν δημοκρατίαν. ᾧ δ'ἂν ὄστρακα πλείω γένηται, φεύγειν ἐκ τῆς πατρίδος ἐτέτακτο πεντaετῆ χρόνον [1]).

На основаніи этихъ наблюденій можно, какъ мнѣ кажется, безъ всякой натяжки признать Эфора общимъ источникомъ извѣстій объ изгнаніи Аристида у Аристотеля и Плутарха. Этотъ выводъ, однако, противорѣчитъ мнѣнію, которое не разъ высказывалось въ литературѣ [2]), но съ наибольшею

---

[1]) Цифровыя неточности составляютъ, какъ извѣстно, обычное явленіе у Діодора. Возможно также, что у Эфора было сказано, какъ у Филохора, frgm. 79 в.: ἔτη δέκα—ὕστερον δ'ἐγένοντο πέντε.

[2]) См. ссылки у Fulst'a, p. 20.

ясностью было формулировано Holzapfel'емъ на стр. 43, 83 и 92-ой его изслѣдованія о позднѣйшей греческой исторіографіи. Взглядъ его сводится къ тому, что Эфоръ вовсе не упоминалъ объ изгнаніи Аристида, а источникомъ свѣдѣній объ этомъ событіи для Непота и Плутарха былъ Θеопомпъ. Оставимъ пока въ сторонѣ первую часть этого утвержденія, и разсмотримъ доводы, которые авторъ приводитъ въ пользу второй. На первомъ-же шагу мы встрѣчаемъ слѣдующій силлогизмъ: такъ какъ Эфоръ не говорилъ объ изгнаніи Аристида, то источникомъ соотвѣтствующихъ извѣстій Плутарха и Непота необходимо признать Θеопомпа. Читатель, конечно, интересуется узнать основанія такого вывода; оказывается, что иного вывода и невозможно сдѣлать по той простой и оригинальной причинѣ, что извѣстіе Непота совершенно сходно съ извѣстіемъ Плутарха и наоборотъ.

Я не хотѣлъ-бы, чтобы меня заподозрили въ намѣренномъ искаженіи текста—вотъ оригиналъ. На стр. 83—84 читаемъ: Es ergiebt sich hieraus, dass Nepos für die Verbannung des Aristides den Ephoros nicht benutzt haben kann, der.. dieses Ereigniss wohl überhaupt nicht erwahnte. *Es bleibt also nichts übrig*, als hier (т. е. Nep. Arist. I, 2—4) *ebenso wie für den übereinstimmenden Bericht Plutarchs* im 7 Capitel des Aristides den Theopomp als Quelle anzunehmen; обращаемся ко 2-му № 10-ой главы, гдѣ авторъ изслѣдуетъ источники Плутарховой біографіи Аристида, и на 92 стр. читаемъ: Zunachst ist hier der Bericht über den Ostrakismos des Aristides (cap. 7) *ebenso wie die übereinstimmende Erzählung bei Nepos*, Arist. I, 2—4 dem Theopomp zuzuweisen, и въ подтвержденіе сдѣлана ссылка на первое изъ приведенныхъ мною мѣстъ.

Опровергать эти доводы, кажется, излишне—они сами говорятъ за себя. Насколько „übereinstimmend" разсказы Непота и Плутарха, можно видѣть изъ того, что по Непоту Аристидъ, увидѣвъ *quendam scribentem* (на черепкѣ), спросилъ его, и пр., тогда какъ Плутархъ разсказываетъ, τινὰ τῶν ἀγραμμάτων καὶ παντελῶς ἀγροίκων ἀναδόντα τῷ Ἀριστείδῃ τὸ

ὄστρακον ὡς ἐνὶ τῶν τυχόντων παρακαλεῖν, ὅπως Ἀριστείδην ἐγγράψειε.

Въ доказательство того, что извѣстіе объ изгнаніи Аристида Плутархъ заимствовалъ не у Эфора и что послѣдній вовсе и не упоминалъ объ этомъ событіи, Holzapfel приводитъ два аргумента. Во первыхъ, онъ указываетъ на то, что Діодоръ подробно описываетъ остракизмъ при извѣстіи объ изгнаніи Ѳемистокла, изъ чего, по его мнѣнію, слѣдуетъ, что и Эфоръ именно въ этомъ мѣстѣ впервые упоминалъ объ остракизмѣ— „denn bei der Unselbstständigkeit, mit welcher Diodor arbeitete", говоритъ Holzapfel, p. 43, „ist kaum anzunehmen, dass dieser selbst hier zu dem Berichte seiner Quelle einen Zusatz gemacht hatte". Этотъ выводъ—совершенно голословный и можетъ быть опровергнутъ многими мѣстами Діодора. Извѣстно, напримѣръ, что разсказъ о причинахъ Пелопоннесской войны онъ составилъ по различнымъ книгамъ Эфора [1]). Такъ-же слабъ и второй доводъ Holzapfel'я, направленный уже прямо противъ предположенія объ Эфорѣ, какъ источникѣ 7-ой гл. біогр. Аристида. Въ концѣ этой главы Плутархъ передаетъ извѣстный анекдотъ о безграмотномъ Аѳинянинѣ, на черепкѣ котораго самъ Аристидъ написалъ свое имя; этотъ гражданинъ, на вопросъ Аристида, не сдѣлалъ ли ему Аристидъ чего дурного, отвѣтилъ: „Οὐδέν, οὐδὲ γινώσκω τὸν ἄνθρωπον, ἀλλ'ἐνοχλοῦμαι πανταχοῦ τὸν Δίκαιον ἀκούων"; между тѣмъ по Діодору, т. е. по Эфору, имя Справедливаго было дано Аристиду гораздо позже, послѣ раскладки податей между союзниками (XI, 47).— Изъ того, что извѣстіе объ изгнаніи Аристида и сейчасъ приведенный анекдотъ помѣщены въ одной и той-же главѣ Плутарха, отнюдь не слѣдуетъ, что они заимствованы изъ одного и того-же источника; утверждать это, значитъ закрывать глаза передъ наиболѣе прочными выводами, къ которымъ пришла критика Плутарха. Анекдотъ могъ быть взятъ изъ какого-ни-

[1]) См. Rühl „Ueber die Quellen des Plutarch. Perikles", N. Jahrb. für Philol. 97 (1868), pp. 669, 671.

будь иного, неизвѣстнаго намъ источника, что̀, судя по тексту, весьма вѣроятно (γραφομένων οὖν τότε τῶν ὀστράκων λέγεταί τινα, к. т. λ.).

Такимъ образомъ, доводы, которые могутъ быть выставлены противъ нашего предположенія, не имѣютъ почвы подъ собою, и ничто не мѣшаетъ намъ признать Эфора источникомъ извѣстій Аристотеля и Плутарха объ изгнаніи Аристида.

Этотъ результатъ подтверждается еще слѣдующимъ соображеніемъ. Одной изъ причинъ изгнанія Аристида Плутархъ выставляетъ настроеніе демоса, возгордившагося вслѣдствіе Марѳонской побѣды: ἤδη δέ που καὶ ὁ δῆμος ἐπὶ τῇ νίκῃ μέγα φρονῶν καὶ τῶν μεγίστων ἀξιῶν αὑτὸν ἤχθετο τοῖς ὄνομα καὶ δόξαν ὑπὲρ τοὺς πολλοὺς ἔχουσι [1]). Аристотель въ 22-ой главѣ говоритъ, что Аѳиняне начали пользоваться закономъ объ остракизмѣ—διαλιπόντες ἔτη δύο μετὰ τὴν νίκην, θαῤῥοῦντος ἤδη τοῦ δήμου. Изъ послѣднихъ четырехъ словъ Аристотеля невозможно было вывести то, что содержитъ цитированное мѣсто Плутарха. Очевидно, что оба писателя имѣли передъ глазами одинъ и тотъ-же источникъ. На мысль объ Эфорѣ наводитъ уже то соображеніе, что слова Плутарха вполнѣ согласуются съ приведеннымъ выше взглядомъ Эфора на остракизмъ; кромѣ того, подобныя наблюденія надъ усиленіемъ демоса вслѣдствіе внѣшнихъ успѣховъ совершенно въ духѣ Эфора. Въ Сиракузахъ народъ захватываетъ власть тоже послѣ побѣдъ—надъ Аѳинянами (Diod. XIII, 34).

Перехожу къ извѣстіямъ объ основаніи Делосскаго союза. Сопоставивъ соотвѣтствующія мѣста изъ разсказовъ Аристотеля и Плутарха, мы замѣтимъ, что они весьма близко подходятъ другъ къ другу.

'Α. π. 23 § 4—24 § 1.	Plut. Arist. 23—25.
....ἐπὶ δὲ τὴν ἀπόστασιν τὴν τῶν Ἰώνων ἀπὸ τῆς τῶν Λα-	Ἐπεὶ δὲ στρατηγὸς ἐκπεμφθεὶς.... ἐπὶ τὸν πόλεμον (sc.

[1]) Ср. Plut. Pericl. 17.... ἐπαίρων ὁ Περικλῆς τὸν δῆμον ἔτι μᾶλλον μέγα φρονεῖν καὶ μεγάλων αὑτὸν ἀξιοῦν πραγμάτων.

κεδαιμονίων συμμαχίας Ἀριστείδης ἦν ὁ προτρέψας, τηρήσας τοὺς Λάκωνας διαβεβλημένους διὰ Παυσανίαν.

Aristides) ἑώρα τόν τε Παυσανίαν καὶ τοὺς ἄλλους ἄρχοντας τῶν Σπαρτιατῶν ἐπαχθεῖς καὶ χαλεποὺς τοῖς συμμάχοις ὄντας.... ἔλαθε τῶν Λακεδαιμονίων.... τὴν ἡγεμονίαν παρελόμενος.

διὸ καὶ τοὺς φόρους οὗτος ἦν ὁ τάξας ταῖς πόλεσιν τοὺς πρώτους.

c. 24.

καὶ τοὺς ὅρκους ὤμοσε τοῖς Ἴωσι, ὥστε τὸν αὐτὸν ἐχθρὸν εἶναι καὶ φίλον, ἐφ'οἷς καὶ τοὺς μύδρους ἐν τῷ πελάγει καθεῖσαν.

Ὁ δ' Ἀριστείδης ὥρκισε μὲν τοὺς Ἕλληνας καὶ ὤμοσεν ὑπὲρ τῶν Ἀθηναίων, μύδρους ἐμβαλὼν ἐπὶ ταῖς ἀραῖς εἰς τὴν θάλατταν.

μετὰ δὲ ταῦτα θαῤῥούσης ἤδη τῆς πόλεως καὶ χρημάτων πολλῶν ἠθροισμένων, συνεβούλευεν ἀντιλαμβάνεσθαι τῆς ἡγεμονίας καὶ καταβάντας ἐκ τῶν ἀγρῶν οἰκεῖν ἐν τῷ ἄστει. τροφὴν γὰρ ἔσεσθαι πᾶσι, κτέ.

ὕστερον δὲ τῶν πραγμάτων ἄρχειν ἐγκρατέστερον, ὡς ἔοικεν, ἐκβιαζομένων ἐκέλευε τοὺς Ἀθηναίους τὴν ἐπιορκίαν τρέψαντας εἰς αὐτὸν ᾗ συμφέρει χρῆσθαι τοῖς πράγμασι.

Сходство между этими извѣстіями слишкомъ велико, чтобы его можно было признать случайнымъ; оно несомнѣнно свидѣтельствуетъ о существованіи нѣкоторой связи между разсказами, и намъ предстоитъ опредѣлить характеръ этой связи. Аристотель не могъ быть источникомъ для Плутарха, потому что разсказъ послѣдняго гораздо полнѣе, чѣмъ тѣ немногія фразы, въ которыхъ Аристотель сообщаетъ о перемѣнѣ гегемоніи. Такъ напримѣръ, Плутархъ согласно съ Аристотелемъ считаетъ причинами перехода гегемоніи высокомѣріе Павсанія съ одной стороны, обходительность и ловкость Ари-

стида съ другой [1]); но то, что у Аристотеля выражено въ словахъ: Ἀριστείδης ἦν ὁ προτρέψας, τηρήσας τοὺς Λάκωνας διαβεβλημένους διὰ Παυσανίαν, съ фактической подробностью разсказывается у Плутарха на протяженіи цѣлой страницы (сар. 23). Далѣе, Плутархъ и Аристотель одинаково приписываютъ первую раскладку податей между союзниками Аристиду, но Аристотель ограничивается простымъ сообщеніемъ факта (διὸ καὶ τοὺς φόρους οὗτος ἦν ὁ τάξας ταῖς πόλεσιν τοὺς πρώτους), тогда какъ Плутархъ и здѣсь даетъ много лишняго: Οἱ δ' Ἕλληνες ἐτέλουν μέν τινα καὶ Λακεδαιμονίων ἡγουμένων ἀποφορὰν εἰς τὸν πόλεμον, ταχθῆναι δὲ βουλόμενοι κατὰ πόλιν ἑκάστοις τὸ μέτριον ᾐτήσαντο παρὰ τῶν Ἀθηναίων Ἀριστείδην καὶ προσέταξαν αὐτῷ χώραν τε καὶ προσόδους ἐπισκεψάμενον �ρίσαι τὸ κατ'ἀξίαν ἑκάστῳ καὶ δύναμιν. Ὁ δὲ.... προσφιλῶς πᾶσι καὶ ἁρμοδίως τὴν ἐπιγραφὴν τῶν χρημάτων (ἐποίησεν). Наконецъ, разсказъ Плутарха о позднѣйшемъ отношеніи Аристида къ союзникамъ, гораздо болѣе краткій, чѣмъ соотвѣтствующее извѣстіе Аристотеля, тѣмъ не менѣе не зависитъ отъ послѣдняго: изъ словъ Аристотеля нельзя было вывести ни τῶν πραγμάτων ἄρχειν ἐγκρατέστερον ἐκβιαζομένων, ни τὴν ἐπιορκίαν τρέψαντας εἰς αὐτόν. Приходится, такимъ образомъ, признать, что извѣстія Аристотеля и Плутарха объ основаніи Делосскаго союза, будучи независимы другъ отъ друга, восходятъ къ одному общему источнику. И на этотъ разъ Діодоръ даетъ намъ возможность опредѣлить этотъ источникъ: его разсказъ о томъ-же событіи обнаруживаетъ замѣчательное сходство съ показаніями Аристотеля и Плутарха. Причины перехода союзниковъ отъ Спарты къ Аѳинамъ (высокомѣріе Павсанія, ловкость Аристида) переданы у Плутарха (Arist. 23 и Cim. 6—изъ того-же источника), Аристотеля (Ἀ. π. 23) и Діодора (XI. 44 §§ 5, 6 и 46 §§ 4, 5) одинаково; Аристидъ и у Діодора является расклад-

[1]) Первую причину можно найти у Геродота и Ѳукидида, но объ участіи Аристида въ этомъ переворотѣ не упоминаетъ ни тотъ, ни другой.

чикомъ первыхъ податей, какъ у Аристотеля и Плутарха; Діодоръ и Плутархъ одинаково осыпаютъ похвалами Аристида по поводу справедливой разверстки налоговъ; наконецъ, между Плутархомъ и Діодоромъ оказывается не мало буквальныхъ совпаденій.

Plut. Cim. 6. (Κίμων) πρῶτον μὲν ἐν ταῖς στρατείαις ἀεὶ παρεῖχε τοὺς πολίτας κόσμῳ τε θαυμαστοὺς καὶ προθυμίᾳ πολὺ πάντων διαφέροντας—Diod. XII. 3. Κίμων ἀναλαβὼν τὸν στόλον κεκοσμημένον ἀνδρῶν τε ἀρεταῖς καὶ χορηγίαις δαψιλέσιν....

Plut. ibid. (τοὺς συμμάχους) φιλανθρώπως ἐξομιλῶν (и ниже: προσφερομένον)—Diod. ibid. τοῖς κρατηθεῖσι φιλανθρώπως προσηνέχθη.

Plut. ibid. Παυσανίου.... τοῖς συμμάχοις τραχέως καὶ αὐθαδῶς προσφερομένου — Diod. XI. 44. Παυσανίου.... τυραννικῶς προσφερομένου τοῖς ὑποτεταγμένοις.

Plut. ibid. οὐ δι'ὅπλων τὴν τῆς Ἑλλάδος ἡγεμονίαν, ἀλλὰ λόγῳ καὶ ἤθει παρελόμενος—Diod. XI. 46. χωρὶς κινδύνου παραλαβεῖν τὴν κατὰ θάλατταν ἀρχήν.

Plut. Arist. 24. προσόδους.... τὸ κατ'ἀξίαν ἑκάστῳ καὶ δύναμιν—Diod XI. 47. φόρον ταῖς πόλεσι πάσαις κατὰ δύναμιν.

Если у Діодора не упоминается о позднѣйшей перемѣнѣ въ характерѣ союза, то разсказъ К. Непота даетъ возможность доказать, что это извѣстіе опущено самимъ Діодоромъ, у Эфора-же было приведено. Дѣйствительно, извѣстіе Непота несомнѣнно заимствовано изъ Эфора.

Nep. Arist. II. 3—III. 1.	Diod.
Tum autem *et intemperantia Pausaniae* et *justitia factum est Aristidis*, ut omnes fere civitates Graeciae ad Atheniensium societatem se applicarent et adversus barbaros hos duces deligerunt sibi.	XI. 44 §§ 5, 6. 46 §§ 4, 5. 47 § 3.

Quos quo facilius repellerent, si forte bellum renovare conarentur, ad classis aedificandas exercitusque comparandos quantum pecuniae quaeque civitas daret, *Aristides delectus est, qui constitueret, ejusque arbitrio quadringena et sexagena talenta quotannis Delum sunt collata*; id enim *commune aerarium* esse voluerunt. Quae omnis pecunia postero tempore Athenas translata est.

XI. 47 § 1. εὐθὺς οὖν ὁ μὲν Ἀριστείδης συνεβούλευε τοῖς συμμάχοις ἅπασι κοινὴν ἄγουσι σύνοδον ἀποδεῖξαι τὴν Δῆλον κοινὸν ταμιεῖον, καὶ τὰ χρήματα πάντα τὰ συναγόμενα εἰς ταύτην κατατίθεσθαι, πρὸς δὲ τὸν ἀπὸ τῶν Περσῶν ὑποπτευόμενον πόλεμον τάξαι φόρον ταῖς πόλεσι πάσαις κατὰ δύναμιν, ὥστε γίνεσθαι τὸ πᾶν ἄθροισμα ταλάντων πεντακοσίων [1]) καὶ ἑξήκοντα. ταχθεὶς δὲ ἐπὶ τὴν διάταξιν τῶν φόρων [2])...

Фраза: quae omnis pecunia postero tempore Athenos translata est и доказываетъ, что Эфоръ, послѣ извѣстія объ основаніи Делосскаго союза, изложилъ—можетъ быть, лишь вкратцѣ—его дальнѣйшую исторію.

Изложенные доводы даютъ, какъ мнѣ кажется, право признать Эфора источникомъ конца 23-ей и начала 24-ой главы Политіи, и 23—25 главъ Плутарховой біографіи Аристида. Намъ остается еще разсмотрѣть единственное крупное возраженіе, которое можетъ быть выставлено противъ этого взгля-

---

[1]) τετρ / πεντ } ακοσίων есть, конечно, описка Діодора или переписчика; Эфоръ несомнѣнно написалъ 460—эту цифру онъ нашелъ у Θукидида.

[2]) Ср. также

Nepot. ibid.

Hic qua fuerit abstinentia, nullum est certius indicium, quam, *cum tantis rebus praefuisset*, in tanta paupertate decessit, ut, *qui efferetur, vix reliquerit.*

Plut. Arist.

c. 24. Ὁ δὲ τηλικαύτης ἐξουσίας κύριος γενόμενος... πένης μὲν ἐξῆλθεν, ἐπανῆλθε δὲ πενέστερος. c. 27. τάφον φασὶ κατασκευάσαι τὴν πόλιν αὐτῷ μηδ' ἐντάφια καταλιπόντι.

да [1]). По словамъ Θукидида, Лакедемоняне, отозвавъ Павсанія, прислали на его мѣсто Доркиса и другихъ вождей, и только тогда, когда послѣдніе не встрѣтили повиновенія, отказались отъ намѣренія отстоять свою гегемонію. Несомнѣнно, что и Эфоръ говорилъ о посылкѣ вождей послѣ Павсанія; разсказъ Діодора въ этомъ мѣстѣ (XI. 45) въ высшей степени скомканъ и безтолковъ, но все-таки изъ него видно, что, по разсказу Эфора, Лакедемоняне не тотчасъ примирились съ потерею гегемоніи. Діодоръ сообщаетъ, что этотъ вопросъ обсуждался и въ герусіи, и въ народномъ собраніи, и молодежь требовала объявленія войны Аѳинянамъ, но одному изъ геронтовъ, Гетоймариду, удалось подѣйствовать на возбужденные умы, и дѣло рѣшено было оставить [2]). Обо всемъ этомъ Плутархъ умалчиваетъ; по его словамъ, Лакедемоняне ἀφῆκαν ἑκουσίως τὴν ἡγεμονίαν. Въ этомъ Holzinger видитъ „произвольное искаженіе фактовъ“ ради вящей похвалы Лакедемонянамъ, и на основаніи этого соображенія считаетъ источникомъ всего Плутархова разсказа (Arist. cc. 23—25) поклонника Спарты—Ѳеопомпа. Но если ближе присмотрѣться къ текстамъ, дѣло объяснится очень просто: Плутархъ только не счелъ нужнымъ упоминать о присылкѣ Доркиса, фактѣ, дѣйствительно, весьма ничтожномъ,—и прямо заявилъ: πέμποντες ἐπὶ τὸν πόλεμον ἐπαύσαντο στρατηγούς. Замѣчу, что эти слова вполнѣ оправдываютъ мысль о пользованіи Эфоромъ: на протяженіи разбираемыхъ главъ Плутархъ нигдѣ не пользовался Θукидидомъ, между тѣмъ только-что приведенныя слова напоминаютъ то, что говоритъ Θукидидъ послѣ извѣстія о Доркисѣ: I, 95. καὶ ἄλλους οὐκέτι ὕστερον ἐξέπεμψαν οἱ Λακεδαιμόνιοι; извѣстно, что Эфоръ любилъ, даже видоизмѣняя содер-

---

[1]) См. Holzinger, p. 93. Rose, p. 42.

[2]) На всѣ эти обстоятельства Аристотель намекаетъ словами: συνέβη αὐτοῖς.... τὴν τῆς θαλάσσης ἡγεμονίαν λαβεῖν, ἀκόντων τῶν Λακεδαιμονίων (23 § 2).

жаніе, заимствовать у Геродота и Θукидида отдѣльныя слова и выраженія [1]).

Діодоръ не приводитъ рѣчи Гетоймарида, но повидимому она была помѣщена у Эфора [2]); Діодоръ резюмируетъ ее въ словахъ (XI. 50): ἐπεχείρησε συμβουλεύειν ἐᾶν τοὺς Ἀθηναίους ἐπὶ τῆς ἡγεμονίας. μὴ συμφέρειν γὰρ τῇ Σπάρτῃ τῆς θαλάττης ἀμφισβητεῖν. Онъ навѣрное сказалъ и причину—почему μὴ συμφέρει, и причина эта была вѣроятно та самая, которую Плутархъ post factum обращаетъ въ похвалу Спартанцамъ: ὡς γὰρ ἥσθοντο τῷ μεγέθει τῆς ἐξουσίας διαφθειρομένους αὐτῶν τοὺς ἄρχοντας, ἀφῆκαν ἑκουσίως τὴν ἡγεμονίαν.... μᾶλλον αἱρούμενοι σωφρονοῦντας ἔχειν καὶ τοῖς ἔθεσιν ἐμμένοντας τοὺς πολίτας ἢ τῆς Ἑλλάδος ἄρχειν ἁπάσης. Это разсужденіе такъ естественно сливается съ Діодоровымъ μὴ συμφέρειν τῇ Σπάρτῃ τῆς θαλάττης ἀμφισβητεῖν, что я склоненъ признать его за отрывокъ изъ рѣчи Гетоймарида, тѣмъ болѣе, что все разсужденіе несомнѣнно развито изъ фразы Θукидида I. 95: φοβούμενοι μὴ σφίσιν οἱ ἐξιόντες χείρους γίγνωνται, ὅπερ καὶ ἐν τῷ Παυσανίᾳ ἐνεῖδον; и всю рѣчь Гетоймарида, повидимому, собственноручно сочинилъ Эфоръ, положивъ въ ея основаніе эту фразу Θукидида,—одинъ изъ его обычныхъ пріемовъ.

КИМОНЪ.

Разсказъ о щедрости Кимона, находящійся въ 27-ой главѣ Политіи, есть одно изъ тѣхъ мѣстъ, которыя имѣютъ рѣшающее значеніе для опредѣленія источниковъ новооткрытаго трактата. Этотъ разсказъ, вмѣстѣ съ характеристикой Клеона

---

[1]) См. напр. Endemann, Beiträge zur Kritik des Ephorus. Marburg 1881. p. 9.

[2]) „Die Rede des Hetoimaridas, die gewiss bei Ephoros langer ausgesponnen war“.... Bus. Gr. Gesch. II. 347.

въ 28-ой главѣ, далъ поводъ изслѣдователямъ признать Θеопомпа однимъ изъ источниковъ Политіи [1]). Провѣрить этотъ взглядъ оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что вопросъ о времени выхода въ свѣтъ главнаго сочиненія Θеопомпа—Φιλιππικά—какъ извѣстно, до сихъ поръ остается открытымъ, и есть даже вѣскія основанія думать, что оно было написано годомъ или двумя позже, чѣмъ Политія [2]).

Кромѣ извѣстія Политіи, мы имѣемъ еще три разсказа о щедрости Кимона—у Непота (Cim. 4), Плутарха (Cim. 10 и Pericl. 9—изъ того-же источника) и, наконецъ, у Атенея (12, p. 533 A), который приводитъ подлинную цитату изъ Θеопомпа (frgm. 94). Извѣстіе Непота не имѣетъ для насъ значенія, потому что оно несомнѣнно заимствовано у Θеопомпа [3]). Вопросъ объ источникѣ Плутарха долгое время былъ предметомъ оживленнаго спора между учеными и, какъ мнѣ кажется, прошелъ слѣдующія три стадіи: болѣе ранніе изслѣдователи — Синтенисъ, Эккеръ [4]), Заупе (p. 17) и Рюль (Cim. 11. Pericl. 659) считали источникомъ 10-ой главы біографіи Кимона — Θеопомпа; того-же взгляда держится и Онкенъ [5]) съ тою однако разницей, что онъ идетъ дальше и, отыскивая источникъ Θеопомпа, приходитъ къ мысли объ Іонѣ Хіосскомъ, какъ о первоисточникѣ извѣстій относительно щедрости Кимона; наконецъ, Holzapfel (pp. 103, 133) дѣлаетъ послѣдній шагъ и признаетъ Іона общимъ источникомъ Θеопомпа и Плутарха. Руммлеръ (p. 11) и А. Шмидтъ, которые замѣняютъ Іона Стесимбротомъ, не нашли и едва-ли когда-нибудь найдутъ послѣдователей; за Шмидтомъ, впрочемъ,

---

[1]) Напр. Ренакъ, въ предисловіи къ переводу Политіи; Sandys, p. LV.

[2]) См. Sandys, ibid.

[3]) Ruhl, Die Quellen Plutarch's im Leben des Kimon. Marburg 1867, p. 13. Holzapfel, l. c., pp. 84, 103.

[4]) См. Rummler, De fontibus et auctoritate Plutarchi in vita Cimonis, въ Jahresbericht des Gymnasiums zu Liegnitz 1867, p. 11. Этихъ изданій у меня не было подъ рукою.

[5]) Die Staatslehre des Aristoteles. Leipzig 1870—75. II, p. 512 sqq.

остается та заслуга, что онъ первый указалъ на тѣ черты въ извѣстіи Плутарха, которыя не позволяютъ считать Ѳеопомпа его источникомъ.

Взглядъ Holzapfel'я можетъ считаться окончательнымъ рѣшеніемъ этого важнаго и запутаннаго вопроса. Онъ вывелъ естественное заключеніе изъ двухъ несомнѣнныхъ посылокъ, какими были выводы Онкена и Шмидта. Дѣйствительно, если Плутархъ заимствовалъ извѣстіе о щедрости Кимона не у Ѳеопомпа (какъ доказалъ Шмидтъ), и если, съ другой стороны, первоисточникомъ этого извѣстія былъ Іонъ (какъ доказалъ Онкенъ), то не естественно-ли было предположить, что Плутархъ въ данномъ случаѣ черпалъ прямо изъ сочиненія Іона, которое не разъ служило ему источникомъ въ біографіяхъ Кимона и Перикла?—Я не буду приводить ни краснорѣчиваго разсужденія Онкена, ни основательныхъ аргументацій Шмидта и Holzapfel'я, а прямо перейду къ извѣстію Политіи, основываясь на выводахъ этихъ трехъ изслѣдователей.

Извѣстіе Политіи, гораздо болѣе краткое, чѣмъ разсказъ Ѳеопомпа, въ главныхъ чертахъ совершенно совпадаетъ съ нимъ. Двѣ лишнія подробности, которыя оно заключаетъ (Κίμων.... τυραννικὴν ἔχων οὐσίαν и τὰς κοινὰς λητουργίας ἐλητούργει λαμπρῶς) не могутъ быть приняты во вниманіе, потому что онѣ могли находиться у Ѳеопомпа выше того мѣста, съ котораго начинаетъ свою цитату Атеней. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія отрицать въ настоящемъ случаѣ пользованіе Ѳеопомпомъ. Но такъ какъ послѣдній самъ заимствовалъ свое извѣстіе изъ болѣе ранняго источника, которымъ могли пользоваться и другіе авторы, предшествовавшіе Аристотелю, то ничто не обязываетъ насъ считать именно Ѳеопомпа источникомъ Аристотеля; напротивъ, легко могло случиться, что и какой-нибудь другой писатель заимствовалъ у Іона то-же самое извѣстіе и послужилъ источникомъ для Аристотеля. На одного такого писателя я и хочу теперь ука-

зать, напередъ оговариваясь, что не придаю своей гипотезѣ обязательнаго значенія [1]).

Мы такъ часто встрѣчали въ Политіи слѣды Эфора, что у насъ естественно возникаетъ вопросъ: не черезъ Эфора-ли дошло до Аристотеля и извѣстіе Іона, какъ столь много другихъ извѣстій? Если-бы удалось доказать, что Эфоръ пользовался сочиненіемъ Іона и, съ другой стороны, что въ разбираемой главѣ Политіи нѣтъ никакихъ извѣстій, которыя противорѣчили-бы духу Эфора, его фрагментамъ или показаніямъ Діодора, то наша гипотеза пріобрѣла-бы значительную долю вѣроятности, потому что безъ всякой натяжки можно предположить, что Эфоръ говорилъ о богатствѣ и щедрости Кимона. Спрашивается, можно-ли доказать у Эфора слѣды Іона?

За доказательствами намъ не придется далеко ходить. Предшествующая (9-ая) глава Плутарховой біографіи Кимона содержитъ подробный разсказъ Іона (= frgm. 4) о томъ, какъ Кимонъ дѣлилъ добычу послѣ побѣды надъ Персами; тотъ-же разсказъ, только нѣсколько сокращенный, мы находимъ у Поліэна (I. 34 § 2), который въ этомъ мѣстѣ несомнѣнно пользовался Эфоромъ [2]), какъ пользовался имъ для всѣхъ разсказовъ, касавшихся Греко-Персидскихъ войнъ. Простое сопоставленіе текстовъ покажетъ, что оба извѣстія восходятъ къ одному источнику.

Polyaen. I. 34 § 2. = Ion. frg. 4.	Plut. Cim. 9.
Κίμων ἀπὸ Σηστοῦ καὶ Βυζαντίου αἰχμάλωτα πολλὰ βαρβαρικὰ εἷλε καὶ τῶν συμμάχων δεηθέντων διανομὴς ἐγένετο. μοῖραν μίαν ἔταξε γυμνὰ τὰ	Ἐπεὶ ἐκ Σηστοῦ καὶ Βυζαντίου πολλοὺς τῶν βαρβάρων αἰχμαλώτους λαβόντες οἱ σύμμαχοι τῷ Κίμωνι διανεῖμαι προσέταξαν, ὁ δὲ χωρὶς μὲν αὐτούς,

[1]) Мысль, что Аристотель прямо пользовался Іономъ, представляется мнѣ слишкомъ мало вѣроятной; по крайней мѣрѣ, сравненіе Ἀ. π. съ фрагментами Іона не подтверждаетъ ее.

[2]) См. Melber, l. c., p. 438.

σώματα, μοῖραν ἑτέραν ἀναξυρίδας, κάνδυς, στρεπτὰ καὶ ὅσα τοιάδε. οἱ σύμμαχοι αἱροῦνται τὸν κόσμον. Ἀθηναῖοι γυμνὰ τὰ σώματα. γέλων ὀφλισκάνει Κίμων ὡς τὴν μείζω μοῖραν προέμενος τοῖς συμμάχοις. οὐκ ἐς μακρὰν τῶν αἰχμαλώτων οἱ συγγενεῖς ἀπὸ Λυδίας καὶ Φρυγίας καταβάντες μεγάλα λύτρα ὑπὲρ τῶν οἰκείων κατέβαλον. τότε ἡ σοφία Κίμωνος ἐθαυμάζετο. Ἀθηναῖοι δὲ πολλῷ πλείω χρήματα λαβόντες μάλα δὴ τῶν συμμάχων κατεκερτόμησαν.

χωρὶς δὲ τὸν περὶ τοῖς σώμασι κόσμον αὐτῶν ἔθηκεν, ἠτιῶντο τὴν διανομὴν ὡς ἄνισον. Ὁ δὲ τῶν μερίδων ἐκέλευσεν αὐτοὺς ἑλέσθαι τὴν ἑτέραν, ἣν δ' ἂν ἐκεῖνοι καταλίπωσιν, ἀγαπήσειν Ἀθηναίους... τὸν μὲν κόσμον αὐτοὶ ἔλαβον, Ἀθηναίοις δὲ τοὺς αἰχμαλώτους ἀπέλιπον. Καὶ τότε μὲν ὁ Κίμων ἀπῄει γελοῖος εἶναι δοκῶν διανομεύς, τῶν μὲν συμμάχων ψέλια χρυσᾶ καὶ μανιάκας καὶ στρεπτοὺς καὶ κάνδυας καὶ πορφύραν φερομένων, τῶν δ' Ἀθηναίων γυμνὰ σώματα κακῶς ἠσκημένα πρὸς ἐργασίαν παραλαβόντων.

Μικρὸν δὲ ὕστερον οἱ τῶν ἁλωκότων φίλοι καὶ οἰκεῖοι καταβαίνοντες ἐκ Φρυγίας καὶ Λυδίας ἐλυτροῦντο μεγάλων χρημάτων ἕκαστον, ὥστε τῷ Κίμωνι τεσσάρων μηνῶν τροφὰς εἰς τὰς ναῦς ὑπάρξαι καὶ προσέτι τῇ πόλει χρυσίον οὐκ ὀλίγον ἐκ τῶν λύτρων περιγενέσθαι.

Итакъ, Эфоръ несомнѣнно пользовался сочиненіемъ Іона; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ заимствовалъ у него и разсказъ о щедрости Кимона. Что Діодоръ не говоритъ объ этомъ предметѣ, не должно насъ удивлять: извѣстно, что онъ вообще обращалъ очень мало вниманія на внутреннюю исторію Аѳинъ. Съ другой стороны, перечитывая 3-ій и 4-ый параграфы 27-ой главы Политіи, мы не встрѣтимъ въ нихъ ни одного слова, которое не могло-бы быть заимствовано изъ Эфора. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что совѣтъ, который

даетъ Периклу Дамонидъ (ἐπεὶ τοῖς ἰδίοις ἠττᾶτο, διδόναι τοῖς πολλοῖς τὰ αὑτῶν),—скорѣе въ духѣ Іона, Стесимброта или Θеопомпа, чѣмъ въ духѣ Эфора; я напомню только совѣтъ Алкивіада тому-же Периклу (Eph. frgm. 119. σκοπεῖν μὴ πῶς ἀποδῷ τὸν λόγον, ἀλλὰ πῶς μὴ ἀποδῷ), совѣтъ, который—не сошлись Діодоръ на Эфора—каждый изслѣдователь счелъ-бы долгомъ приписать Іону или Θеопомпу. Замѣчу еще, что слѣдующій, 5-ый § той-же главы Политіи, какъ ниже будетъ доказано, цѣликомъ взятъ у Эфора.

Наша гипотеза имѣетъ то преимущество, что даетъ возможность удовлетворительно объяснить разногласіе между Аристотелемъ и Плутархомъ. Плутархъ и Θеопомпъ, слѣдуя Іону, сообщаютъ, что у Кимона могъ ежедневно обѣдать *каждый* Аѳинянинъ; Аристотель говоритъ только о демотахъ Кимона, Лакіадахъ, и говоритъ это безъ всякой полемики, какъ если-бы вовсе не зналъ второй версіи; дѣйствительно, что̀ можетъ быть проще этихъ словъ: ἐξῆν γὰρ τῷ βουλομένῳ Λακιαδῶν, καθ'ἑκάστην τὴν ἡμέραν ἐλθόντι παρ'αὐτὸν ἔχειν τὰ μέτρια? Я думаю, что справку насчетъ Лакіадовъ навелъ уже Эфоръ, который и опровергнулъ извѣстіе Іона, Аристотель-же взялъ у Эфора готовое извѣстіе и уже не имѣлъ надобности полемизировать [1]).

15-ая глава содержитъ извѣстіе о реформѣ Эфіальта. Плутархъ не разъ касается этого предмета (Cim. 10. Per. 7, 9, 10, etc.), но ни разу такъ подробно, какъ въ настоящемъ случаѣ. О пользованіи Аристотелемъ не можетъ быть и рѣчи. Сходство этой главы и 9-ой главы Pericl., взятой изъ того-же источника, съ Diod. XI. 77 § 6 убѣждаетъ меня въ томъ, что источникомъ Плутарха былъ Эфоръ. Извѣстіе Діодора чрезвычайно кратко, но въ немъ встрѣчается нѣсколько выраже-

---

[1]) Ср. М М. Покровскій „Этюды по Аѳинской Политіи Аристотеля", стр. 75—76.

ній, которыя повторяются и у Плутарха: Diod. παροξύνας κατὰ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν — Plut. Per. 9. ἐχρῆτο κατὰ τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου βουλῆς. Diod. μειῶσαι τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλὴν—Plut. ibid. κατεστασίασε τὴν βουλήν. Diod. ἔπεισε τὸν δῆμον.... τὰ πάτρια καὶ περιβόητα νόμιμα καταλῦσαι—Plut. Cim. 15. συγχέαντες τὸν καθεστῶτα τῆς πολιτείας κόσμον τά τε πάτρια νόμιμα.

Изъ Эфора-же, по моему мнѣнію, заимствовалъ свои извѣстія объ Эфіальтѣ и Аристотель; разсказъ объ участіи въ реформѣ Ѳемистокла онъ могъ взять изъ другого источника. Эфоръ видѣлъ въ ограниченіи компетенціи Ареопага цѣлую революцію, ниспроверженіе всего существующаго строя (Diod. τὰ πάτρια καὶ περιβόητα νόμιμα καταλῦσαι. Plut. συγχέαντες τὸν καθεστῶτα τῆς πολιτείας κόσμον τά τε πάτρια νόμιμα, οἷς ἐχρῶντο πρότερον)—Аристотель ограничиваетъ значеніе этого событія: у Ареопага были отняты только тѣ функціи, δι' ὧν ἦν ἡ τῆς πολιτείας φυλακή,—только τὰ ἐπίθετα. Именно полемикою я и объясняю себѣ эту прибавку: δι' ὧν ἦν ἡ τῆς πολιτείας φυλακή; въ 3-ьей главѣ, § 3, слово ἐπίθετα употреблено безъ всякаго поясненія [1]).

---

[1]) Разсказъ Аристотеля въ 25-ой главѣ не даетъ возможности опредѣлить, какъ относится самъ авторъ къ реформѣ Эфіальта. Слова: δοκῶν ἀδωροδόκητος εἶναι καὶ δίκαιος πρὸς τὴν πολιτείαν вовсе не выражаютъ его собственнаго взгляда; глаголъ δοκεῖν онъ всегда употребляетъ для обозначенія *чужого* мнѣнія, напр., 6 § 2 τοὺς ὕστερον δοκοῦντας εἶναι παλαιοπλούτους, см. стр. 14; 27 § 4 Δαμωνίδης.... ὃς ἐδόκει τῶν πολλῶν εἰσηγητὴς εἶναι τῷ Περικλεῖ, см. стр. 77. Когда онъ говоритъ (25 § 4) ἀνῃρέθη δὲ καὶ ὁ Ἐφιάλτης, то какъ будто хочетъ указать на справедливое возмездіе, которое Эфіальтъ заслужилъ тѣмъ, что ἀνεῖλεν πολλοὺς τῶν Ἀρεοπαγιτῶν (25 § 2)—совершенно какъ Эфоръ (Diod. XI. 77).

ПЕРИКЛЪ.

Біографія Перикла содержитъ три извѣстія, которыя и Аристотель отмѣтилъ въ своей Политіи. Первое изъ нихъ (Plut. Pericl 4. 'А π. 27 § 4) касается учителя и совѣтника Перикла—Дамонида. Извѣстіе Плутарха взято не у Аристотеля—напротивъ, оно ему противорѣчитъ [1]). По словамъ Плутарха, Дамонъ былъ изгнанъ ὡς μεγαλοπράγμων καὶ φιλοτύραννος; какъ разъ противъ такого утвержденія полемизируетъ Аристотель, когда говоритъ: Δαμωνίδης.... ὃς ἐδόκει τῶν πολλῶν εἰσηγητὴς εἶναι τῷ Περικλεῖ. διὸ καὶ ὠστράκισαν αὐτὸν ὕστερον, т. е. въ то время, когда Периклъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе Аѳинянъ, они изгнали Дамонида, такъ какъ считали его (ἐδόκει) главнымъ совѣтникомъ Перикла (а не потому, что онъ былъ μεγαλοπράγμων καὶ φιλοτύραννος). На этомъ основаніи можно думать, что Плутархъ и Аристотель почерпнули извѣстіе объ изгнаніи Дамонида изъ одного и того-же источника. Кто былъ этотъ общій источникъ, рѣшить трудно. Впрочемъ, одно совпаденіе между Плутархомъ и Діодоромъ наводитъ на мысль объ Эфорѣ.

Plut. Per. 4.

Οὐ μὴν ἔλαθεν ὁ Δάμων τῇ λύρᾳ παρακαλύμματι χρώμενος, ἀλλ'ὡς μεγαλοπράγμων καὶ φιλοτύραννος ἐξωστρακίσθη.

Diod. XI. 77 (объ Эфіальтѣ).

οὐ μὴν ἀθρόως γε διέφυγε τηλικούτοις ἀνομήμασιν ἐπιβαλόμενος, ἀλλὰ τῆς νυκτὸς ἀναιρεθεὶς ἄδηλον ἔσχε τὴν τοῦ βίου τελευτήν [2]).

---

[1]) Какъ произошла разница въ имени (Дамонъ—Дамонидъ)—трудно понять Самъ Плутархъ ниже, въ цитатѣ изъ Политіи (с. 9), пишетъ Дамонидъ. Ученые тщетно пытались объяснить это противорѣчіе. См. Oncken, Die Staatslehre des Aristoteles, Leipzig 1870—75, II, p. 508 Sauppe, Die Quellen Plutarchs fur das Leben des Pericles (въ Abhandlungen der konigliehen Geselischaft der Wissensch. zu Gottingen, Bd. 13), p. 18, Anm.

[2]) Осужденіе Дам. въ уставъ Эфора было-бы понятно, см. Eph. frgm 1. μουσικὴν .. Ἔφορός φησιν. . ἐπιτήδευμα καὶ ῥητεία παρεισῆχθαι τοῖς ἀνθρωποις.

Второе извѣстіе находится въ 18-ой главѣ и касается похода Толмида въ Беотію. Сравненіе съ Діодоромъ покажетъ, что Плутархъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ Эфору [1]).

Plut. Pericl. 18.

ὁρῶν δὲ Τολμίδην τὸν Τολμαίου.... παρασκευαζόμενον εἰς Βοιωτίαν ἐμβαλεῖν καὶ πεπεικότα τῶν ἐν ἡλικίᾳ τοὺς ἀρίστους καὶ φιλοτιμοτάτους ἐθελοντὶ στρατεύεσθαι χιλίους γενομένους ἄνευ τῆς ἄλλης δυνάμεως κατέχειν ἐπειρᾶτο (ὁ Περικλῆς).

....ἀπηγγέλθη τεθνεὼς μὲν αὐτὸς Τολμίδης περὶ Κορώνειαν ἡττηθεὶς μάχῃ, τεθνεῶτες δὲ πολλοὶ καὶ ἀγαθοὶ τῶν πολιτῶν.

Diod. XI. 84.

οἱ μὲν πολῖται διελάμβανον αὐτὸν (Τολμίδην) καταλέξειν εἰς τὴν στρατείαν τῶν νέων τοὺς ἀκμάζοντας ταῖς ἡλικίαις καὶ τοῖς σώμασιν εὐρωστοτάτους. ὁ δὲ Τολμίδης σπεύδων μὴ μόνον τοὺς τεταγμένους χιλίους ἐξάγειν εἰς τὴν στρατείαν, προσιὼν ἑκάστῳ τῶν νέων καὶ τῇ ῥώμῃ διαφερόντων ἔλεγεν ὡς μέλλει καταλέγειν αὐτόν. κρεῖττον οὖν ἔφησεν ἐθελοντὴν στρατεύειν μᾶλλον ἢ διὰ τὸν κατάλογον ἀναγκασθῆναι δοκεῖν. ἐπεὶ δὲ πλείους τῶν τρισχιλίων τούτῳ τῷ λόγῳ συνέπεισεν ἐθελοντὶ ἀπογράφεσθαι, τοὺς δὲ λοιποὺς οὐκέτι σπεύδοντας ἑώρα, τότε τοὺς ὡμολογημένους χιλίους κατέλεξεν ἐκ τῶν ἄλλων.

XII. 6.

ἐγένετο μάχη καρτερὰ περὶ τὴν Κορώνειαν, καθ' ἣν Τολμίδης μὲν μαχόμενος ἀνῃρέθη, τῶν δὲ ἄλλων Ἀθηναίων οἱ μὲν κατεκόπησαν, οἱ δὲ ζῶντες ἐλήφθησαν.

[1]) Cp. Polyaen. III. 3. Melber, l. c., p. 582.

Разсказомъ Эфора воспользовался и Аристотель, но передѣлалъ его по своему. Не упоминая имени Толмида, онъ говоритъ въ 26-ой главѣ о причинахъ уменьшенія числа ἐπιεικεῖς: τῆς γὰρ στρατείας γιγνομένης ἐν τοῖς τότε χρόνοις ἐκ καταλόγου (Diod.) καὶ στρατηγῶν ἐφισταμένων ἀπείρων μὲν τοῦ πολεμεῖν, τιμωμένων δὲ διὰ τὰς πατρικὰς δόξας, αἰεὶ συνέβαινεν τῶν ἐξιόντων ἀνὰ δισχιλίους ἢ τρισχιλίους (Diod.) ἀπόλλυσθαι, ὥστε ἀναλίσκεσθαι τοὺς ἐπιεικεῖς καὶ τοῦ δήμου καὶ τῶν εὐπόρων (Diod. τῶν νέων τοὺς ἀκμάζοντας ταῖς ἡλικίαις καὶ τοῖς σώμασιν εὐρωστοτάτους. Plut. τῶν ἐν ἡλικίᾳ τοὺς ἀρίστους καὶ φιλοτιμοτάτους; id. τεθνεῶτες πολλοὶ κἀγαθοὶ τῶν πολιτῶν) [1]).

Что это общее разсужденіе составлено по извѣстію Эфора о Толмидѣ, видно уже изъ того, что оно приведено у Аристотеля непосредственно передъ извѣстіемъ о событіи, случившемся въ 457/6 году, а Діодоръ разсказываетъ о Толмидѣ подъ тѣмъ-же годомъ (ὀλυμπιὰς ἦχθη μία πρὸς ταις ὀγδοήκοντα).

Третье извѣстіе касается закона Перикла о νόθοι.

Ἀ. π. 26 § 4. ....ἐπὶ Ἀντιδότου διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν Περικλέους εἰπόντος ἔγνωσαν, μὴ μετέχειν τῆς πόλεως, ὃς ἂν μὴ ἐξ ἀμφοῖν ἀστοῖν ᾖ γεγονώς.

Plut. Pericl. 37. Ἀκμάζων ὁ Περικλῆς ἐν τῇ πολιτείᾳ πρὸ πάνυ πολλῶν χρόνων καὶ παῖδας ἔχων, ὥσπερ εἴρηται, γνησίους νόμον ἔγραψε, μόνους Ἀθηναίους εἶναι τοὺς ἐκ δυοῖν Ἀθηναίων γεγονότας.

Изъ словъ Аристотеля Плутархъ не могъ заключить, что Периклъ провелъ этотъ законъ ἀκμάζων ἐν τῇ πολιτείᾳ, потому что Аристотель начинаетъ разсказъ о политической дѣятельности Перикла только *послѣ* приведеннаго извѣстія. Изъ Политіи Плутархъ не могъ узнать и того, что ко времени изданія закона Периклъ имѣлъ παῖδας γνησίους. Укажу вѣроятный общій источникъ нашихъ авторовъ. Это былъ, по моему мнѣнію, Андротіонъ—для Аристотеля непосредственно,

[1]) Въ битвѣ при Коронеѣ палъ, между прочими, отецъ Алкивіада. См. Duncker, N. F. II, p. 59

для Плутарха—чрезъ посредство Филохора. Разсказъ Плутарха (въ той-же главѣ) о раздачѣ гражданамъ хлѣба, пожертвованнаго египетскимъ царемъ, представляетъ такъ много сходнаго съ 90-мъ фрагментомъ Филохора, что уже Заупне (pp. 37—38) призналъ послѣдняго источникомъ Плутарховыхъ извѣстій. Если обратиться къ 26-ой главѣ Политіи, то легко можно замѣтить, что послѣдніе три параграфа этой главы носятъ явные слѣды лѣтописнаго изложенія. Соединивъ эти два наблюденія и припомнивъ, что и Аристотель, и Филохоръ [1]) очень часто черпали свои извѣстія изъ Аттиды Андротіона, мы придемъ къ вѣроятному заключенію, что она и на этотъ разъ была ихъ общимъ источникомъ.

НИКІЙ.

Я уже указывалъ на тотъ спеціальный интересъ, который представляетъ извѣстіе о Клеонѣ, въ 28-ой главѣ Политіи. То-же извѣстіе встрѣчаемъ у Плутарха, въ 8-ой главѣ біографіи Никія, но излишекъ однородныхъ подробностей устраняетъ мысль о пользованіи Политіей. Думаю, что достаточно будетъ сопоставить оба текста, чтобы доказать, что въ основѣ ихъ лежитъ общій источникъ.

'Α. π. 28 § 3.	Plut. Nic. 8.
....Κλέων ὁ Κλεαινέτου, ὃς δοκεῖ μάλιστα διαφθεῖραι τὸν δῆμον ταῖς ὁρμαῖς, καὶ πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκραγε καὶ ἐλοιδορήσατο, καὶ περιζωσάμενος ἐδημηγό-	Κλέων.... τὸν ἐπὶ τοῦ βήματος κόσμον ἀνελὼν καὶ πρῶτος ἐν τῷ δημηγορεῖν ἀνακραγὼν καὶ περισπάσας τὸ ἱμάτιον καὶ τὸν μηρὸν πατάξας καὶ δρόμῳ μετὰ

[1]) „Von seinen Vorgangern hat Philochoros sicherlich die Atthis des Androtion *stark* benutzt“ Busolt, Gr. G. I, p. 365 Андротіонъ цитируется вмѣстѣ съ Филохоромъ: Philoch frgm. 58, 59, 122, 130a, 133, 150, 153.

ρησε, τῶν ἄλλων ἐν κόσμῳ λεγόντων.

τοῦ λέγειν ἅμα χρησάμενος τὴν ὀλίγον ὕστερον ἅπαντα τὰ πράγματα συγχέασαν εὐχέρειαν καὶ ὀλιγωρίαν τοῦ πρέποντος ἐνεποίησε τοῖς πολιτευομένοις.

Источникъ Плутарха давно указанъ: 99-ый фрагментъ Θеопомпа содержитъ вкратцѣ то-же самое извѣстіе и въ тѣхъ-же выраженіяхъ: Κλέων.... ὃς πρῶτος δημηγορῶν ἀνέκραγεν ἐπὶ βήματος καὶ ἐλοιδορήσατο. На основаніи этого совпаденія приходится, повидимому, признать Θеопомпа источникомъ и 3-го § 28-ой главы Политіи. Отвергнуть эту мысль можно было-бы только на основаніи достовѣрныхъ извѣстій, которыя доказали-бы, что Аристотель *по времени* не могъ пользоваться трудомъ Θеопомпа. Но такихъ извѣстій у насъ нѣтъ; вопросъ, такъ, какъ онъ здѣсь поставленъ, едва-ли удастся рѣшить въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что есть другой, болѣе цѣлесообразный и, при современномъ объемѣ нашихъ знаній, болѣе вѣрный путь для рѣшенія вопроса о томъ, пользовался-ли Аристотель сочиненіями Θеопомпа, или нѣтъ. Я разумѣю тщательное изслѣдованіе Политіи со стороны ея источниковъ. Если Аристотель пользовался Θеопомпомъ, то анализъ долженъ обнаружить въ Политіи цѣлый рядъ слѣдовъ этого пользованія; если это не удастся, то тѣ два-три сомнительныхъ случая, которые, повидимому, говорятъ за такое пользованіе, придется объяснить иначе, прибѣгая къ догадкамъ и гипотезамъ. Рѣшеніе этого вопроса не входитъ въ мою задачу. Я лично отрицаю знакомство Аристотеля съ Φιλιππικά Θеопомпа, и, можетъ быть, позже найду случай доказать мое мнѣніе. Здѣсь, гдѣ мнѣ приходится имѣть дѣло съ однимъ изъ тѣхъ мѣстъ Политіи, которыя обыкновенно приводятъ, какъ несомнѣнныя доказательства пользованія Θеопомпомъ, я ограничусь указаніемъ на другую возможность, причемъ вполнѣ сознаю, что предлагаемая гипотеза можетъ получить силу только въ связи съ цѣлымъ рядомъ до-

водовъ, которые доказывали-бы незнакомство Аристотеля съ Θеопомпомъ.

Мнѣ кажется, что 99-ый фрагментъ Θеопомпа, въ томъ видѣ, какъ онъ приведенъ у Мюллера, представляетъ компиляцію двухъ извѣстій, взятыхъ у двухъ различныхъ авторовъ. Вотъ этотъ фрагментъ, взятый изъ Schol. Lucian. Tim. c. 29.

Ὁ δὲ Κλέων δημαγωγὸς ἦν Ἀθηναίων προστὰς αὐτῶν ἑπτὰ ἔτη, ὃς πρῶτος δημηγορῶν ἀνέκραγεν ἐπὶ βήματος καὶ ἐλοιδορήσατο, θρασὺς ὢν οὕτως, ὥστε, καθὼς Θεόπομπος ἱστορεῖ, συνεληλυθότων Ἀθηναίων παρελθεῖν εἰς τὴν ἐκκλησίαν στέφανον ἔχοντα, καὶ κελεῦσαι αὐτοὺς ἀναβαλέσθαι τὸν σύλλογον· τυγχάνειν γὰρ αὐτὸν θύοντα, καὶ ξένους ἑστιᾶν μέλλοντα, καὶ διαλῦσαι τὴν ἐκκλησίαν.

Положеніе имени Θеопомпа заставляетъ насъ приписать ему только вторую часть фрагмента, но нисколько не обязываетъ насъ относительно первой части, которая собственно и имѣетъ для насъ значеніе. Въ подтвержденіе моей мысли укажу на слѣдующее обстоятельство. Плутархъ, въ біографіи Никія, приводитъ обѣ части этого-же фрагмента, но не вмѣстѣ, а въ разбивку, въ двухъ смежныхъ главахъ (7-ой и 8-ой), притомъ вторую часть раньше, чѣмъ первую. Вотъ какъ расположенъ матеріалъ въ этихъ главахъ.

с. 7 до Λέγεται—источникъ Θукидидъ (Holzapfel, p. 120).

„ отъ Λέγεται до конца—вторая часть нашего фргм.-источн. Θеопомпъ (Holz. p. 119. Fricke [1]) p. 28).

с. 8. начало—источникъ Θукидидъ (Holz., p. 120).

„ отъ Καὶ τοῦτο—самъ Плутархъ (Holz., ibid), затѣмъ цитаты изъ Аристофана.

„ отъ Καὶ μέντοι—первая часть нашего фрагмента.

с. 9, с. 10 } источникъ Эфоръ (Holz., p. 75. Fricke, p. 29.)

Такое расположеніе матеріала, очевидно, вовсе не заста-

---

[1]) Untersuchungen uber die Quellen des Plutarchos im Nikias und Alkibiades. Leipzig. 1869.

вляетъ насъ считать именно Θеопомпа источникомъ Плутарха для конца 8-ой главы. Соединяя оба наблюденія, можно придти къ тому выводу, что насъ ничто не обязываетъ приписывать Θеопомпу первую часть фрагмента, а слѣдовательно и считать его источникомъ 8-ой главы Плутарха и 28-й главы Политіи.

Отмѣчу для полноты одно мѣсто въ біографіи Коріолана, которое можетъ быть принято за цитату изъ Политіи.

Plut. Cor. 14.	'A. π. 27 § 5.
'Αθήνησι δὲ λέγεται πρῶτος ἀργύριον δοῦναι δικασταῖς Ἄνυτος ὁ 'Ανθεμίωνος προδοσίας περὶ Πύλου κρινόμενος ἐν τοῖς Πελοποννησιακοῖς ἤδη τελευτῶσιν.	ἤρξατο δὲ μετὰ ταῦτα καὶ τὸ δεκάζειν, πρώτου καταδείξαντος 'Ανύτου μετὰ τὴν ἐν Πύλῳ στρατηγίαν. κρινόμενος γὰρ ὑπό τινων διὰ τὸ ἀποβαλεῖν Πύλον, δεκάσας τὸ δικαστήριον ἀπέφυγεν.

Оба извѣстія оказываются взятыми у Эфора. Въ Политіи Плутархъ не могъ найти ни имени отца Анита, ни указанія на то, что Анита обвиняли въ измѣнѣ; объ эти подробности мы находимъ у Діодора.

Diod. XIII. 64.... ἐξαπέστειλε.... στρατηγὸν Ἄνυτον τὸν 'Ανθεμίωνος....—ἐφ'οἷς ὁ μὲν δῆμος ὀργισθεὶς καὶ καταιτιασάμενος αὐτοῦ προδοσίαν, κατέστησεν εἰς κρίσιν. ὁ δ' Ἄνυτος ἰσχυρῶς κινδυνεύων ἐρρύσατο χρήμασι τὴν ἰδίαν ψυχήν, καὶ πρῶτος 'Αθηναίων δοκεῖ δικαστήριον δωροδοκῆσαι.

Я подвергъ разбору тѣ мѣста въ біографіяхъ Плутарха, которыя обнаруживаютъ извѣстное сходство съ соотвѣтствующими мѣстами Политіи. Анализъ показалъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ сходство явилось результатомъ общности источника, а не прямого или косвеннаго заимствованія Плу-

тархомъ у Аристотеля. На протяженіи всѣхъ біографій, съ которыми пришлось имѣть дѣло, мы не встрѣтили ни одного извѣстія, всѣ подробности котораго покрывались-бы аналогичнымъ извѣстіемъ Политіи. Съ другой стороны, противорѣчія, которыя обнаруживаются между показаніями обоихъ авторовъ, прямо свидѣтельствуютъ о незнакомствѣ Плутарха съ Политіей. Кромѣ отмѣченныхъ при изслѣдованіи, укажу еще на слѣдующія разногласія. Оба автора значительно расходятся въ опредѣленіи времени, когда зевгитамъ было предоставлено право занимать должность архонта: по Плутарху (Arist. 24) эта реформа была проведена Аристидомъ приблизительно въ 478 году, по Аристотелю она совершилась около 457 года, т.-е. почти черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Аристида. Такъ же рѣзко расходятся ихъ показанія и по вопросу о реформѣ Эфіальта: въ то время, какъ Аристотель называетъ ея соучастникомъ Θемистокла, Плутархъ изображаетъ самого Эфіальта, какъ орудіе въ рукахъ Перикла, о Θемистоклѣ-же въ этомъ случаѣ совсѣмъ не упоминаетъ. Наконецъ, введеніе θεωρικόν, которое Аристотель называетъ дѣломъ рукъ Клеофона (Ἀ. π. 28 § 3), Плутархъ приписываетъ Периклу (Per. 9).

Мнѣ остается разсмотрѣть послѣдній аргументъ, который можетъ быть выставленъ въ доказательство того, что Плутархъ зналъ Политію и пользовался ею. Я разумѣю именныя цитаты изъ Политіи въ біографіяхъ Плутарха. Ихъ немного: въ біографіи Аристида ихъ вовсе нѣтъ, біографіи Θемистокла, Кимона и Никія содержатъ по одной, біографія Перикла— двѣ цитаты [1]). Ни въ одномъ изъ этихъ пяти случаевъ Плутархъ не называетъ сочиненія, на которое ссылается,

---

[1]) При ссылкѣ на Аристотеля въ 27 гл. Arist. Плутархъ имѣетъ въ виду трактатъ Περὶ εὐγενείας, при ссылкахъ въ 26 и 28 гл. Peric.— Самосскую Политію, наконецъ цитата въ 4 гл. той-же біографіи взята изъ неизвѣстнаго намъ сочиненія Аристотеля, во всякомъ случаѣ—не изъ Аѳинской Политіи.

какъ и вообще имя Аѳинской Политіи не встрѣчается ни въ одномъ изъ его сочиненій [1]). Посмотримъ-же, что дастъ намъ анализъ этихъ цитатъ. Я буду разсматривать ихъ въ томъ-же порядкѣ, которому слѣдовалъ при анализѣ біографій.

Them. 10. Οὐκ ὄντων δὲ δημοσίων χρημάτων τοῖς Ἀθηναίοις Ἀριστοτέλης μέν φησι τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλὴν πορίσασαν ὀκτὼ δραχμὰς ἑκάστῳ τῶν στρατευομένων αἰτιωτάτην γενέσθαι τοῦ πληρωθῆναι τὰς τριήρεις.

Уже Альбрахтъ (l. c., pp. 29—31) доказалъ, что эта цитата взята у Филохора [2]); всѣ его доводы сохраняютъ силу и послѣ открытія Политіи. Приведу здѣсь важнѣйшіе изъ нихъ. Онъ доказываетъ, что Плутархъ заимствовалъ у Филохора всю вторую половину 10-й гл. Them., т. е. цитату изъ Аристотеля, цитату изъ Клидема, разсказъ объ отъѣздѣ Аѳинянъ и извѣстный анекдотъ о собакахъ Ксантиппа. Primum enim, говоритъ онъ, in Muelleri fragm. hist. Gr. I p. 397 fragmentum legitur Philochori ex Aeliani N. A. XII, 35 desumptum, quo ut in hoc capite narratur, Xanthippi canes Atheniensibus in classem demigrantibus una cum domino transmittente ex Attica in Salaminem insulam natando trajecisse. Deinde sub finem capitis nomen loci illius qui est in Salamine insula Κυνόσσημα inde ortum esse dicitur quia ibi esset σῆμα κυνός illius Xanthippi, quo certius argumentum Philochoreae auctoritatis vix inveniri potest Illum enim prae aliis omnibus id maxime egisse, ut etymologiam adhiberet ad confirmandam suam narrationem, facile concedes si contuleris quae leguntur in fragment. 6, 10, 12, 16, 71, 157, 186 aliis. Jam vero optime ad Philochorum quadrat quod commemorantur in hoc capite

---

[1]) Оно встрѣчается однажды въ *псевдо*плутарховыхъ Proverbia Alexandrina, cxi. Ср. Volkmann-Leben, Schriften und Philosophie des Plutarch von Chaeronea. Berlin 1869. I, p. 117 sq.

[2]) Къ его мнѣнію склоняется и Онкенъ II, p. 467, прим. Того-же мнѣнія держится и послѣдній издатель Аристотелева трактата, Sandys, pp. XIX—XX, хотя онъ, вообще, повидимому склоненъ признать за Плутархомъ прямое знакомство съ Политіей (p. XXIII sqq).

σημεῖα δαιμόνια καὶ χρησμοί, quae Philochorus, cum esset oraculorum interpres doctissimus qui scripsiset περὶ μαντικῆς, περὶ ἑορτῶν, περὶ θυσιῶν, accuratissime animo percepisse putandus est". Доказавъ затѣмъ, что, по времени, Филохоръ могъ пользоваться и Аристотелемъ, и Клидемомъ, авторъ продолжаетъ: „Aristotelis libros a Philochoro in Atheniensium instituta diligenter inquirente esse evolutos cum per se patet, tum ea re probatur quod in fragmentis saepius (Philoch. frgm. 61, 65, 67, 68, 84, 101, 106, 171) Philochori sententia Aristoteleae opponitur aut ea confirmatur; quibus locis Philochorum ipsum Aristotelem laudasse aut vituperasse si ponemus a veritate non nimis aberrabimus".

Cim. 10. ὡς δ' Ἀριστοτέλης φησίν, οὐχ ἁπάντων Ἀθηναίων, ἀλλὰ τῶν δημοτῶν αὐτοῦ Λακιαδῶν παρεσκευάζετο τῷ βουλομένῳ τὸ δεῖπνον. Ни передъ цитатой, ни послѣ нея нѣтъ ни одного слова, которое обнаруживало-бы знакомство Плутарха съ 27-ой главой Политіи. Трудно допустить, что Плутархъ развернулъ Политію для того, чтобы отыскать въ ней одну подробность, для него, притомъ, второстепенную. Пересматривая имена авторовъ, которыхъ Плутархъ цитируетъ въ біографіи Кимона, я останавливаюсь на Діодорѣ Періегетѣ. Послѣдній, въ своемъ сочиненіи Περὶ τῶν δήμων, разсказывалъ, вѣроятно, и о тѣхъ знаменитыхъ людяхъ, которые принадлежали къ тому или другому изъ описываемыхъ демовъ; говоря о Лакіадахъ и Кимонѣ, онъ легко могъ привести и разбираемую цитату.

Біографія Перикла содержитъ двѣ именныя цитаты изъ Аристотелевой Политіи. Первая находится въ 9-ой главѣ и касается борьбы Перикла съ Кимономъ. Она совершенно точно, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, передаетъ содержаніе 4-го § 27-ой главы Политіи, такъ что, внѣ текста, ее можно было-бы принять за прямую выписку изъ Аристотеля.

'Α. π.	Plut.
πρὸς δὴ ταύτην τὴν χορηγίαν ἐπιλειπόμενος ὁ Περικλῆς τῇ οὐσίᾳ, συμβουλεύσαντος αὐτῷ Δαμωνίδου τοῦ Οἰηθεν.... ἐπεὶ τοῖς ἰδίοις ἥττατο, διδόναι τοῖς πολλοῖς τὰ αὑτῶν. .	ἐλαττούμενος δὲ πλούτῳ καὶ χρήμασιν.... — τούτοις ὁ Περικλῆς καταδημαγωγούμενος τρέπετοι πρὸς τὴν τῶν δημοσίων διανομήν, συμβουλεύσαντος αὐτῷ Δημωνίδου τοῦ Οἰηθεν, ὡς 'Αριστοτέλης ἱστόρηκε.

Посмотримъ, въ какой обстановкѣ является у Плутарха эта цитата. Ей предшествуетъ разсказъ о щедрости Кимона, который Плутархъ могъ найти въ той-же главѣ Политіи, гдѣ находится цитированное имъ мѣсто. Но онъ взялъ его не у Аристотеля, а у Іона, какъ показываетъ сравненіе съ 10-ой гл. Cim; его извѣстія о щедрости Кимона въ 9-ой гл. Pericl. полнѣе, чѣмъ соотвѣтствующій разсказъ Аристотеля (τοὺς πρεσβυτέρους ἀμφιεννύων), и въ одномъ пунктѣ даже противорѣчитъ ему (δεῖπνόν τε καθ'ἡμέραν τῷ δεομενῳ παρέχων 'Αθηναίων—у Аристотеля: τῷ βουλομένῳ Λακιαδῶν). Точно также не изъ Политіи взяты и тѣ свѣдѣнія, которыя Плутархъ сообщаетъ вслѣдъ за Аристотелевой цитатой: они не только полнѣе извѣстій Аристотеля (ἄλλαις μισθοφοραῖς καὶ χορηγίαις...., связь между этой политикой Перикла и его дѣятельностью по отношенію къ Ареопагу, и проч.), но и противорѣчатъ имъ (Περικλῆς.... κατεστασίασε τὴν βουλὴν, ὥστε τὴν μὲν ἀφαιρεθῆναι τὰς πλείστας κρίσεις δι' 'Εφιάλτου, ср. 'Α. π. 25 §§ 3, 4; Периклъ вводитъ θεωρικόν, ср. 'Α. π. 28 § 3) [1]). Такимъ образомъ, исключивъ цитату, мы не найдемъ въ 9-ой главѣ біографіи Перикла ни одного признака, который доказывалъ-бы, что Плутархъ читалъ 27-ую главу Политіи; на-

[1]) Ср также Sandys, p. 107 Note: „Plutarch, Per. 9 describes Pericles as attacking the Areopagus after he had instituted pay for the law courts at the instance of ‚Damonides'. . In the text... the present attack on the Areopagus is placed *before* the account of the payement of the law courts; and Ephialtes is no longer alive".

противъ, такія крупныя разногласія, какъ тѣ, которыя только-что были указаны, свидѣтельствуютъ какъ разъ о незнакомствѣ его съ трактатомъ Аристотеля. Появленіе цитаты изъ Политіи среди извѣстій, взятыхъ изъ другихъ источниковъ [1]), объясняется, очевидно, тѣмъ, что Плутархъ нашелъ ее у какого-нибудь другого автора.

Вторая именная цитата находится въ 10-ой главѣ б. Перикла. Здѣсь Плутархъ, со словъ Аристотеля, разсказываетъ о смерти Эфіальта: Ἐφιάλτην μὲν οὖν φοβερὸν ὄντα τοῖς ὀλιγαρχικοῖς καὶ περὶ τὰς εὐθύνας καὶ διώξεις τῶν τὸν δῆμον ἀδικούντων ἀπαραίτητον ἐπιβουλεύσαντες οἱ ἐχθροὶ δι' Ἀριστοδίκου τοῦ Ταναγρικοῦ κρυφαίως ἀνεῖλον, ὡς Ἀριστοτέλης εἴρηκεν. Аристотель сообщаетъ только голый фактъ: ἀνῃρέθη δὲ καὶ ὁ Ἐφιάλτης δολοφονηθεὶς μετ' οὐ πολὺν χρόνον, δι' Ἀριστοδίκου τοῦ Ταναγραίου. Допустимъ, что о врагахъ, подкупившихъ убійцу, Плутархъ заключилъ изъ словъ Аристотеля: ἀνῃρέθη δι' Ἀριστοδίκου, о κρυφαίως изъ δολοφονηθείς, но откуда взялъ онъ извѣстіе о *причинахъ* убійства Эфіальта? Аристотель о нихъ не говоритъ. Но приступая къ разсказу о реформѣ Эфіальта, онъ сообщаетъ одно извѣстіе, которое, повидимому, и легло въ основу Плутархова разсказа: (Ἐφιάλτης) πρῶτον μὲν ἀνεῖλεν πολλοὺς τῶν Ἀρεοπαγιτῶν, ἀγῶνας ἐπιφέρων περὶ τῶν διῳκημένων. Разстояніе между этимъ извѣстіемъ и разсказомъ Плутарха такъ велико, что естественно возникаетъ мысль о посредникѣ, т. е. о какомъ-нибудь авторѣ, который передалъ слова Аристотеля въ такой формѣ, что Плутархъ могъ вывести изъ нихъ заключеніе о ненависти и враждѣ, вызванной въ средѣ знатныхъ мѣрами Эфіальта. Эта мысль обратится въ увѣренность, если принять во вниманіе, что Плутархъ нигдѣ – ни въ біографіи Ѳемистокла, ни въ біографіяхъ Кимона и Перикла—не обнаруживаетъ знакомства съ 25-ой

[1]) Онкенъ подмѣтилъ въ 9-ой гл. 3 источника Платона, Ѳеопомпа и Аристотеля (II, p. 510), къ нимъ надо прибавить еще Ѳукидида II, 65 для начала главы.

главой Политіи, хотя не разъ говоритъ объ Эфіальтѣ, и хотя разсказъ, приведенный Аристотелемъ въ этой главѣ, долженъ былъ особенно заинтересовать его своимъ анекдотическимъ характеромъ. Очевидно, что Плутархъ нашелъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ и цитату изъ Аристотеля, и извѣстіе о неумолимой строгости Эфіальта по отношенію къ проступкамъ должностныхъ лицъ.—Опредѣлить этотъ источникъ теперь невозможно.

Plut. Nic. 2.

Ἔνεστιν οὖν περὶ Νικίου πρῶτον εἰπεῖν ὃ γέγραφεν Ἀριστοτέλης, ὅτι τρεῖς ἐγένοντο βέλτιστοι τῶν πολιτῶν καὶ πατρικὴν ἔχοντες εὔνοιαν καὶ φιλίαν πρὸς τὸν δῆμον, Νικίας ὁ Νικηράτου καὶ Θουκυδίδης ὁ Μελησίου καὶ Θηραμένης ὁ Ἀγνωνος, ἧττον δὲ οὗτος ἢ ἐκεῖνοι. καὶ γὰρ εἰς δυσγένειαν ὡς ξένος ἐκ Κέω λελοιδόρηται καὶ διὰ τὸ μὴ μόνιμον, ἀλλὰ ἐπαμφοτερίζον ἀεὶ τῇ προαιρέσει τῆς πολιτείας ἐπεκλήθη Κόθορνος.

Ἀ. π. 28 § 5.

δοκοῦσι δὲ βέλτιστοι γεγονέναι τῶν Ἀθήνησι πολιτευσαμένων μετὰ τοὺς ἀρχαίους Νικίας καὶ Θουκυδίδης καὶ Θηραμένης. καὶ περὶ μὲν Νικίου καὶ Θουκυδίδου πάντες σχεδὸν ὁμολογοῦσιν ἄνδρας γεγονέναι οὐ μόνον καλοὺς κἀγαθούς, ἀλλὰ καὶ πολιτικοὺς καὶ τῇ πόλει πάσῃ πατρικῶς χρωμένους, περὶ δὲ Θηραμένους, διὰ τὸ συμβῆναι κατ' αὐτὸν ταραχώδεις τὰς πολιτείας, ἀμφισβήτησις τῆς κρίσεώς ἐστι. δοκεῖ δὲ τοῖς μὴ παρέργως ἀποφαινομένοις, κ. τ. λ.

Не трудно видѣть, что цитата совершенно искажена. „The text describes the three as *reputed* to be the best *politicians*. Plutarch describs them as actually being the best citizens. The text describes Nicias and Thucydides as ruling the state in a paternal spirit; Plutarch ascribes to them a hereditary affection for it". (Sandys, p. 114 Note). Но англійскій издатель упустилъ изъ виду самое важное искаженіе—въ оцѣнкѣ Θерамена: здѣсь слова Плутарха прямо противорѣчатъ тому,

что хотѣлъ сказать Аристотель. Такое искаженіе невозможно объяснить тѣмъ, что Плутархъ дурно понялъ текстъ, который какъ разъ въ этомъ мѣстѣ совершенно ясенъ и не допускаетъ двоякаго толкованія. Несомнѣнно, что Плутархъ получилъ цитату изъ вторыхъ рукъ, и мнѣ кажется, что въ ней до сихъ поръ можно замѣтить слѣды двойной переработки. Неточно передалъ ее уже первый авторъ, источникъ Плутарха: вмѣсто δοκοῦσι γεγονέναι онъ написалъ ἐγένοντο, и цитата получила ту форму, въ какой мы находимъ ее у Плутарха: τρεῖς ἐγένοντο βέλτιστοι τῶν πολιτῶν.... Νικίας.... καὶ Θουκυδίδης ....καὶ Θηραμένης...., ἧττον δὲ οὗτος ἢ ἐκεῖνοι (т. е. ἧττον ἐγένετο, вм. ἧττον δοκεῖ γεγονέναι). Больше источникъ вѣроятно не давалъ Плутарху; выписавъ цитату въ этомъ видѣ, Плутархъ уже отъ себя постарался объяснить, почему Θерменъ оказался худшимъ гражданиномъ, чѣмъ двое остальныхъ. — Вѣрно-ли это объясненіе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что Плутархъ во время работы не имѣлъ передъ глазами ни Политіи, ни подлинной цитаты изъ нея; а что онъ цитировалъ не на память, объ этомъ свидѣтельствуютъ аристотелевскія слова βέλτιστοι, πατρικήν. Очевидно, что онъ нашелъ уже слегка искаженную цитату въ одномъ изъ своихъ источниковъ. Весьма возможно, что этимъ источникомъ былъ Филохоръ, какъ доказываетъ Fricke, l. c., p. 21 sqq.

Итакъ, изъ пяти цитатъ, съ которыми мы имѣли дѣло, двѣ (Pericl. 10 Nic. 2) оказались настолько искаженными, что ихъ невозможно признать за подлинныя выписки, другія двѣ (Pericl. 9. Cim. 10) оказались затерянными между извѣстіями чуждыми или даже противорѣчащими Аристотелю, наконецъ относительно одной (Them. 10) несомнѣнно доказано, что она взята у другого писателя.

Результаты анализа именныхъ цитатъ не опровергаютъ, но всецѣло подтверждаютъ выводы, добытые анализомъ сходныхъ

мѣстъ Политіи и Плутарха. Обобщая частные выводы изслѣдованія всѣхъ 6 біографій, я рѣшаюсь выставить слѣдующія положенія.

1) Въ жизнеописаніяхъ Плутарха, если исключить именныя цитаты, нѣтъ ни одного извѣстія, которое было-бы взято Плутархомъ, *прямо или косвенно*, изъ Политіи Аристотеля; сходныя показанія восходятъ къ общимъ источникамъ.

2) Разногласія, которыя обнаруживаются между Плутархомъ и Политіей, прямо указываютъ на *незнакомство* перваго со второю.

3) Именныя цитаты изъ Аристотеля Плутархъ нашелъ въ своихъ источникахъ.

Но кромѣ этихъ выводовъ, служащихъ прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный темою, предыдущее изслѣдованіе даетъ возможность выставить еще одно положеніе. Мы видѣли, что бо̀льшая часть сходныхъ извѣстій Аристотеля и Плутарха восходитъ къ одному и тому-же общему источнику— къ Эфору; *послѣдній оказывается однимъ изъ главныхъ источниковъ исторической части Политіи.* Этотъ результатъ казался мнѣ настолько важнымъ, что я не разъ рѣшался нарушать единство изслѣдованія, анализируя такія извѣстія, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ вопросу о знакомствѣ Плутарха съ Политіей, но которыя, чрезъ сравненіе съ Плутархомъ, давали возможность обнаружить въ Политіи слѣды пользованія Эфоромъ. Условія темы не позволили мнѣ подвергнуть анализу цѣлой четверти исторической части Политіи (начиная съ 29-ой главы) — какъ разъ той четверти, которая имѣетъ полную параллель у Діодора; можно съ увѣренностью сказать, что сравненіе этихъ главъ съ разсказомъ Діодора дастъ еще болѣе доказательствъ въ пользу предлагаемой гипотезы, чѣмъ предшествующія главы. Но и въ послѣднихъ мнѣ пришлось обойти молчаніемъ немало извѣстій, несомнѣнно заимствованныхъ у Эфора.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Тесей.

Первыя главы Политіи, въ которыхъ заключались извѣстія о Тесеѣ, не дошли до насъ; вслѣдствіе этого Плутархова біографія Тесея можетъ дать очень мало для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о знакомствѣ Плутарха съ трактатомъ Аристотеля. При анализѣ этой біографіи приходится ограничиваться тѣми извѣстіями, которыя обнаруживаютъ сходство съ однимъ изъ немногочисленныхъ фрагментовъ пропавшей части Политіи или съ краткой замѣткой о Тесеѣ въ 41-ой главѣ.

Къ такимъ мѣстамъ жизнеописанія принадлежитъ, прежде всего, начало 25-ой главы, которое совпадаетъ со вторымъ § Гераклидова конспекта [1]).

Plut. Thes. 25.	Heracl. epit. I § 2.
(Θησεὺς)....ἐκόλει πάντας ἐπὶ τοῖς ἴσοις καὶ τὸ Δεῦρ' ἴτε πάντες λεῴ κήρυγμα Θησέως γενέσθαι φασὶ πανδημίαν τινὰ καθιστάντος.	Θησεὺς δὲ ἐκήρυξε καὶ συνεβίβασε τούτους ἐπ' ἴσῃ καὶ ὁμοίᾳ.

Если уже самое сходство извѣстій и выраженій наводитъ на мысль, что источникомъ Плутарха была Политія, то наблюденіе надъ второй половиной главы обращаетъ эту мысль въ увѣренность. Здѣсь снова встрѣчается цитата изъ Политіи,

[1]) Что Heracl. epit. I представляетъ точный конспектъ Политіи, доказалъ Holzinger въ своей статьѣ „Aristoteles athenische Politie und die Heraclidischen Excerpte". Philologus, Bd. L. H. 3.

притомъ цитата именная. Я разумѣю слова Плутарха: ὅτι δὲ πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν ὄχλον, ὡς Ἀριστοτέλης φησὶ...., которымъ соотвѣтствуетъ въ 41-ой главѣ Политіи характеристика Тесеевой конституціи, какъ μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς. — Наконецъ, Аристотеля слѣдуетъ, повидимому, признать источникомъ извѣстій Плутарха объ убійствѣ Тесея на о-вѣ Скиросѣ и о перевозкѣ его костей въ Аѳины Кимономъ.

Plut. Thes. 35—36; ср. Cim. 8.

(Θησεὺς) εἰς Σκῦρον ἐξέπλευσεν, οὔσης αὐτῷ πρὸς τοὺς ἐκεῖ φιλίας, ὡς ᾤετο, καὶ χωρίων ἐν τῇ νήσῳ πατρῴων. Ἐβασίλευσε δὲ Λυκομήδης τότε τῶν Σκυρίων.—Ὁ δὲ Λυκομήδης, εἴτε δείσας τὴν δόξαν τοῦ ἀνδρὸς (Cim. 8 διὰ φόβον).... ὥσε κατὰ τῶν πετρῶν καὶ διέφθειρεν. — Μετὰ δὲ τὰ Μηδικὰ....μαντευομένοις τοῖς Ἀθηναίοις ἀνεῖλεν ἡ Πυθία τὰ Θησέως ἀναλαβεῖν ὀστᾶ.... Κομισθέντων δὲ τούτων ὑπὸ Κίμωνος.... οἱ Ἀθηναῖοι.... ἐδέξαντο, κ. τ. λ.

Schol. Vat. ad Eur. Hipp. 11 (v. Blass Ἀ. π., p. 108).

Ἀριστοτέλης ἱστορεῖ, ὅτι ἐλθὼν Θησεὺς εἰς Σκῦρον ἐπὶ κατασκοπὴν εἰκότως διὰ τὴν Αἰγέως συγγένειαν ἐτελεύτησεν ὠσθεὶς κατὰ πετρῶν, φοβηθέντος τοῦ Λυκομήδους τοῦ βασιλεύοντος [μὴ σφετερίσηται τὴν νῆσον]. Ἀθηναῖοι δὲ μετὰ τὰ Μηδικὰ κατὰ μαντείαν ἀνελόντες τὰ ὀστᾶ αὐτοῦ ἔθαψαν.

Возможно, что сравненіе съ подлиннымъ текстомъ Аристотеля открыло-бы въ разсказѣ Плутарха и много другихъ слѣдовъ пользованія Политіей. Но отъ этого дѣло не измѣнилось-бы. Главные источники Плутарховой біографіи твердо установлены—это Истръ и Филохоръ [1]); оба они пользовались Ари-

[1]) Gilbert, Die Quellen des plutarchischen Theseus. Philologus, 33 (1873—74), p. 66. Ср. Holzinger, p. 166.

стотелемъ, Филохоръ даже въ значительной степени,—оба часто называли свои источники [1]), и у обоихъ, слѣдовательно, Плутархъ могъ найти цитаты изъ Политіи. Мы тѣмъ болѣе имѣемъ право остановиться на этомъ предположеніи, что оно согласуется съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ-же выводовъ, къ которымъ привело насъ изслѣдованіе прочихъ біографій Плутарха. Жизнеописаніе Тесея было однимъ изъ послѣднихъ трудовъ Плутарха; по его собственнымъ словамъ, оно было составлено по окончаніи всей серіи достовѣрныхъ историческихъ біографій [2]). Едва-ли можно допустить, что, ни разу до сихъ поръ не воспользовавшись Политіей Аристотеля, онъ обратился къ ней подъ конецъ своей работы, и притомъ по такому поводу, по которому она несомнѣнно могла дать ему гораздо меньше матеріала, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ—хотя-бы, напримѣръ, для характеристики Солона, Ѳемистокла или Аристида.

---

[1]) См. выше стр. 86; Istri frgm. 12, 56.

[2]) Plut. Thes. 1. οὕτως ἐμοὶ περὶ τὴν τῶν βίων των παραλλήλων γραφὴν τὸν ἐφικτὸν εἰκότι λόγῳ καὶ βάσιμον ἱστορίᾳ πραγμάτων ἐχομένῃ χρόνον διελθόντι.... Cp. Muhl, Plutarchische Studien (Jahresbericht fur 1884—85 der konigl. bayerischen Studienanstalt bei St. Anna in Augsburg), p. 16—17.

Къ вопросу о времени появленія труда Эфора.

Проф. Бузескулъ, въ рецензіи на мою статью „Аристотель и Эфоръ“ упрекаетъ меня за то, что я обошелъ молчаніемъ вопросъ о времени появленія труда Эфора. По правдѣ сказать, съ *этой* стороны я не ждалъ возраженій. Проф. Бузескулъ пишетъ [1]): „Извѣстно, что Эфоръ дожилъ до 20-хъ годовъ IV вѣка и умеръ, не окончивъ своего труда; спрашивается, могъ-ли Аристотель воспользоваться имъ?“ Мнѣніе, что Эфоръ былъ еще живъ во время похода Александра въ Азію, основано на словахъ Климента Александрійскаго (Strom., I, p. 403): Ἀπὸ τούτου (sc. ab Heraclidarum reditu) ἐπὶ Εὐαίνετον, ἐφ' οὗ φασιν Ἀλέξανδρον εἰς τὴν Ἀσίαν διαβῆναι, ὡς μὲν Φανείας ἔτη ἑπτακόσια δεκαπέντε, ὡς δὲ Ἔφορος ἑπτακόσια τριάκοντα πέντε. Это мнѣніе ошибочно, потому что Эфоръ, доведшій свою исторію до 356 г., не могъ говорить о походѣ Александра; предположеніе Мюллера (Fragm. Hist. Graec. I, p. LIX), что Эфоръ упомянулъ объ этомъ событіи „initio statim operis“, неправдоподобно, потому что трудно думать, что, родившись между 408 и 404 гг. [2]), Эфоръ началъ писать свою исторію только послѣ 334 г., т.-е., во всякомъ случаѣ, передъ самой смертью. Климентъ, очевидно, самъ вычислилъ по Эфору хронологію похода Александра; это под-

[1]) Филолог. Обозр. 1894 г., томъ VII, кн. I, стр. 9.

[2]) Suidas: ἐπὶ τῆς ἐνακοστῆς τρίτης Ὀλυμπιάδος, съ чѣмъ, въ противоположность мнѣнію Мюллера (Fragm. Histor. Graec. I, p. LVIII), приходится согласиться въ виду того, что Исократъ, у котораго учился Эфоръ, жилъ на Хіосѣ между 392 и 388 гг.

тверждается еще и тѣмъ, что въ своей датировкѣ возвращенія Гераклидовъ онъ сильно расходится съ Діодоромъ (1069 лѣтъ до похода Александра въ Азію, тогда какъ по Діодору выходитъ 1096) [1]). Такимъ образомъ, для хронологіи жизни Эфора остается только одно извѣстіе — у Плутарха, въ De stoic. repugnant., c. 20: Καλλισθένει τινὲς ἐγκαλοῦσιν, ὅτι πρὸς Ἀλέξανδρον ἔπλευσεν... Ἔφορον δὲ καὶ Ξενοκράτην καὶ Μενέδημον ἐπαινοῦσι, παραιτησαμένους τὸν Ἀλέξανδρον, но это извѣстіе не заставляетъ насъ отодвигать смерть Эфора далѣе середины 30-хъ годовъ IV вѣка.

Въ сейчасъ полученной мною новой книгѣ проф. Бузескула „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V вѣка“ (Харьковъ, 1895 г.) уважаемый профессоръ снова возвращается къ тому-же вопросу, указывая на то, что „Эфоръ умеръ, не окончивъ труда своего, ибо послѣднее изъ упоминаемыхъ имъ событій— осада Перинѳа, 340 г., а оно не настолько важно, чтобы служить конечною гранью“ (стр. 230). Это не совсѣмъ вѣрно: Эфоръ довелъ свою исторію до начала Священной войны, что̀ безъ сомнѣнія можно признать конечной гранью; дальнѣйшія событія до осады Перинѳа описалъ его сынъ Демофилъ,—см. Diod. XVI, 14: Τῶν δὲ συγγραφέων Δημόφιλος ὁ Ἐφόρου τοῦ ἱστοριογράφου υἱὸς, τὸν παραλειφθέντα πόλεμον ὑπὸ τοῦ πατρὸς, ὀνομασθέντα δὲ ἱερὸν, συντεταγμένος, ἐντεῦθεν ἤρκται ἀπὸ τῆς παραλήψεως τοῦ ἐν Δελφοῖς ἱεροῦ καὶ τῆς συλήσεως τοῦ μαντείου ὑπὸ Φιλομήλου τοῦ Φωκέως.

---

[1]) Замѣть также разницу: Clem. ἐπὶ Εὐαίνετον—Diod. ἐπὶ Κτησικλῆ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе I

Солонъ 1

Ѳемистоклъ 49

Аристидъ 56

Кимонъ 70

Периклъ 77

Никій 80

Именныя цитаты 83

Заключеніе 90

Приложенія:

Тесей 95

Къ вопросу о времени появленія труда Эфора 98